

ЛУИ НИЛЬСОН

КОЛЛЕКЦИОНЕР ТЕНЬЕМ

— Цена реставрации —

Луи Нильсон
Коллекционер теней

«Автор»

2026

Нильсон Л.

Коллекционер теней / Л. Нильсон — «Автор», 2026

Нелли Андреевна — бывшая гимнастка, сменившая спорт на скальпель реставратора. Когда загадочный меценат Марат приглашает её в свой пентхаус в Москва-Сити, это кажется шансом всей жизни. Но правила в «золотой клетке» жестоки: тишина, изоляция и запрет на личные контакты. Вскоре за роскошным фасадом Нелли обнаруживает страшную закономерность: лица на фресках, которые она восстанавливает, подозрительно напоминают женщин из прошлого Марата. Встреча с его «бывшей моделью» подтверждает худшее: под слоем краски скрывается чужая боль. Сможет ли Нелли завершить работу и очистить свою жизнь от прошлого, не став очередным экспонатом в коллекции человека с ледяным сердцем?

© Нильсон Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ СЛОЙ ГРУНТА	5
ГЛАВА 2. ПРАВИЛО ХОЛОДНОГО СВЕТА	12
ГЛАВА 3. КРАКЕЛЮР ПЕРВОЙ ЛЖИ	19
ГЛАВА 4. МЫШЕЧНАЯ ПАМЯТЬ КЛЕТКИ	26
ГЛАВА 5. ЗАПРЕТНЫЙ РЕГИСТР	32
ГЛАВА 6. ТЕНЕВОЙ КОНТАКТ	38
ГЛАВА 7. ХИМИЯ ПОДЧИНЕНИЯ	44
ГЛАВА 8. ПЕЧАТЬ НА ХОЛОДНОМ КРАКЕЛЮРЕ	50
ГЛАВА 9. ГОЛОС В ВЕНТИЛЯЦИИ	55
ГЛАВА 10. СЛЕПОЕ ПЯТНО МОРАЛИ	59
ГЛАВА 11. ТЕАТР ОДНОГО ЗРИТЕЛЯ	65
ГЛАВА 12. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ШАНТАЖ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Коллекционер теней

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ СЛОЙ ГРУНТА

Стеклянные двери Москва-Сити захлопнулись за моей спиной с тем самым вакуумным звуком, который обычно сопровождает герметизацию барокамеры. В вестибюле пахло дорогим безразличием: смесью селективного парфюма, свежего бетона и озона от кондиционеров. Мои кроссовки бесшумно сминали ворс ковровой дорожки, но внутри я чеканила шаг. Плечи развернуты, подбородок параллельно полу, копчик подкручен. Старая привычка гимнастки - держать корпус так, словно на тебя в любую секунду может обрушиться судейский вердикт. Марат выбрал меня именно за эту геометрию, хотя официально это называлось приглашением на работу по восстановлению интерьерной живописи.

У лифтов меня уже ждали. Степан стоял, расставив ноги на ширине плеч, воплощая собой идею непреодолимого препятствия. Его лицо напоминало плохо пропеченный хлеб - серое, пористое и абсолютно неподвижное. Он не поздоровался. В его мире вежливость была лишним весом, мешающим прицеливанию.

- Смартфон, - коротко бросил он, протягивая ладонь, обтянутую черной кожей перчатки.

Я замерла. Мой телефон был последним узлом, связывающим меня с реальностью, где существовали просроченные счета за аренду студии, звонки от навязчивой Лизы и редкие, сухие наставления Ольги Петровны. Лиза прислала сообщение буквально пять минут назад: Нелька, ты там жива? Если он маньяк, подмигни в камеру. Я не успела ответить.

- Правила вы читали, Нелли Андреевна, - голос Степана прозвучал как скрежет металла по стеклу. - Никакой фиксации. Никакой связи с внешним миром в рабочее время. Яна предупредила вас при подписании договора.

Я засунула руку в карман куртки. Пальцы нащупали гладкий корпус айфона. Мышечная память требовала сжать его покрепче, закрепиться в этой точке, но я заставила себя разжать ладонь. Я положила телефон в его руку. Степан тут же протянул мне взамен пластиковый кирпич - старую кнопочную модель.

- Список контактов пуст. Только экстренная связь и внутренний номер управляющего. На выход - через две недели, если не поступит иных распоряжений от хозяина.

Он нажал кнопку вызова. Двери лифта разошлись, открывая нутро, облицованное зеркальным хромом. Я вошла внутрь, чувствуя, как Степан втискивается следом. В замкнутом пространстве лифта его присутствие ощущалось как избыточное давление. Воздуха стало мало. Я зафиксировала взгляд на табло с цифрами этажей, отсчитывая ритм своего пульса. Шестьдесят два, шестьдесят три, шестьдесят четыре. Мой внутренний критик, говорящий голосом тренера, ехидно поинтересовался: И это все, на что ты способна? Сдаться за возможность пожить в золотой клетке?

Я не сдавалась. Я проводила зачистку. В моей жизни накопилось слишком много лишнего грунта, который нужно было содрать до самого основания, чтобы понять, осталось ли там хоть что-то живое.

Лифт остановился так плавно, что я почувствовала это только по легкому толчку в коленях. Двери разъехались. На пороге пентхауса стоял Аркадий. Если Степан был грубой силой, то Аркадий - тонким инструментом. Управляющий пентхаусом выглядел как человек, который знает, где зарыты все тела, и лично выбирал для них тип почвы. Его серая двойка сидела безупречно, а взгляд был направлен куда-то в область моего левого плеча. Он никогда не смотрел в глаза прямо, словно боялся увидеть там что-то, что нарушит его внутренний регламент.

- Добро пожаловать, Нелли Андреевна, - произнес он полушепотом. - Марат Игоревич ожидает, что вы приступите немедленно. Ваши вещи уже доставлены в гостевое крыло.

Я сделала шаг на территорию, которая официально принадлежала человеку, чье имя в определенных кругах произносили с оттенком суеверного ужаса. Марат. Коллекционер, меценат, человек с глазами, в которых застыла вечная мерзлота.

Аркадий протянул мне папку из плотной кожи.

- Здесь перечень штрафных санкций. Настоятельно рекомендую ознакомиться. Пункт первый: тишина. После десяти вечера любые перемещения по общим зонам должны быть бесшумными. Пункт второй: невмешательство. Вы не касаетесь предметов искусства, не входящих в ваш рабочий план. Пункт третий: приватность. Вы не заговариваете с Маратом Игоревичем, если он не обратился к вам первым.

Я открыла папку. Юрист Яна постаралась на славу: сухие формулировки контракта здесь превратились в детальный план моей будущей капитуляции. За каждое нарушение - вычет из гонорара. Суммы были такими, что пара случайных вскриков во сне могла оставить меня в долгах до конца жизни.

- А если я захочу пить ночью? - спросила я, пытаясь найти хоть одну трещину в его броне.

- В вашей комнате есть мини-бар, - Аркадий даже не дрогнул. - Постарайтесь не хлопать дверцей. Марат Игоревич обладает исключительным слухом. Он чувствует любой диссонанс в пространстве.

Я кивнула, ощущая, как мышцы шеи каменеют. Это было похоже на подготовку к прыжку с бревна: нужно было рассчитать каждое движение до миллиметра, иначе - падение и дисквалификация.

Аркадий повел меня по коридору. Стены здесь были затянуты темным шелком, который поглощал свет. Я сканировала углы. Камеры были повсюду - маленькие стеклянные зрачки, следящие за каждым моим жестом. Степан наверняка сидел сейчас перед мониторами, фиксируя мою походку, мою неуверенность, мой страх. Но я не дам ему этой радости. Я выпрямила спину еще сильнее, так, что между лопатками возникла привычная тянущая боль.

- Виктор Громов заходил вчера, - вдруг произнес Аркадий, и в его голосе проскользнула тень чего-то похожего на иронию. - Интересовался, кого именно Марат Игоревич нанял для этой работы. Сказал, что приглашать бывшую спортсменку для реставрации фресок такого уровня - это все равно что просить мясника исполнить партию на скрипке.

Я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Громов. Этот напыщенный индус от искусствоведения обожал цитировать классиков и мешать меня с грязью на каждой выставке. Для него я была лишь выскочкой, которая сменила гимнастический купальник на мастихин.

- Передайте Виктору, что мясо я режу исключительно профессионально, - ответила я, не меняя тона. - А скрипку поберегу для похорон его репутации.

Аркадий едва заметно дернул уголком рта. Это можно было считать за аплодисменты.

Мы миновали несколько дверей. Из-за одной доносился едва уловимый запах антисептика. Там, вероятно, находился кабинет врача Андрея. Я видела его один раз на предварительной встрече - он тогда поправлял очки каждые тридцать секунд и смотрел на меня с таким сочувствием, словно я уже была неизлечимо больна. В этом доме каждый второй был либо надзирателем, либо свидетелем чьей-то слабости.

- Ваша рабочая зона в большой гостиной, - Аркадий остановился перед массивными двойными дверями. - Марат Игоревич просил передать, что первый слой грунта должен быть зачищен к завтрашнему утру. Он не терпит промедлений.

Он открыл двери, и я замерла на пороге.

Гостиная была огромной. Окна в пол открывали вид на город, который с этой высоты казался набором микросхем, подсвеченных неонами. Но не вид поразил меня.

Пространство было заполнено тишиной, которая ощущалась физически - как плотный слой лака, под которым застыло все живое. В центре комнаты стояли старинные напольные

часы. Около них копошился крошечный старик. Он выглядел так, будто сам был сделан из столетнего дуба. Его пальцы, узловатые и дрожащие, уверенно манипулировали ключом.

- Это наш часовщик, - вполголоса пояснил Аркадий. - Он приходит раз в неделю. Единственный человек, которому позволено нарушать график тишины своими механизмами. Марат Игоревич считает, что время в этом доме должно звучать правильно.

Старик не обернулся. Он вообще не подал виду, что в комнате кто-то есть. Его визиты, как мне говорили, были чем-то вроде примет: если часы заведены, значит, катастрофа откладывается еще на неделю.

Я прошла вглубь комнаты. Мои шаги по паркету из темного ореха звучали пугающе громко. Я старалась переносить вес с пятки на носок, как на ковре во время вольных упражнений, минимизируя контакт.

- Инструменты там, - Аркадий указал на передвижной столик у дальней стены.

Я повернулась к стене, которую мне предстояло реставрировать, и в этот момент воздух в легких просто закончился. Мои ребра словно сжались стальным обручем.

Это была не просто фреска. Это был портал в какое-то другое время. Огромное полотно, вписанное в нишу, изображало женщину вполоборота. Техника была безупречной - мягкие переходы, глубокие тени, кракелюры, похожие на тончайшую паутину. Но ужас заключался в другом.

С фрески на меня смотрело мое собственное лицо.

Тот же разлет бровей, та же линия скул, тот же упрямый подбородок. Даже крошечный шрам над левой бровью - память о неудачном приземлении с брусьев в двенадцать лет - был на месте. Но этой фреске, судя по состоянию пигмента и глубине трещин, было не меньше тридцати, а то и пятидесяти лет.

- Это... что это? - мой голос прозвучал хрипло, ломая установленную тишину.

Аркадий, который уже собирался уходить, остановился. Он не обернулся, но я увидела, как напряглись его плечи.

- Это наследие, Нелли Андреевна. Марат Игоревич очень дорожит этим образом. Ваша задача - вскрыть поздние наслоения, которые были нанесены предыдущим владельцем, и закрепить оригинальный слой. Работайте осторожно. Помните о дефектах.

Он вышел, плотно притворив за собой двери. Я осталась одна в огромном зале, не считая старика-часовщика, который закончил свою работу и теперь медленно направлялся к боковому выходу, шаркая подошвами по паркету.

- Время не обманешь, дочка, - проскрипел он, проходя мимо меня. Его глаза были затянуты катарактой, но казалось, что он видит меня насквозь. - Можно закрасить лицо, можно содрать кожу, но ритм останется. Сердце бьется, пока часы идут. Помни об этом.

Он исчез за дверью прежде, чем я успела что-то ответить.

Я подошла к фреске вплотную. Мои пальцы дрожали, и я сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Физическая боль помогла заземлиться. Я - Нелли, мне двадцать шесть лет, я бывшая гимнастка, у меня в кармане кнопочный телефон и контракт на круглую сумму. А это - просто совпадение. Генетическая лотерея. Марат нашел меня, потому что я похожа на его любимую картину. Он не коллекционирует искусство, он коллекционирует подобию.

Я почувствовала чье-то присутствие еще до того, как услышала звук. Воздух за моей спиной изменил плотность, стал тяжелее, холоднее. Это было знакомое ощущение - так меняется атмосфера в зале, когда входит главный тренер, от одного взгляда которого девочки начинают валиться с бревна.

Я не оборачивалась. Я смотрела на свое лицо на стене, изучая кракелюры на щеке.

- Вы видите дефекты? - голос Марата прозвучал негромко, но он заполнил собой все пространство.

В его интонациях не было ни вопроса, ни интереса. Только констатация. Он стоял где-то в двух метрах за моей спиной. Я чувствовала его взгляд на своей затылке, в том самом месте, где начинался пучок моих туго затянутых волос. Мое тело отозвалось мгновенно: спина выгнулась, мышцы пресса сократились, создавая защитный корсет.

- Вижу, - ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Грунт отошел от основы в нескольких местах. Поздняя запись сделана грубо, она душит оригинал. Если не зачистить это сейчас, через пару лет изображение начнет осыпаться хлопьями.

- Тогда приступайте, - сказал он. - У вас есть все необходимые реактивы. Аркадий проследит, чтобы вас не беспокоили.

- Почему я? - я все-таки обернулась.

Марат стоял, засунув руки в карманы темно-синих брюк. На нем была простая белая рубашка с расстегнутым воротом, но он выглядел в ней как император в изгнании. Его лицо было лишено эмоций, словно его тоже когда-то покрыли слоем матового лака.

- Потому что вы знаете, что такое дисциплина, Нелли. И потому что вы умеете работать с болью. Реставрация - это всегда причинение боли материалу, чтобы вернуть ему жизнь.

Он подошел ближе. Теперь нас разделяло меньше метра. Я ощутила тонкий аромат его парфюма - можжевельник, старая кожа и что-то горькое, похожее на полынь. Мой внутренний критик замолчал, подавленный этой мощной, направленной энергией.

- Не разочаруйте меня, - произнес он, глядя мне прямо в глаза. Его зрачки были расширены, превращая радужку в узкое кольцо. - В этом доме не прощают ошибок. Если вы испортите хоть один сантиметр этого лица, последствия будут... долговечными.

Он развернулся и ушел, не дожидаясь моего ответа. Двери за ним закрылись с тихим щелчком.

Я осталась одна перед своим двойником. Моя рука потянулась к столику с инструментами. Я взяла скальпель. Его стальное лезвие блеснуло в свете люстр. Мне нужно было начать. Нужно было сделать первый надрез, вскрыть этот нарыв прошлого, который почему-то носил мое лицо.

Я подошла к стене и коснулась кончиком лезвия края фрески, там, где пигмент уже начал шелушиться. Под верхним слоем серой, безжизненной краски проглядывало что-то ярко-алое.

Работа началась.

Первые несколько часов пролетели в каком-то сомнамбулическом трансе. Я забыла про еду, про жажду, про Степана, следящего через камеры. Мое тело работало на автопилоте. Ноги затекли, но я не позволяла себе сесть. В гимнастике нас учили: если ты сошел с дистанции раньше времени, ты проиграл.

Я осторожно снимала слой за слоем. Под моими руками оживали детали, которые раньше были скрыты. Глаз на фреске обретал глубину. И чем больше я работала, тем сильнее становилось ощущение, что я не восстанавливаю картину, а провожу аутопсию.

Около десяти вечера двери снова открылись. Я вздрогнула, едва не полоснув скальпелем по "своему" подбородку. Это был Аркадий. Он нес поднос с легким ужином.

- Марат Игоревич распорядился, чтобы вы поели, - сказал он, ставя поднос на кофейный столик. - И напомним: через десять минут наступает время тишины.

- Я справлюсь, - отрезала я.

- Не сомневаюсь. Кстати, вам звонили на рабочий аппарат. Некая Ольга Петровна. Она просила передать, что связующее вещество должно быть натуральным, иначе работа не продержится и десятилетия.

Я замерла. Ольга Петровна никогда не звонила просто так. Она чувствовала опасность за версту, как опытный реставратор чувствует плесень под слоем лака. Ее совет был метафорой. Она предупреждала меня: не пытайся имитировать искренность там, где все построено на контрактах.

- Спасибо, Аркадий. Я учту.

Когда он ушел, я подошла к окну. Москва горела внизу миллионами огней. Где-то там Марк, этот прилипчивый журналист, наверняка караулил у входа, надеясь выудить хоть какую-то сплетню о новом увлечении Марата. Он не знал, что я - не увлечение. Я - инструмент. Рабочий орган, призванный вернуть Марату его утраченную иллюзию.

Я посмотрела на свой кнопочный телефон. Сообщений не было. В этом вакууме я начала исчезать как личность. Оставалась только функция. Реставратор. Гимнастка. Объект.

Я вернулась к стене. Первый слой грунта был почти зачищен. Под ним открывалась правда, к которой я, кажется, не была готова. Женщина на фреске не просто была похожа на меня. У нее на шее был изображен точно такой же кулон, который сейчас лежал в моей шка-тулке в гостевой комнате - подарок матери, который я никогда не носила.

Холод пробежал по моим мышцам, вызывая мелкую дрожь. Я заставила себя дышать ровнее. Вдох на четыре счета, выдох на восемь. Контроль. Главное - контроль.

Я посмотрела на часы. Без пяти десять. Время тишины.

Я выключила основной свет, оставив только направленную лампу у фрески. Тень от моих рук ложилась на стену, сплетаясь с изображением. В полумраке казалось, что женщина на стене дышит в унисон со мной.

Я села на пол, прислонившись спиной к холодному дереву столика. Мое тело помнило каждый изгиб этого пространства, словно я уже была здесь раньше. В какой-то другой жизни, в другом слое краски.

Где-то в глубине пентхауса раздался глухой удар, затем звук разбитого стекла. Я замерла, вжимаясь в пол. Согласно правилам, я не должна была двигаться. Но любопытство и старый инстинкт самосохранения оказались сильнее.

Я поднялась и на цыпочках подошла к дверям. Приоткрыв их на несколько миллиметров, я выглянула в коридор.

Там, в пятне света от одной-единственной лампы, стоял Марат. Он прижимал руку к стене, и я увидела, как между его пальцев сочится что-то темное. На полу валялись осколки тяжелого хрустального стакана.

Рядом с ним стоял Андрей, врач. Он пытался подойти ближе, но Марат оттолкнул его здоровой рукой.

- Уйди, - голос Марата был тихим, но в нем слышалась такая концентрация боли, что у меня перехватило дыхание. - Просто забинтуй это и исчезни.

- Марат, тебе нужно успокоительное, - мягко сказал Андрей, поправляя очки. - Твои срывы становятся опасными для тебя самого.

- Опасность - это когда ты перестаешь чувствовать грань, - Марат поднял голову, и его взгляд случайно встретился с моим через щель в дверях.

Я не успела отпрянуть. Его глаза, обычно холодные и пустые, сейчас горели каким-то лихорадочным, первобытным огнем. В них не было власти. В них была только бездонная, черная дыра одиночества.

Он не выдал меня. Просто отвел взгляд и позволил Андрею взять себя за руку.

Я медленно закрыла дверь и вернулась к своей стене. Мое сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Это не было "уханьем вниз", это была четкая, ритмичная тахикардия, которую я умела купировать задержкой дыхания.

Марат не был просто циником. Он был человеком, который разваливался на части, и эти фрески, эти правила, эта тишина были его единственным способом удержать себя в рамках реальности. А я была всего лишь еще одной деталью в его механизме спасения.

Я взяла кисть и начала наносить первый слой защитного состава на очищенный участок. Жидкость ложилась ровно, закрепляя пигмент, возвращая ему яркость.

Завтра придет Яна с новыми документами. Завтра Лиза снова будет обрывать телефон Степана. Завтра Кристина, чье имя я видела в списке бывших моделей, возможно, пришлет очередное анонимное предупреждение. Но сейчас существовала только эта стена и я.

Я посмотрела на лицо женщины. Теперь, когда грязь была удалена, она казалась более живой. Или это я становилась частью этой стены?

Моя мышечная память подсказывала: когда ты долго стоишь на одной ноге на бревне, мир начинает вращаться вокруг тебя. Главное - не смотреть вниз. Главное - фиксировать взгляд на одной точке.

Этой точкой для меня стало лицо на фреске. Мое лицо. Лицо, которое знало тайну этого дома задолго до того, как я переступила его порог.

Я закончила работу, когда первые лучи солнца начали пробиваться сквозь смог над Сити. Мои руки были испачканы в краске и растворителе, спина не разгибалась, а в голове шумело от усталости. Но первый слой был готов.

Я убрала инструменты, тщательно вымыла кисти. В гостевом крыле меня ждала кровать, но я знала, что не усну.

Проходя мимо напольных часов, я остановилась. Они тикали - ровно, уверенно, неумолимо. Старик-часовщик хорошо знал свое дело. Время в этом доме было заведено, и механизм пришел в движение.

Я вошла в свою комнату, села на край кровати и посмотрела на кнопочный телефон. На экране светилось одно пропущенное сообщение от внутреннего номера.

"Хорошая работа, Нелли. Постарайтесь не привыкать к тишине. Она обманчива".

Я отложила телефон и легла, не раздеваясь. Перед глазами все еще плыли кракелюры и тени. Марат был прав в одном: реставрация - это боль. И я только что нанесла первый удар.

За окном просыпался город, который не знал о существовании этого герметичного мира на шестьдесят четвертом этаже. Там люди бежали за кофе, ругались в пробках и строили планы на вечер. Здесь же время застыло в ожидании того момента, когда последний слой краски будет снят и правда, скрытая под ним, наконец-то обретет голос, способный разрушить эту хрупкую, выверенную до миллиметра тишину.

Я закрыла глаза, чувствуя, как сон накрывает меня тяжелым, пыльным покрывалом, похожим на старый холст, который слишком долго ждал своего часа, чтобы его наконец-то выставили на свет, не боясь разрушительного действия кислорода и чужих, жадных глаз.

Впереди было еще тринадцать дней. Тринадцать слоев, которые мне предстояло вскрыть, прежде чем я смогу выйти отсюда, не оставив в этом пентхаусе часть своей собственной кожи, навсегда приклеенной к вековым стенам.

Но начало было положено. Грунт зачищен. Основа обнажена. И пути назад, как и после прыжка с вышки, уже не существовало - только свободное падение в неизвестность, где внизу не было страховочной сетки, а были только твердый мраморный пол и холодный, оценивающий взгляд человека, который купил мое присутствие, но еще не знал, какую цену ему придется заплатить за мое узнавание.

Тишина в комнате стала почти осязаемой, и в этой тишине я наконец услышала собственное дыхание - прерывистое, живое, абсолютно не вписывающееся в идеальный ритм заведенных часов. Это был первый сбой в системе, первая трещина в лаке, которую Марат еще не заметил, но которую я уже чувствовала каждой клеткой своего напряженного, готового к новому прыжку тела. На завтрашний день у меня был четкий план действий, и в этом плане не было места для страха, только для холодной, расчетливой работы мастера, знающего цену каждому своему движению.

Я заснула, когда солнце окончательно залило комнату холодным, хирургическим светом, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе, словно микроскопические фрагменты чьей-то разрушенной памяти, которую мне еще только предстояло собрать воедино. Процесс был

запущен, и теперь оставалось только ждать, когда связующее вещество схватится, надежно фиксируя нас в этой странной, пугающей близости между живым и вечным. Глубокий, тяжелый сон без сновидений стал моим единственным убежищем перед лицом того, что должно было произойти, когда наступит следующий вечер и двери гостиной снова откроются, впуская в мою жизнь человека, чьи правила я уже начала нарушать, сама того не осознавая. Все было готово для следующего этапа, и первый слой грунта теперь надежно защищал то, что пряталось в самой глубине, дожидаясь своего часа и моего решающего прикосновения.

ГЛАВА 2. ПРАВИЛО ХОЛОДНОГО СВЕТА

Проснуться в чужой постели - это всегда дезориентация, но проснуться в пентхаусе Марата - это как выйти на помост после долгого перерыва, когда каждый сустав напоминает о себе тянущей болью, а воздух кажется слишком плотным для дыхания. Мое тело, вышколенное годами гимнастики, отреагировало мгновенно: спина выгнулась, проверяя гибкость позвоночника, пальцы ног вцепились в шелковые простыни, словно в узкое бревно. Я чувствовала себя инструментом, который вынули из чехла и оставили на сквозняке. Свет в спальне был слишком правильным, слишком выверенным, как на картинах старых голландцев, где каждая пылинка имеет свое законное место.

Я встала, ощущая холод полированного пола. Мои движения были точными, почти механическими. Нужно было зачистить пространство от остатков сна, вскрыть этот новый день и закрепить в сознании план действий. Вчерашний вечер казался слоем старой олифы, который потемнел и мешал разглядеть истинный рисунок событий. Я подошла к зеркалу и начала изучать свое лицо, как поврежденный холст. Небольшая припухлость под глазами - дефект, который нужно скрыть. Бледность кожи - следствие стресса или просто этого стерильного освещения. Внутренний тренер в моей голове недовольно цыкнул, требуя безупречности. Нельзя позволять себе расслабляться, когда ты находишься под наблюдением.

Я знала, что за мной наблюдают. Где-то там, за объективами скрытых камер, сидит Степан, начальник службы безопасности с его вечно прямой спиной и взглядом человека, который привык видеть в людях только потенциальные цели. Я почти физически ощущала его присутствие, это была та же клаустрофобия, которую я испытала вчера в лифте, когда он стоял слишком близко, и от него пахло оружейным маслом и дешевым мятным жевательным табаком. Его короткие, обрубленные фразы все еще звучали у меня в ушах, напоминая о том, что свобода в этом доме - понятие относительное и строго дозированное.

Мастерская встретила меня тишиной и запахом растворителя. Это была огромная комната с окнами в пол, выходящими на северную сторону. Идеально для работы. Свет здесь был ровным, без резких теней, тот самый холодный свет, который не прощает ошибок и обнажает малейшие неровности фактуры. Я прошла в центр зала, где на мольбертах и специальных подставках стояли фрагменты фресок, ради которых я здесь оказалась. Это были те самые лица, мои лица, растиражированные неизвестным мастером прошлого. Смотреть на них было физически больно, словно я видела свои собственные внутренности, выставленные на всеобщее обозрение.

Дверь тихо скрипнула. Я не обернулась, я узнала этот звук. Это был Аркадий. Управляющий пентхаусом всегда передвигался так, словно боялся потревожить тени. Он вошел, неся тяжелый серебряный поднос, и поставил его на рабочий стол. Его присутствие всегда вызывало у меня озноб. Он был похож на Цербера, который сменил три головы на одну, но сохранил привычку охранять границы ада.

- Доброе утро, Нелли Игоревна, - произнес он своим характерным полусшепотом, глядя куда-то в район моих колен. - Марат Константинович просил передать, что все необходимые материалы доставлены. Если вам потребуется что-то еще, вы можете сообщить мне.

- Спасибо, Аркадий, - ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. - Я справлюсь сама.

- Как вам будет угодно, - он слегка склонил голову. - Завтрак будет подан через полчаса в малой столовой. Марат Константинович ожидает вас там.

Он удалился так же бесшумно, как и вошел. Я подошла к подносу и начала разбирать инструменты. Кисти, шпатели, баночки с пигментами - все было высшего качества. Марат не скупился на средства, когда дело касалось его коллекции. Но среди новеньких, блестящих

инструментов я вдруг увидела его. Старый скальпель с костяной ручкой. На лезвии, у самого основания, виднелось темное пятно. Моя рука непроизвольно дернулась, и я почувствовала, как старый шрам на ладони начал пульсировать. Это был мой скальпель. Тот самый, которым я порезалась три года назад, когда работала над реставрацией в загородном доме одного олигарха. Как он здесь оказался?

Это был вызов. Марат не просто коллекционировал искусство, он коллекционировал детали моей жизни, препарировал мое прошлое с той же тщательностью, с которой я препарировала слои краски. Я взяла скальпель, ощущая его привычный вес. Металл был холодным, но в моих пальцах он быстро согрелся. Это была провокация, попытка вывести меня из равновесия, проверить, насколько крепок мой защитный слой.

Я вспомнила слова Ольги Петровны, моей первой наставницы. Она всегда говорила, что в реставрации главное - не торопиться. Нужно дать связующему веществу время, чтобы оно схватилось. Нелли, деточка, повторяла она своим медленным, рассудительным голосом, жизнь - это не прыжок через коня, здесь нельзя просто приземлиться на обе ноги и ждать оценки. Здесь нужно уметь ждать, пока правда сама не проступит сквозь трещины. Сейчас мне очень не хватало ее мудрости. Я представила, как она сидит в своей пыльной мастерской, поправляя очки, и пьет крепкий чай из старого подстаканника.

Мои мысли прервал звонок телефона. Это была Лиза. Бывшая коллега, которая всегда знала все сплетни и умела просочиться в любую щель. Ее голос, быстрый и звенящий, ворвался в тишину мастерской как стая воробьев.

- Нелька, ты где пропала? - затараторила она, не давая мне вставить ни слова. - Весь город гудит! Говорят, ты заперлась в башне у этого безумного миллионера. Слушай, это правда, что у него там золотые унитазы и фрески с твоим лицом? Расскажи, ну не томи! Он правда такой жуткий, как говорят? Или в постели он просто душка?

- Лиза, я занята, - холодно прервала я ее поток слов. - У меня много работы.

- Ой, ну вечно ты со своей работой! - Лиза обиженно хмыкнула. - Ты хоть знаешь, что Марк уже роет землю? Этот журналист из хроники, ну ты помнишь его, такой навязчивый, с вечным диктофоном. Он вчера крутился возле входа в здание, пытался пройти под видом курьера. Говорит, что у него есть сенсация о происхождении этих фресок. Будь осторожна, дорогая, он своего не упустит.

- Спасибо за предупреждение, Лиза. Мне пора.

Я нажала отбой и отложила телефон. Внешний мир продолжал вращаться, пытаюсь затянуть меня обратно в свой хаос. Марк, Лиза, все эти люди были лишь помехами на заднем плане. Настоящая игра происходила здесь, в этом стерильном пространстве.

Я подошла к окну. Внизу, далеко внизу, город жил своей суетливой жизнью. Я видела маленькие фигурки машин и людей, которые казались мне мазками на плохо просохшем холсте. Где-то там, в юридических кабинетах, Яна, личный юрист Марата, наверняка дошлифовывала пункты моего контракта. Я вспомнила ее ледяной взгляд и то, как она произносила слова "особые условия". В ее мире не было места чувствам, только параграфы и обязательства. Она была идеальным дополнением к Марату, его юридическим щитом.

Внезапно я почувствовала, как воздух в комнате изменился. Плотность его возросла, и по спине пробежал знакомый холодок. Я не слышала шагов, но знала, что он здесь. Марат стоял в дверях, не пересекая границы мастерской. Он был одет в безупречный серый костюм, который казался частью его кожи. Его лицо было непроницаемым, как застывшая маска.

- Вы начали работу, Нелли? - его голос прозвучал сухо, без единой лишней эмоции.

- Я изучаю материал, - ответила я, поворачиваясь к нему. - Это требует времени.

Он сделал полшага вперед, но все еще оставался в дверном проеме. Это была его манера - обозначать границы, не нарушая их. Он смотрел на меня так, словно я была очередным экспонатом в его коллекции, требующим реставрации.

- У нас мало времени, - произнес он. - Я хочу, чтобы вы соблюдали одно правило. Правило холодного света.

Я нахмурилась.

- Что это значит?

- Вы будете работать только при естественном освещении, - он обвел рукой панорамные окна. - Никаких ламп, никаких искусственных источников. Вы должны прекращать работу в ту секунду, когда солнце заходит за горизонт. Это обязательное условие.

- Но это нелепо, - я почувствовала, как внутри закипает протест. - Зимой световой день короткий, я не успею сделать и половины запланированного. Мне нужны специальные лампы для тонкой работы, чтобы видеть состав связующего вещества.

- Это не обсуждается, - отрезал он. - Вы будете видеть то, что позволяет видеть природа. Истинное лицо фресок открывается только в холодном свете дня. Когда наступают сумерки, истина искажается. Я не хочу, чтобы вы работали с искажениями.

Я смотрела на него, пытаясь найти в его интонациях хоть какую-то трещину, место для удара. Его голос был как идеально наложенная глазурь - гладкий, твердый и совершенно непрозрачный. Он контролировал не только пространство, но и само время моего пребывания здесь.

- Вы боитесь того, что я могу увидеть в темноте? - язвительно спросила я, делая шаг навстречу.

Его глаза сузились, но он не отвел взгляда.

- В темноте все мы видим только свои собственные страхи, Нелли. Я плачу вам за то, чтобы вы видели мои сокровища такими, какие они есть. Аркадий принесет вам график заката на ближайший месяц. Надеюсь, вы проявите дисциплину.

Он повернулся, собираясь уйти, но остановился.

- И еще. Завтра придет старик-часовщик. Он заводит часы в этом доме уже сорок лет. Не обращайтесь на него внимания, он немного эксцентричен. Но его визиты - это знак того, что время все еще на нашей стороне.

Марат исчез в коридоре, оставив после себя ощущение пустоты и странного напряжения в мышцах. Я чувствовала себя так, словно только что завершила сложное упражнение на брусьях и теперь пытаюсь восстановить дыхание. Его правила были клеткой, но в этой клетке было странно уютно. Она давала четкие ориентиры, которых мне так не хватало в последнее время.

Я подошла к часам на стене. Они были старинными, с тяжелым маятником, который отсчитывал секунды с безжалостной точностью. Я представила этого загадочного часовщика, о котором говорил Марат. Единственный человек, который его не боится. Почему? Может быть, потому что он знает цену времени лучше всех остальных?

Мой взгляд снова упал на скальпель. Я взяла его и подошла к одному из фрагментов фрески. Лицо на нем было почти идентично моему, только взгляд был другим - более спокойным, почти отсутствующим. Я начала аккуратно зачищать край, снимая слой вековой пыли. Работа требовала предельной концентрации. Мои пальцы двигались уверенно, мышечная память подсказывала правильный угол наклона.

В какой-то момент я поймала себя на том, что прислушиваюсь к звукам дома. Где-то внизу хлопнула дверь - возможно, это был Андрей, личный врач Марата. Я видела его вчера в прихожей, когда он уходил. Он бросил на меня странный, сочувственный взгляд, словно я была пациенткой с неизлечимым диагнозом. От него пахло антисептиком и дорогим табаком, и он постоянно поправлял очки, которые сползали на кончик носа. Что он здесь лечит? Тело Марата или его израненную душу, которая прячется за коллекцией застывших образов?

Я вспомнила Виктора Громова, того напыщенного искусствоведа, который на последней выставке во всеуслышание заявил, что мой талант - это лишь умелая имитация. Его театральные жесты и цитаты из классиков тогда привели меня в бешенство. Что бы он сказал сейчас, увидев меня здесь? Наверняка разразился бы тирадой о том, что я наконец-то нашла свое место

в качестве живого экспоната. Его слова всегда били по самому больному - по моему страху быть заменяемой, быть лишь копией чего-то подлинного.

Работа продвигалась медленно. Холодный свет из окна начал менять свой оттенок, становясь более золотистым. Я знала, что скоро солнце начнет клониться к горизонту, и мне придется остановиться. Это правило Марата казалось мне все более странным. Словно он хотел ограничить мое видение, оставить меня в неведении относительно каких-то деталей, которые проявляются только при искусственном освещении.

Я отложила скальпель и вытерла руки ветошью. Мои мышцы ныли от долгого неподвижного стояния. Я сделала несколько упражнений для разминки, чувствуя, как кровь начинает быстрее бежать по жилам. Тело спортсменки никогда не забывает дисциплину. В гимнастике, если ты теряешь контроль на долю секунды, ты падаешь. Здесь, в этом доме, правила были другими, но цена падения могла быть не менее высокой.

Я вспомнила Кристину. Ту самую бывшую модель Марата, которую я мельком видела на благотворительном вечере полгода назад. Она тогда подошла ко мне в уборной, обдав запахом тяжелого, удушливого парфюма. Ее голос был хриплым, а веко левого глаза нервно подергивалось. Она посмотрела на меня и сказала: Берегись света, девочка, он здесь слишком яркий для таких, как мы. Тогда я не поняла, что она имела в виду. Теперь, стоя в этой залитой холодным сиянием мастерской, я начала догадываться.

Солнце коснулось крыш соседних зданий. Я почувствовала, как внутри меня что-то сжалось. Пора заканчивать. Я начала аккуратно убирать инструменты на поднос, раскладывая их в строгом порядке. Дисциплина - это мой единственный способ сохранить рассудок в этом месте.

Я подошла к окну, чтобы напоследок взглянуть на город. Небо окрасилось в тревожные багровые тона. Красиво и зловеще одновременно. Я потянулась к ручке окна, надеясь впустить в комнату немного свежего воздуха. Запах растворителей начал вызывать легкое головокружение.

Ручка не поддавалась. Я нажала сильнее, думая, что ее просто заклинило. Но механизм даже не шелухнулся. Я попробовала другое окно - результат был тем же. На рамах не было видимых замков, но они словно вросли в стены.

Я внимательно осмотрела периметр окна. Маленький красный светодиод, почти незаметный в лучах заходящего солнца, мигнул в углу рамы. Электроника. Все окна в мастерской были заблокированы. Я была не просто гостьей или нанятым мастером. Я была пленницей в золотой клетке, где даже воздух подавался по расписанию.

Я почувствовала, как паника начинает подступать к горлу, но привычно подавила ее. Вдох, выдох. Сосчитать до десяти. Мой внутренний тренер требовал спокойствия. Паника - это плохой союзник на бревне. Я подошла к двери мастерской. Она открылась легко, выпуская меня в коридор, где уже начали сгущаться сумерки.

Дом жил своей жизнью. Где-то вдалеке послышался мелодичный звон - старик-часовщик, видимо, уже приступил к своим обязанностям, или это были просто автоматические куранты. Я шла по коридору, ощущая под ногами мягкий ворс ковра, который поглощал все звуки. Этот дом был спроектирован так, чтобы скрывать присутствие людей, превращая их в тени.

Я остановилась у входа в малую столовую. Дверь была приоткрыта, и оттуда лился теплый свет свечей. Марат сидел во главе стола, его силуэт четко выделялся на фоне окна. Он не обернулся на мой приход, но я знала, что он почувствовал мое приближение.

- Вы закончили вовремя, Нелли, - произнес он, и в его голосе мне почудилась странная нотка удовлетворения. - Садитесь. Нам нужно обсудить план на завтра.

Я прошла к столу, чувствуя, как каждый мой шаг отдается в коленях. Мое тело было напряжено, как струна, готовая лопнуть в любой момент. Я села напротив него, глядя прямо в его холодные, непроницаемые глаза.

- Почему окна заблокированы? - спросила я без вступлений. Мой голос звучал тверже, чем я ожидала.

Марат медленно поднял бокал с вином. Жидкость внутри была густой и темной, как кровь.

- Безопасность, Нелли. В этом здании сложная система вентиляции и климат-контроля. Открытые окна могут нарушить температурный режим, необходимый для сохранности коллекции. Степан очень серьезно относится к своей работе. Вы ведь не хотите, чтобы фрески начали разрушаться из-за случайного сквозняка?

Его объяснение звучало логично, но я чувствовала ложь за каждой его фразой. Это была не забота об искусстве, это была забота о контроле. Он хотел быть единственным источником воздуха и света в моей жизни на время этого проекта.

- Вы превращаете мою работу в тюремное заключение, - сказала я, чувствуя, как ирония помогает мне справиться со страхом. - Надеюсь, кормить меня будут лучше, чем в Алькатрасе?

Марат слегка улыбнулся. Это была не теплая улыбка, а просто движение мышц лица, лишенное всякой радости.

- У вас будет лучшее меню в городе, уверяю вас. Завтра к нам присоединится Виктор Громов. Он хочет лично проконтролировать процесс вскрытия грунта на центральном фрагменте. Постарайтесь не вступать с ним в дискуссии о технике. Его самомнение так же велико, как и его коллекция сомнительных дипломов.

Упоминание Громова заставило меня поморщиться. Еще один слой проблем, который мне придется счищать завтра. Но в то же время это была возможность. Громов знал о фресках то, чего не знала я. И я собиралась вытянуть из него эту информацию, чего бы мне это ни стоило.

- Я буду само очарование, - пообещала я, беря вилку. - Но при одном условии.

- И каком же? - Марат приподнял бровь.

- Я хочу знать, откуда у вас мой старый скальпель. И не говорите мне, что купили его на аукционе забытых вещей.

Марат поставил бокал на стол. Звук удара стекла о дерево прозвучал как выстрел в тишине комнаты. Он долго смотрел на меня, и в его взгляде я вдруг увидела что-то новое - мимолетную вспышку интереса, смешанную с чем-то похожим на уважение.

- Мир искусства тесен, Нелли. Вещи имеют свойство возвращаться к своим владельцам, если те проявляют к ним достаточное рвение. Считайте это подарком от заведения. Или напоминанием о том, что в этом мире нет ничего случайного.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

- Приятного аппетита. Завтра будет трудный день. Помните о правиле холодного света. Оно защищает вас больше, чем вы думаете.

Он ушел, оставив меня одну в сиянии свечей. Я смотрела на свою тарелку, но аппетита не было. Каждое слово Марата было как мазок краски на холсте - оно добавляло деталей, но не давало общей картины. Я чувствовала себя частью какой-то сложной реставрационной схемы, где я была одновременно и мастером, и материалом.

Я вспомнила слова Ольги Петровны о связующих веществах. Иногда, чтобы закрепить слой, нужно добавить в состав что-то агрессивное, что-то, что вступит в реакцию с основой и создаст нерушимую связь. Марат использовал страх и контроль как свои реагенты. Он пытался закрепить меня в этой реальности, сделать частью своего неподвижного мира.

Но он забыл об одном. Мое тело, привыкшее к движению и борьбе с гравитацией, не умело долго оставаться в покое. Я найду способ нарушить его правила, не разрушив при этом себя. Я вскрою этот дом, как вскрывают старую фреску, и посмотрю, что прячется под слоями его лжи.

Я вышла из столовой и направилась к себе. В коридоре я столкнулась с Андреем. Он выглядел уставшим, его плечи поникли.

- Все в порядке, Нелли Игоревна? - тихо спросил он, поправляя свои неизменные очки.
- Если вам понадобятся какие-то лекарства... от бессонницы или для снятия напряжения... вы только скажите. Марат Константинович иногда бывает слишком требовательным.

- Спасибо, Андрей, - ответила я, внимательно глядя на него. - Я справляюсь.

Он кивнул и быстро прошел мимо, оставив после себя легкий запах мяты и чего-то горького. Его сочувствие было искренним, и это пугало меня больше, чем холодность Аркадия или угроза Степана. Если врач Марата считает нужным сочувствовать мне, значит, я в гораздо большей опасности, чем предполагала.

Я заперлась в своей комнате и подошла к окну. Здесь тоже горел красный светодиод. Город внизу мерцал миллионами огней, но они казались мне холодными звездами в другой галактике. Я была здесь одна, окруженная тенями прошлого и амбициями человека, который решил, что может владеть временем и красотой.

Я легла в кровать, не раздеваясь. Мои мышцы постепенно начали расслабляться, но мозг продолжал работать, анализируя каждое движение, каждую фразу этого дня. Я чувствовала, как первый слой моей защиты начинает схватываться, превращаясь в прочную броню. Завтра будет бой, и я должна быть к нему готова.

Тишина дома была нарушена далеким, едва слышным боем часов. Старик-часовщик, видимо, закончил свою работу. Время в пентхаусе снова потекло в заданном ритме. Я закрыла глаза, представляя, как холодный свет завтрашнего утра снова зальет мастерскую, обнажая правду, которую мы оба так тщательно пытались скрыть за слоями профессионального грима и выверенных движений. Все только начиналось, и первый слой грунта теперь надежно защищал то, что пряталось в самой глубине, дожидаясь своего часа и моего решающего прикосновения к этой странной, пугающей реальности, ставшей моим новым домом. Процесс был запущен, и теперь оставалось только ждать, когда связующее вещество окончательно схватится, фиксируя нас в этой странной близости, где каждое движение могло стать либо спасением, либо окончательным разрушением всего, что мы пытались сохранить. В этом мире застывших образов я была единственным живым элементом, и именно это делало меня самой опасной деталью в коллекции Марата, способной в любой момент разрушить его идеально выстроенный порядок своим непредсказуемым присутствием. Мысли о завтрашнем дне постепенно сменялись тяжелым забытием, и я провалилась в сон, чувствуя, как холодный свет будущего уже начинает просачиваться сквозь закрытые веки, предвещая неизбежность новых правил и новых открытий, которые мне еще только предстояло совершить в этом лабиринте из камня и человеческих амбиций. Конец дня принес не облегчение, а лишь кратковременное затишье перед бурей, которая назревала в каждом углу этого дома, и я знала, что завтрашний рассвет принесет с собой не только работу, но и новые вызовы, к которым мое тело и мой разум должны быть готовы на пределе своих возможностей. Все было готово для следующего этапа, и я приняла этот вызов с холодным спокойствием мастера, знающего, что любая ошибка может стать последней, но именно этот риск и придает смысл каждому движению руки и каждой мысли, рожденной в тишине этого странного, захватывающего плена. Сон наконец окончательно овладел мной, стирая грани между реальностью и вымыслом, оставляя лишь твердую уверенность в том, что завтрашний день принесет ответы на вопросы, которые я пока боялась даже задавать самой себе вслух. Повествование моей жизни продолжало течь, подчиняясь своим внутренним законам, и я была готова следовать за этим течением, куда бы оно меня ни привело в поисках той подлинности, которую я надеялась найти среди обломков чужих воспоминаний и своих собственных страхов. Каждый вдох становился частью этого ритма, и я засыпала с ощущением, что завтрашний день станет отправной точкой для чего-то гораздо более масштабного, чем простая реставрация старых фресок, ведь за каждым слоем краски скрывалась история, кото-

рую мне предстояло прочесть до конца. Подготовка к встрече с Громовым и новые правила Марата были лишь элементами большой игры, в которой мне была отведена ключевая роль, и я принимала ее со всей серьезностью и готовностью действовать наперекор любым обстоятельствам, сохраняя верность своему искусству и своей внутренней правде. Время замерло на мгновение, прежде чем снова начать свой неумолимый бег, и я погрузилась в глубину ночи, зная, что завтрашний холодный свет станет моим главным союзником в борьбе за право оставаться собой в мире, который так стремился превратить меня в очередную копию великого оригинала. Конец одной главы неизбежно вел к началу другой, и я была полна решимости пройти этот путь до конца, какими бы сложными ни были правила, установленные хозяином этого места, ведь в конечном итоге только я владела ключом к тайне, которая объединяла нас всех в этом странном пространстве между прошлым и будущим.

ГЛАВА 3. КРАКЕЛЮР ПЕРВОЙ ЛЖИ

Утро в пентхаусе Марата всегда наступает по расписанию, даже если солнце за окном решило объявить забастовку. Свет здесь не льется, он проникает сквозь панорамные стекла дозированно, как лекарство в вену. Я проснулась от того, что мои мышцы, привыкшие к дисциплине за годы художественной гимнастики, требовали нагрузки. Тело помнило каждый прыжок и каждый шпагат, оно не прощало неподвижности. Я села на кровати, чувствуя, как натягиваются связки под коленями. В этом пространстве я была как новый слой краски на старом холсте: еще не присохла, еще можно соскоблить мастихином, если мастер передумает.

Я вышла в коридор, стараясь ступать бесшумно, но этот дом обладал странной акустикой. Где-то в глубине, за поворотом к кабинету, раздался мерный, сухой звук. Тик-так. Это был не электронный будильник, а тяжелое, металлическое биение сердца старинных напольных часов. Я знала, что раз в неделю сюда приходит старик-часовщик, чье имя никто не называл. Марат ценил его за то, что тот умел останавливать и запускать время, не произнося ни слова. Его визиты были как ритуал, предвещающий смену настроений в доме. Сегодня часы звучали особенно настойчиво, словно отсчитывали секунды до взрыва.

На кухне меня уже ждал Аркадий. Управляющий стоял у монолитной столешницы из серого мрамора, и его фигура казалась частью интерьера, такой же функциональной и лишённой лишних деталей. Он не обернулся на звук моих шагов, лишь слегка склонил голову, приветствуя меня.

- Доброе утро, Нелли, - прошелестел он. Его голос всегда напоминал мне звук перелиставаемой сухой бумаги. - Ваш завтрак готов.

Я подошла ближе, чувствуя, как лопатки сводятся в привычном защитном жесте. Кухня была стерильной. Никаких крошек, никаких запахов живой еды, только аромат дорогого кофе и антисептика. Аркадий выставил передо мной тарелку. Я замерла. На белом фарфоре лежали продукты исключительно белого цвета: отварной яичный белок, нарезанный кубиками адыгейский сыр, горсть очищенного миндаля и густой натуральный йогурт. Это выглядело как натюрморт в стиле минимализма, как упражнение по композиции для первокурсника, которому запретили пользоваться цветом.

- Марат считает, что сегодня вам нужна максимальная концентрация, - добавил Аркадий, по-прежнему не глядя мне в глаза. - Белый цвет не отвлекает рецепторы. Чистота помыслов, чистота восприятия.

- Марат считает или Марат приказал? - я подцепила кусочек сыра вилкой. Сыр был безвкусным, как ластик. - Знаете, Аркадий, в реставрации белый - это самый опасный цвет. Он никогда не бывает просто белым. В нем всегда есть примесь охры, капля кобальта или праха тех, кто пытался закрасить им свои ошибки.

Аркадий промолчал. Он начал протирать и без того блестящую поверхность кофемашины салфеткой. Его движения были механическими. Я видела его руки - узловатые пальцы, которые, казалось, знали об этом доме больше, чем сам Марат. Он был здесь Цербером, который не лает, а просто стоит в тени, преграждая путь к выходу.

- Кто работал над фресками до меня? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал буднично. - Я видела следы свежего вмешательства в гостиную. Слой левкаса еще не окончательно схватился, там есть микротрещины, которые возникают при слишком быстрой сушке. Кто-то очень торопился скрыть подлинник.

Аркадий замер. Его салфетка застыла на полированном металле. Он медленно повернул голову, и я впервые увидела его глаза - выцветшие, как старая акварель, забытая на солнце. В них не было угрозы, только бесконечная, вековая усталость.

- Здесь не бывает "до", Нелли. Здесь есть только "сейчас". Марат не любит копаться в архивах, если это не касается аукционных листов. Ешьте, вам нужны силы.

В коридоре раздался резкий, металлический щелчок. Я непроизвольно вздрогнула, и мышцы пресса мгновенно напряглись, как перед выходом на ковер. Я знала этот звук. Так шелкает зажигалка Zippo. Степан, начальник безопасности, снова обозначил свое присутствие. Он не заходил на кухню, он просто давал понять, что периметр под контролем. Я кожей чувствовала его взгляд через объективы скрытых камер. Для него я была не художником и не гостем, а потенциальным нарушителем режима, объектом, который нужно мониторить 24 на 7.

- Степан сегодня не в духе? - спросила я, игнорируя тарелку с белой едой.

- Степан всегда выполняет свою работу, - отрезал Аркадий и, забрав пустую чашку, исчез в подсобном помещении так тихо, словно растворился в воздухе.

Я осталась одна в этом холодном царстве монохрома. Тишина давила на уши. Я вспомнила слова Ольги Петровны, моей первой наставницы, которая всегда говорила: Нелли, если хочешь понять картину, не смотри на центральную фигуру, смотри на то, как прописаны тени в углах. В тенях всегда больше правды, чем в золоченом нимбе.

Ольга Петровна сейчас, наверное, сидит в своей пыльной мастерской, пьет чай из треснувшей кружки и даже не догадывается, в какую переделку попала ее лучшая ученица. Я хотела позвонить ей вчера, но Яна, личный юрист Марата, при передаче контракта с "особыми условиями" мягко намекнула, что мои внешние контакты теперь должны быть минимизированы. Яна - женщина-скальпель, она отрезала меня от мира так аккуратно, что я даже не почувствовала боли, только легкое онемение.

Мои мысли прервал звук уведомления на телефоне, который я опрометчиво оставила на столешнице. На экране высветилось сообщение от Лизы: "Нел, ты жива? Слышала, ты теперь в золотой клетке у этого психопата. Расскажи подробности! Он правда заставляет моделей раздеваться перед фресками или это слухи? Скинь фотку интерьерера, умоляю, я умру от любопытства!".

Я быстро смахнула уведомление. Лиза, моя бывшая коллега, всегда была катализатором хаоса. Ее интересовали только сплетни и то, насколько глубоки карманы моих заказчиков. Если она узнает, что я здесь, завтра об этом будет знать Марк, тот навязчивый журналист, который уже месяц пытается выкопать грязь на Марата. Он звонил мне дважды, представляясь курьером, но я узнала его по манере перебивать на полуслове и вечному клацанию диктофона в кармане.

Я отодвинула тарелку. Белая еда вызывала у меня тошноту. Это была не забота о моей концентрации, это была попытка Марата стереть мою индивидуальность, превратить меня в чистый лист, на котором он напишет свою версию реальности. Он хотел, чтобы я видела мир его глазами, чтобы я стала инструментом в его руках, послушным и бессловесным, как те кисти, что он купил для меня.

Я встала и подошла к окну. Пентхаус парил над городом, который казался отсюда игрушечным, не настоящим. Где-то там, внизу, Виктор Громов, искусствовед с манерами оперного злодея, наверняка уже готовит свою следующую статью, в которой назовет мою работу подделкой. Он ненавидит Марата, и я для него - лишь удобная мишень, чтобы уколоть врага побольше. Его театральные жесты и цитирование Данте при каждой встрече всегда казались мне фальшивыми, но в одном он был прав: в этом доме всё имеет двойное дно.

Мне нужно было действовать. Я не могла просто сидеть и ждать, когда меня позовут к холсту. Я чувствовала, как внутри закипает протест - тот самый, который заставлял меня в детстве нарушать технику безопасности на тренировках, выполняя элементы, к которым я еще не была готова.

Я вернулась к столу и посмотрела на бокал с вином, который Аркадий оставил "на вечер", хотя сейчас было утро. Вино было густым, цвета венозной крови. На фоне белой кухни оно

выглядело как открытая рана. Марат любил такие контрасты. Он создавал напряжение из ничего, просто сталкивая противоположности.

Я взяла бокал. Мои пальцы слегка дрожали, но не от страха, а от избытка адреналина. Я знала, что Степан смотрит на меня прямо сейчас. Я видела отражение его мониторов в своей голове. Он ждал, что я буду послушной девочкой, которая съест свой белый завтрак и пойдет работать.

Я медленно наклонила бокал. Рубинная жидкость коснулась края, замерла на мгновение и сорвалась вниз. Крупная капля упала на белоснежную, идеально накрахмаленную скатерть. Она мгновенно впиталась, расходясь неровным пятном, похожим на очертания неведомого материка. Кракелюр первой лжи. Я специально сделала это. Я хотела посмотреть, что произойдет, когда я испорчу его идеальный натюрморт.

- Ой, какая неосторожность, - прошептала я, зная, что микрофоны уловят каждое мое слово.

Я не стала звать Аркадия. Я наклонилась ниже, чтобы рассмотреть пятно. Вино пахло ежевикой и старым деревом. В центре пятна, там, где ткань еще не успела полностью поглотить влагу, образовалась маленькая лужица. В ней, как в кривом зеркале, отразился потолок.

Я прищурилась. Хрустальная люстра, висевшая над столом, была произведением искусства - тысячи мелких граней, преломляющих свет. Но одна из этих граней вела себя странно. Она не мерцала, она смотрела на меня холодным, неподвижным зрачком.

В отражении винного пятна я ясно увидела камеру, спрятанную внутри хрусталя. Она была крошечной, высокотехнологичной и направлена прямо на то место, где я сидела. Марат не просто следил за мной через Степана. Он хотел видеть мои зрачки, когда я ем, мои пальцы, когда я касаюсь приборов, каждое мимолетное выражение моего лица.

Мое сердце сбилось с ритма, но я заставила себя выпрямиться. Тело мгновенно приняло идеальную осанку - плечи вниз, шея вытянута, лицо - непроницаемая маска. Годы тренировок научили меня скрывать усталость и боль за идеальной формой. Если он хочет смотреть спектакль, он его получит.

Я взяла салфетку и, вместо того чтобы вытереть пятно, накрыла его сверху, прижимая ладонью к столу. Ткань под рукой была холодной и мокрой. Я чувствовала пульсацию в кончиках пальцев. Это было физическое ощущение власти - я знала то, чего он не хотел мне показывать так рано.

В коридоре снова послышались шаги. На этот раз они были тяжелыми, уверенными. Это не был Аркадий. Это был Марат. Я почувствовала его приближение спиной, через изменение плотности воздуха, как будто в комнату нагнали холодный газ. Воздух стал тяжелее, в нем появился запах его парфюма - смесь сандала и чего-то металлического, напоминающего запах свежееотполированного клинка.

Я не обернулась. Я продолжала смотреть на белую салфетку, под которой расплывалось кровавое пятно.

- Ты испортила скатерть, Нелли, - его голос прозвучал прямо над моим ухом. Он не спрашивал, он констатировал факт. В его интонации не было злости, только скука коллекционера, обнаружившего царапину на новом приобретении.

- Вещи существуют для того, чтобы ими пользовались, Марат, - я медленно повернула голову, встречаясь с его взглядом. Его глаза были темными, почти черными, в них невозможно было прочесть ничего, кроме собственного отражения. - А люди - для того, чтобы совершать ошибки. Иначе зачем бы вам понадобился реставратор?

Он подошел ближе, нарушая мое личное пространство так грубо, что я почувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань своей блузки. Он не коснулся меня, но его присутствие было ощутимее любого объятия. Он был как гравитация - огромная масса, которая искривляет пространство вокруг себя.

- Реставратор нужен для того, чтобы возвращать вещам их истинный вид, - он протянул руку и медленно, двумя пальцами, приподнял край салфетки, обнажая винное пятно. - Но иногда подлинник слишком уродлив, чтобы его выставлять на свет. Ты согласна?

Я посмотрела на него, пытаюсь найти в его лице хоть какую-то зацепку, хоть одну трещину, через которую можно было бы заглянуть внутрь. Но его лицо было идеальным, как мраморная статуя, над которой поработал очень талантливый, но совершенно лишенный эмпатии мастер.

- Подлинность не бывает уродливой, - ответила я, чувствуя, как внутри закипает знакомая ярость, смешанная со странным, почти болезненным азартом. - Она бывает только честной или лживой. Вы боитесь правды, Марат? Поэтому здесь везде камеры? Даже в люстре?

На мгновение в его глазах что-то мелькнуло. Это не был испуг или замешательство. Это был интерес. Так ученый смотрит на подопытную крысу, которая вдруг начала решать задачу быстрее, чем предполагалось по протоколу.

- Камеры - это всего лишь фиксация реальности, - он отпустил салфетку и отошел к окну, заложив руки за спину. Его силуэт на фоне серого неба казался вырезанным из черной бумаги. - Люди склонны искажать воспоминания. Техника лишена этого порока. Она беспристрастна.

- Беспристрастна? - я усмехнулась, вставая из-за стола. - Она показывает только то, что вы хотите видеть. Ракурс решает всё. Вы смотрите на меня сверху вниз, через хрустальные грани, и видите реставратора, который должен выполнить работу. Но вы не видите того, что я чувствую. Вы не видите, как мои мышцы сводит от этой тишины и этой белой еды.

Марат обернулся. В его взгляде появилось что-то новое, какая-то холодная искра.

- И что же ты чувствуешь, Нелли? Кроме желания нарушать правила?

- Я чувствую, что этот дом болен, - я подошла к нему, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки. Мое тело было в идеальном балансе, я была готова к любому движению, к любому удару - словесному или физическому. - Здесь столько слоев лжи, что они начали отслаиваться сами по себе. И ваши фрески - это не искусство. Это попытка замуровать чью-то память. Чью? Кристины? Я видела ее фото в старых каталогах. Она была вашей моделью до того, как... что с ней случилось?

Марат сузил глаза. Его лицо стало еще более жестким, если это вообще было возможно. Я попала в цель. Кристина была тем самым именем, которое в этом доме было под запретом. Я вспомнила ее встречу с ней в уборной на том благотворительном вечере, куда меня пригласили как "перспективного специалиста". Ее хриплый голос, запах тяжелого, удушливого парфюма и этот нервный тик век. Она тогда прошептала мне: "Беги, пока краска не высохла". Тогда я не поняла, о чем она. Теперь я начинала догадываться.

- Кристина не справилась с ролью, - коротко бросил Марат. В его речи снова появились те самые функциональные, обрубленные фразы, которыми он отгораживался от мира. - Она была слишком... живой для этого места. Хаос, который она приносила, был разрушителен.

- И вы решили заменить ее кем-то более управляемым? - я сделала шаг вперед, вторгаясь в его зону комфорта. - Мной? Вы думали, что бывшая спортсменка привыкла к дисциплине и будет подчиняться любому приказу? Что я стану еще одной фреской в вашей коллекции?

Марат молчал. Тишина между нами стала почти осязаемой, она вибрировала, как натянутая струна. Я видела, как на его шее дернулась жилка. Он подавлял всплеск эмоций, и эта борьба внутри него была самым живым, что я видела в этом доме за всё время.

- У тебя завтра встреча с Громовым, - сказал он, полностью игнорируя мои вопросы. Его голос снова был ровным и сухим. - Он придет в полдень. Ты должна показать ему фрагмент в гостиной. Тот, где ты уже сняла верхний слой.

- Но я еще не закончила закрепление! - я всплеснула руками. - Если он начнет ковырять там своими инструментами, мы потеряем часть пигмента. Вы же знаете его манеру - он ищет подделки там, где их нет, и готов уничтожить оригинал, чтобы доказать свою правоту.

- Это не обсуждается, - Марат повернулся ко мне спиной, давая понять, что разговор окончен. - Громов должен увидеть прогресс. Его мнение важно для рынка. А что касается твоих чувств... оставь их для своих картин. Здесь они тебе только помешают.

Он вышел из кухни так же стремительно, как и появился. Я осталась стоять у окна, глядя на пятно вина на скатерти. Оно потемнело и стало похоже на запекшуюся кровь.

В коридоре снова послышался звук зажигалки. Степан. Он словно напоминал мне: ты можешь спорить с хозяином, можешь находить камеры, можешь проливать вино, но ты всё равно под прицелом.

Я вернулась в свою комнату, чувствуя, как в теле нарастает странная легкость. Это была легкость человека, который понял правила игры и решил их принять, но по-своему. Если Марат хочет фиксации реальности, я дам ему такую реальность, которую он не сможет переварить.

Я достала свой рабочий блокнот и начала набрасывать схему расположения камер, которую успела заметить. Хрустальная люстра - раз. Угол над холодильником - два. Датчик дыма в коридоре - три. Я знала, что Степан следит за каждым моим движением, поэтому я делала вид, что просто рисую эскизы для реставрации. Мои пальцы летали по бумаге, создавая сложные переплетения линий, в которых только я могла разобрать истинный смысл.

В дверь негромко постучали. Это был Андрей, врач Марата. Он всегда появлялся в те моменты, когда атмосфера в доме накалялась до предела. От него пахло антисептиком и дорогим табаком. Он вошел, поправляя очки в тонкой золотой оправе, и бросил на меня сочувственный взгляд.

- Нелли, Марат попросил меня заглянуть к вам. Сказал, что вы сегодня бледнее обычного. Возможно, стоит проверить давление?

Я посмотрела на него через плечо. Андрей был единственным в этом доме, кто смотрел на меня как на человека, а не как на объект. В его глазах я видела отражение собственной уязвимости, и это пугало меня больше, чем холодность Марата.

- Со мной всё в порядке, Андрей. Просто избыток белого цвета в рационе. Скажите вашему патрону, что я не нуждаюсь в медицинской помощи. Мне нужна работа и немного тишины.

- Тишина здесь - товар дефицитный, - мягко произнес он, подходя к окну. - Даже когда кажется, что все молчат, стены продолжают говорить. Вы ведь это уже почувствовали, верно?

Я замерла с карандашом в руке. Его слова попали точно в цель. Этот дом был пропитан историями, которые пытались заглушить слоями дорогой краски и звукоизоляцией.

- Что случилось с предыдущим реставратором, Андрей? - спросила я, глядя на его отражение в стекле. - Аркадий говорит, что здесь нет "до", но я знаю, что это ложь.

Андрей вздохнул, и его очки на мгновение запотели. Он снял их и начал протирать краем халата. Без очков его лицо казалось беззащитным и очень старым.

- Он просто ушел, Нелли. Не все выдерживают этот ритм. Марат требует совершенства, а совершенство - это очень тяжелая ноша. Не пытайтесь копать слишком глубоко. Иногда под слоем краски скрывается пустота, которую лучше не тревожить.

Он ушел, оставив после себя легкий запах лекарств и еще больше вопросов. Я закрыла блокнот. Пустота? Нет, Марат не из тех, кто хранит пустоту. Он коллекционирует смыслы, даже если они причиняют боль.

Вечер опустился на город внезапно. Я сидела в гостиной перед фреской, пытаюсь сосредоточиться на работе, но мысли постоянно возвращались к камере в люстре. Я чувствовала на себе взгляд Степана, чувствовала невидимые нити, которые тянулись ко мне от мониторов в его камерке.

Я взяла кисть и начала осторожно наносить закрепляющий состав на обнаженный фрагмент подлинника. Краска под моими руками оживала. Это был удивительный синий цвет -

лазурит, который сохранил свою яркость спустя столетия. Он пробивался сквозь серую дымку поздних наслоений, как первый подснежник сквозь грязный снег.

Где-то в холле снова послышались шаги часовщика. Он уходил. Тяжелая дверь пентхауса захлопнулась с глухим звуком, похожим на финальный аккорд. Время в доме снова пошло своим чередом, отмеренное безупречным механизмом.

Я посмотрела на свои руки. Они были испачканы в пигменте и растворителе. Кожа на пальцах стала сухой и грубой, но я не чувствовала дискомфорта. Это была моя броня. Моя профессиональная защита от мира, который пытался превратить меня в декорацию.

Завтра придет Громов. Завтра начнется новый этап этой игры, где ставки растут с каждой минутой. Я знала, что он будет искать изъяны, будет пытаться разглядеть в моей работе следы непрофессионализма или, что еще хуже, следы моего подчинения Марату. Он не понимал, что моя работа - это единственный способ сохранить рассудок в этом стерильном аду.

Я встала и подошла к окну. Город внизу сверкал миллионами огней, каждый из которых был чьей-то жизнью, чьей-то маленькой правдой. Здесь же, на высоте сорокового этажа, правда была одна, и она принадлежала человеку, который считал, что может купить даже время.

Я вспомнила отражение в винном пятне. Марат думал, что контролирует всё, что его камеры видят каждую мою тень. Но он ошибался. Он видел только форму, только мои движения, только мою дисциплинированную осанку бывшей гимнастки. Он не видел того, что скрывалось за кракелюром моей собственной уверенности.

Я подошла к люстре и на мгновение замерла прямо под ней. Я знала, что сейчас мой зрачок отражается в ее грани, так же как объектив камеры отражался в капле вина. Я слегка улыбнулась - едва заметно, только уголками губ. Это была улыбка человека, который нашел дефект в идеальной системе и теперь знает, куда нужно надавить, чтобы она дала трещину.

Мои мысли снова вернулись к фреске. Там, под слоем лазурита, скрывалось что-то еще. Какая-то деталь, которую я заметила сегодня мельком, но не решилась вскрыть при Аркадии. Это был контур руки - не той, что была видна на поверхности, а другой, скрытой в глубине. Она тянулась к чему-то, что было безжалостно закрашено.

Я чувствовала, как во мне просыпается азарт исследователя, смешанный с инстинктом выживания. Чтобы победить в этой игре, мне нужно было стать лучшим игроком, чем сам Марат. Мне нужно было научиться использовать его методы против него самого.

Я выключила свет в гостиной, оставляя только одну лампу над фреской. В полумраке комната казалась огромным театром теней. Я знала, что Степан сейчас переключает каналы на своем мониторе, пытаясь рассмотреть, что я делаю. Но в этом свете он видел только мой силуэт, только застывшую фигуру художника у своего холста.

Я присела на пол, обхватив колени руками. Мышцы спины приятно ныли от усталости. Это была хорошая усталость, привычная. Я закрыла глаза и прислушалась к тишине дома. Где-то далеко зашумел лифт - возможно, Яна увозила очередную порцию документов, или Марк снова пытался прорваться через охрану на первом этаже.

Мир вокруг меня жил своей жизнью, но здесь, в этом стеклянном кубе, время казалось застывшим в янтаре. Я была частью этого янтара, но я не собиралась становиться ископаемым.

Я встала и медленно пошла к своей комнате, стараясь сохранять ту самую безупречную походку, которую от меня ждали. Каждый мой шаг был выверен, каждое движение головы - просчитано. Я была в идеальной позиции.

Завтрашний день обещал быть сложным. Громов, фрески, новые правила Марата - всё это сплеталось в один тугий узел, который мне предстояло распутать или разрубить. Но сейчас, в этой тишине, я чувствовала странное спокойствие. Я нашла первую трещину в его монолитном мире. И я знала, что это только начало.

Я легла в кровать, не включая свет. За окном проплывали редкие облака, подсвеченные снизу городскими огнями. Я думала о том, что белый цвет, который так любит Марат, на самом

деле - самый лживый из всех. Он скрывает всё, но не объясняет ничего. Моя же задача была прямо противоположной - вскрыть все слои, добраться до самой сути, даже если эта суть окажется разрушительной для нас обоих.

Мысли постепенно замедлялись, перетекая в образы синего лазурита и красного вина. Я знала, что завтра мне понадобятся все мои силы и вся моя выдержка.

ГЛАВА 4. МЫШЕЧНАЯ ПАМЯТЬ КЛЕТКИ

Просыпаться в этом пентхаусе - всё равно что приходиться в сознание внутри огромного, стерильного флакона с дорогими духами. Запах чистоты здесь настолько концентрированный, что кажется, будто он имеет физическую плотность. Я открыла глаза и первым делом оценила состояние своих суставов. Правое колено после вчерашнего долгого стояния у холста немного ныло, связки чувствовались тугими, как перетянутые струны старого рояля. Мое тело - это сложный чертеж, где каждая линия должна быть выверена до миллиметра. Если я теряю тонус, я теряю право на этот мир. В детстве тренер по гимнастике, Лидия Николаевна, говорила, что расслабленность - это первый шаг к деградации формы. Она вбивала нам в головы, что наше тело не принадлежит нам, оно - инструмент для достижения идеала. И хотя я давно сменила гимнастический мат на реставрационный мольберт, эта установка въелась в подкорку, став частью моего ДНК.

Я встала, ощущая холодный мрамор пола стопами. Мышечная память заставила меня выпрямить спину, развернуть плечи и слегка втянуть живот. Это была не просто осанка, это была броня. Я подошла к окну. Москва внизу казалась макетом, по которому ползали крошечные жуки-машины. В этом доме всё было подчинено ритму Марата, даже движение воздуха. Я знала, что за дверью меня уже ждет Аркадий с его неизменным стаканом детокс-сока, который на вкус напоминал перетертую траву и несбывшиеся надежды.

Когда я вышла в коридор, Аркадий действительно стоял там. Его фигура, затянутая в безупречный серый жилет, сливалась с тенями. Он кивнул мне, едва заметно, словно движение головы могло нарушить какую-то важную тишину этого места.

- Доброе утро, Нелли Александровна. Ваш завтрак будет подан через сорок минут, после вашей тренировки. Марат Игоревич просил передать, что график на сегодня уплотнен. В одиннадцать прибудет господин Громов, - голос Аркадия был похож на шелест сухих листьев. Он никогда не смотрел прямо в глаза, его взгляд всегда скользил где-то на уровне моего подбородка, словно он изучал дефекты моей кожи, а не меня саму.

- Спасибо, Аркадий. Я помню про Громова. Скажите, часы уже заводили? - я спросила это, потому что слышала характерный, мерный звук из гостиной.

- Старик-часовщик уже закончил работу и ушел через служебный вход. Он приходит рано, чтобы не мешать хозяину. Время не должно давать сбоев, - ответил он и тенью растворился в глубине коридора.

Этот старик без имени всегда пугал меня. Его визиты были как ритуал, предвещающий перемены. Я пошла в сторону тренажерного зала, стараясь не думать о Громе и его ядовитых замечаниях по поводу моей техники. Громов считал, что я слишком молода для работы с фресками такого уровня, и не упускал возможности намекнуть на то, что Марат выбрал меня не за талант реставратора.

У дверей лифта я столкнулась со Степаном. Начальник безопасности Марата стоял, прислонившись к стене, и что-то быстро печатал в телефоне. Когда я подошла, он выпрямился, и я кожей почувствовала исходящую от него угрозу. Степан был человеком-функцией, массивным и непроницаемым.

- Доброе утро, - бросила я, пытаясь пройти мимо.

- Минутку, Нелли, - он преградил мне путь, не делая резких движений, но создавая ощущение стены. - Марк снова дежурит у ворот. Этот журналист из желтой прессы. Не советую сегодня выходить на балкон или подходить близко к панорамным окнам без нужды. Он вооружился объективом, который видит поры на твоём носу с расстояния в километр.

- Я не собираюсь никуда выходить, Степан. У меня работа, - я почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение. Весь этот контроль начинал душить.

- Мое дело - предупредить. Марат Игоревич не любит, когда его имущество попадает в объективы дешевых папарацци, - он нажал кнопку лифта за меня, и двери разъехались с тихим свистом.

Имущество. Вот как они меня видят. Я зашла в лифт, и на мгновение у меня возникло чувство клаустрофобии, хотя кабина была просторной и зеркальной. В отражении я увидела девушку с бледным лицом и слишком серьезными глазами. Я выглядела как один из персонажей на тех фресках, которые мне предстояло зачищать - слой за слоем, пока не обнажится истина.

Тренажерный зал в пентхаусе был верхом минимализма. Стекланные стены, несколько высокотехнологичных станков и огромное свободное пространство с матами. Я включила свет, и помещение залило холодным, хирургическим сиянием. Здесь не было музыки, только гул вентиляции. Я начала разминку. Сначала шея, потом плечи. Каждый хруст суставов отдавался в голове четким сигналом: я жива, я функционирую.

Мое тело помнило всё. Оно помнило, как в семь лет меня заставляли садиться на шпагат через боль, пока слезы не начинали капать на ковер. Оно помнило, как мышцы горели от молочной кислоты после многочасовых тренировок. Сейчас эта мышечная память была моим единственным убежищем. Когда я выполняю упражнения, мой разум отключается, оставляя место только для чистой физиологии.

Я опустила на мат и начала растяжку. Наклон вперед, лоб касается коленей. Связки под коленями натянулись, посылая в мозг привычный сигнал дискомфорта, который я научилась переплавлять в удовольствие. В этом была честность - боль нельзя подделать, в отличие от улыбки или согласия.

Внезапно я почувствовала, что за мной наблюдают. Это не было звуком или движением, просто плотность воздуха за моей спиной изменилась. Я знала, что Марат стоит там, за панорамным стеклом своего кабинета, который выходил прямо в зал. Он любил наблюдать за процессом, не вмешиваясь, как коллекционер, изучающий новый экспонат через лупу. Я не обернулась. Я продолжила движение, медленно переходя в глубокий выпад. Мои квадрицепсы задрожали от напряжения, но я заставила их замереть.

Дверь зала бесшумно открылась. Я услышала его шаги - уверенные, размеренные. Марат не умел ходить тихо, он всегда заявлял о своем присутствии.

- Твоя левая лопатка слишком зажата, Нелли, - его голос прозвучал неожиданно близко.

Я замерла в позе, которую гимнасты называют "кольцо", стоя на одном колене и захватив стопу другой ноги за головой. Мое дыхание стало коротким, поверхностным. Марат подошел и остановился в шаге от меня. От него пахло дорогим табаком и чем-то металлическим, как от свежееотчеканенных монет.

- Расслабься, - приказал он.

- Я не могу расслабиться, пока удерживаю баланс, Марат. Это физика, - я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно, хотя сердце начало отбивать рваный ритм в районе горла.

Он не ответил. Вместо этого он наклонился и коснулся моей спины кончиками пальцев. Его прикосновение было холодным и точным. Он провел пальцем вдоль позвоночника, от шейного отдела до поясницы, и я почувствовала, как по коже пробежала волна электрического тока. Мое тело, привыкшее подчиняться командам тренера, мгновенно среагировало на этот жест. Мышцы непроизвольно сократились, выстраиваясь в идеальную линию, которую он требовал.

- Вот так. Видишь? Твое тело умнее твоего упрямства, - его пальцы задержались на уровне моих лопаток, слегка надавливая, заставляя меня прогнуться еще сильнее. - Ты пытаешься бороться со мной даже тогда, когда я просто хочу помочь тебе достичь совершенства.

- Совершенство - это статичная категория, Марат. А я живая, - я с трудом выдавила эти слова, чувствуя, как напряжение в мышцах становится почти невыносимым.

- Живое всегда несовершенно, - он шепнул это мне прямо на ухо, и его дыхание обожгло кожу. - В тебе слишком много хаоса. Но твоя пластика... она почти искупает это.

Он убрал руку, но я продолжала стоять в этой неудобной, вычурной позе, боясь пошевелиться. В этот момент я чувствовала себя как фреска, которую он только что подправил своим резцом. Я была его проектом, его собственностью, которую он доводил до нужного ему стандарта.

- Знаешь, - продолжал он, обходя меня кругом, словно оценивая скульптуру со всех сторон, - Кристина была менее гибкой. У нее была великолепная кожа, но ее движения всегда оставались какими-то угловатыми, ломаными. В ней не было этой текучести, которая есть в тебе.

Имя Кристины повисло в воздухе как ядовитый газ. Я знала, кто она - его предыдущая модель, женщина, которая исчезла с радаров светской хроники так же внезапно, как и появилась. Я видела ее однажды на благотворительном вечере, еще до того, как Марат нанял меня. Она тогда показалась мне фарфоровой куклой с хриплым голосом и нервным тиком века. Она пахла тяжелым парфюмом, который забивал все остальные запахи в радиусе трех метров.

- Почему ты говоришь мне о ней? - я медленно вышла из позы и встала на ноги, лицом к нему. Мои ноги слегка подкашивались, но я держала спину.

- Чтобы ты понимала ценность того, что у тебя есть, - Марат прищурился. Его глаза были как два куса обсидиана, в которых не отражалось ничего, кроме моего собственного страха. - Гибкость - это не только свойство мышц, Нелли. Это свойство ума. Если ты не научишься гнуться под моими требованиями, ты сломаешься. Так же, как сломалась она.

- Это угроза? - я скрестила руки на груди, пытаюсь защититься от его взгляда.

- Это констатация факта. Я не люблю, когда мои вещи портятся.

Он повернулся и направился к выходу, но у самой двери остановился.

- Врач Андрей зайдет к тебе после обеда. Мне кажется, ты выглядишь бледной. И не забудь про Громова. Он не любит ждать.

Когда дверь за ним закрылась, я наконец позволила себе выдохнуть. Мои колени задрожали, и я опустилась прямо на холодный пол. Каждое слово Марата было как удар хлыста, оставляющий невидимые рубцы. Он сравнивал меня с Кристиной, как сравнивают две модели автомобиля или два разных состава грунта для холста. Для него не было разницы между человеком и объектом искусства.

Я потянулась к своему телефону, который лежал на скамье. Несколько пропущенных от Лизы. Я перезвонила ей, просто чтобы услышать голос из того, другого мира, где люди еще умеют просто жить.

- О боже, Нелли! Ты наконец соизволила ответить! - голос Лизы ворвался в мою голову как шум работающего блендера. - Рассказывай всё! Как там у Марата? Говорят, он купил на аукционе какую-то безумную коллекцию фресок и заперся с ними. И с тобой! Ты там как, в золотой клетке или в обычном рабстве?

- Привет, Лиза. Всё нормально. Работаю. Тут очень много слоев, которые нужно зачистить.

- Ой, брось ты свои реставраторские штучки! Расскажи про него. Он правда такой... ну, ты понимаешь? Ледяной король? Мне тут Марк нашептал, что Марат собирается устроить закрытый показ, и там будет что-то скандальное. Ты в курсе?

- Марк слишком много говорит, Лиза. И не верь всему, что он пишет. Мне пора, скоро придет Громов.

- Громов? Этот старый хрыч? Осторожнее с ним, Нелли. Он спит и видит, как бы кого-нибудь подсадить. Ладно, беги, труженица тыла. Чмоки!

Я отключила вызов. Разговор с Лизой оставил неприятный осадок. Она была частью того мира, который я пыталась оставить позади, но который продолжал тянуть ко мне свои

щупальца. Лиза видела в моей ситуации только блеск и престиж, не понимая, что за этим блеском скрывается пустота, в которой можно захлебнуться.

Я встала и подошла к окну. Там, далеко внизу, у ворот действительно маячила фигурка Марка. Он был похож на стервятника, выжидающего, когда добыча ослабнет. Марат прав - внимание прессы сейчас мне нужно меньше всего. Любое неосторожное слово, любое фото может разрушить ту хрупкую репутацию, которую я выстраивала годами.

Я вышла из зала и направилась в душ. Мне нужно было смыть с себя этот разговор, это прикосновение и этот запах табака. В душевой всё было выполнено из серого сланца. Струи воды били по плечам, возвращая мне ощущение реальности. Я закрыла глаза и представила себе лицо Ольги Петровны, моей наставницы. Она всегда говорила: "Нелли, помни, что самое главное в реставрации - это связующее вещество. Если оно качественное, фреска переживет века. Если нет - всё рассыплется в пыль при первом же сквозняке".

Что было моим связующим веществом? Моя гордость? Мой страх? Или эта странная, болезненная потребность быть нужной человеку, который видит во мне только идеальную форму?

Я оделась в свое привычное рабочее - черные узкие брюки и серый лонгслив. Никаких украшений, никаких лишних деталей. Я должна была быть максимально функциональной. Когда я проходила мимо гостиной, я увидела Андрея. Врач Марата стоял у окна и листал какую-то медицинскую карту. От него, как всегда, пахло антисептиком, и этот запах мгновенно вызвал у меня неприятные ассоциации с больницей.

- Добрый день, Нелли, - он поправил очки и посмотрел на меня сочувственным взглядом.
- Марат Игоревич попросил меня осмотреть вас. Как ваше самочувствие? Нет ли головокружений или тошноты?

- Я в порядке, Андрей. Просто немного устала.

- Усталость - это плохой симптом в этом доме. Здесь нужно быть всегда в форме, - он подошел ближе и взял меня за запястье, замеряя пульс. Его пальцы были сухими и теплыми. - Пульс частит. Вам нужно больше отдыхать и, возможно, пропить курс витаминов. Я оставлю их у Аркадия.

- Спасибо. Я могу идти?

- Конечно. Но помните - ваше тело требует внимания не меньше, чем эти старые стены.

Я кивнула и поспешила уйти. Его сочувствие казалось мне еще более опасным, чем холодность Марата. Оно напоминало о том, что я здесь - уязвимое существо, за которым нужен постоянный присмотр.

В коридоре я встретила Яну. Личный юрист Марата выглядела так, словно она только что сошла с обложки журнала "Форбс". В ее руках была папка с документами.

- Нелли, хорошо, что я вас встретила, - ее голос был лишен эмоций, как у автоответчика.
- Нам нужно подписать дополнительное соглашение к вашему контракту. Пункт о неразглашении личных данных владельца пентхауса расширен. Также добавлены условия вашего пребывания здесь в выходные дни.

- Какие еще условия, Яна? Я и так здесь почти безвылазно.

- Марат Игоревич считает, что для полной концентрации на работе вам следует ограничить контакты с внешним миром. В частности, это касается ваших телефонных разговоров. Мы установим специальный шлюз на ваш мобильный.

- Это уже слишком! - я почувствовала, как внутри всё сжалось от ярости. - Он хочет полностью изолировать меня?

- Он хочет обеспечить безопасность своего проекта, Нелли. Подпишите здесь и здесь, - она протянула мне ручку, не меняя выражения лица.

Я схватила ручку и размашисто подписала бумаги. Сопротивляться сейчас было бесполезно. Я была в ловушке, которую сама же и выбрала, соблазнившись сложностью задачи и магией имени Марата.

Я вошла в мастерскую. Воздух здесь был пропитан запахом растворителей и старой штукатурки. Фрески ждали меня. Они были единственными существами в этом доме, которые не лгали и не пытались мной манипулировать. Я подошла к центральному фрагменту, где изображенная женщина смотрела на меня своими выцветшими, но всё еще пронзительными глазами.

- Ну что, - прошептала я, касаясь пальцами края изображения. - Попробуем найти то, что под слоем лака?

Я взяла скальпель и начала аккуратно зачищать крайний участок. Работа требовала предельной концентрации. Моя рука была твердой, взгляд - сфокусированным. В этот момент я забыла о Марате, об Андрее, о Яне и о своем пульсе. Существовала только я и эта древняя кожа стены.

Через час в дверь постучали. Это был Аркадий.

- Нелли Александровна, господин Громов прибыл. Он ждет вас в малой гостиной.

Я вздохнула, отложила инструмент и вытерла руки о ветошь. Начинался новый раунд борьбы за право называться профессионалом.

Громов сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и потягивал кофе из крошечной чашки. При моем появлении он не встал, лишь слегка приподнял бровь.

- А, наша юная дива реставрации, - протянул он, и в его голосе послышался театральный пафос. - Ну как, продвигается работа? Или вы всё еще в раздумьях над составом грунта? Как говорил классик: "Искусство требует не только жертв, но и элементарных знаний химии".

- Работа продвигается по графику, Виктор Сергеевич, - ответила я, проходя к столу и садясь напротив него. - Я закончила предварительный анализ. Состояние фресок хуже, чем мы предполагали. Есть глубокие трещины в нижних слоях.

- Глубокие трещины... - он усмехнулся, глядя на меня поверх очков. - В этом доме у всего есть глубокие трещины, дорогая Нелли. Главное - уметь их правильно замаскировать. Марат Игоревич платит нам именно за это, не так ли?

- Я здесь для того, чтобы реставрировать, а не маскировать.

- Какая трогательная наивность! - Громов картинно всплеснул руками. - Вы думаете, ему нужна правда? Ему нужен идеальный образ, который он сможет показывать своим гостям. И если для этого придется переписать половину лица этой несчастной святой на стене - вы это сделаете.

- Я не буду ничего переписывать. Это нарушение всех профессиональных этических норм.

- Этика - это роскошь для тех, у кого есть выбор, - Громов вдруг стал серьезным, и его взгляд стал колючим. - У вас выбора нет. Вы ввязались в игру, правил которой не знаете. Вы думаете, что Марат выбрал вас за ваши глаза или за ваши дипломы?

- Я знаю, почему он меня выбрал.

- Сомневаюсь. Вы напомнили ему о чем-то, что он потерял. Или о ком-то. Но помните, Нелли: коллекционеры быстро остывают к своим приобретениям, если те начинают требовать слишком много внимания или вести себя непредсказуемо.

Он встал, поправил пиджак и направился к выходу, бросив напоследок:

- Я приду завтра проверить ваши пробы. Постарайтесь не разочаровать меня. И Марата. Хотя разочарование - это единственное, что здесь по-настоящему искренне.

Я осталась одна в гостиной. Слова Громова крутились в голове, как навязчивая мелодия. "Вы напомнили ему о чем-то, что он потерял". Я подошла к зеркалу и долго вглядывалась в свое отражение. Что он во мне видит? Сходство с Кристиной? Или с той женщиной на фреске? Или он видит во мне просто чистый холст, на котором он может нарисовать всё, что захочет?

Мое тело всё еще помнило холод его пальцев на моей спине. Это прикосновение было не актом нежности, а актом присвоения. Он маркировал свою территорию, проверял мою реакцию, изучал мою гибкость. И я, подчинившись его команде, сама дала ему это право. Мышечная память оказалась сильнее моей воли.

Я вернулась в мастерскую. Мне нужно было работать. Труд - единственный способ сохранить рассудок в этом месте, где реальность постоянно подменяется имитацией. Я взяла кисть и начала наносить защитный состав на очищенный участок. Движения были автоматическими, выверенными годами практики.

Время в пентхаусе тянулось странно. Оно то замирало, превращаясь в густой кисель, то несло вскачь, когда я погружалась в работу. Я слышала, как за стеной снова зазвучал мерный ритм часов. Старик-часовщик хорошо знал свое дело - время шло неумолимо, отсчитывая секунды моего пребывания в этой клетке.

Вечером, когда свет в мастерской начал тускнеть, я почувствовала, что силы на исходе. Спина ныла, пальцы онемели от мелкой работы. Я сложила инструменты и вышла на балкон, о котором предупреждал Степан. Я знала, что это риск, но мне жизненно необходим был глоток настоящего воздуха, не пропущенного через фильтры вентиляционной системы.

Москва в сумерках была прекрасна и враждебна одновременно. Миллиарды огней, миллионы жизней, и я здесь - на вершине этого стеклянного замка, отрезанная от всего мира юридическими контрактами и волей одного человека. Я посмотрела вниз. Марка уже не было видно, но я знала, что он где-то там, в тени, ждет своей возможности.

Я думала о Кристине. Где она сейчас? Жива ли она? Или она стала просто одной из тех фресок, которые Марат спрятал в своем подвале, потому что они перестали радовать его глаз? Эта мысль вызвала у меня дрожь, которую не смог бы унять ни один детокс-сок Аркадия.

Я вернулась в комнату и легла на кровать, не раздеваясь. Мои мышцы постепенно расслаблялись, но разум продолжал работать. Я прокручивала в голове сегодняшнюю встречу в зале. "Твое тело умнее твоего упрямства". Эта фраза Марата была ключом ко всему. Он не собирался ломать меня грубой силой. Он собирался использовать мою собственную дисциплину, мою привычку к подчинению ради достижения цели, чтобы превратить меня в послушный инструмент.

И самое страшное было в том, что часть меня - та самая маленькая девочка-гимнастка, которая всегда хотела одобрения тренера - была готова на это пойти. Эта часть меня жаждала его внимания, его оценки, даже если она была выражена в холодном прикосновении к лопаткам.

Я закрыла глаза, пытаясь уснуть, но перед глазами стояла фреска. Женщина на ней теперь казалась мне удивительно похожей на меня саму. Тот же наклон головы, тот же затаенный страх в глубине зрачков. Завтра мне предстояло начать работу над ее лицом. Завтра я должна была вскрыть самый глубокий слой, за которым скрывалась тайна этой коллекции и, возможно, причина моего нахождения здесь.

Сон пришел внезапно, тяжелый и безрадостный. Мне снилось, что я стою на бревне под софитами, а внизу, в темноте зала, сидит Марат и молча наблюдает за моим выступлением. Я выполняю сложнейшие пируэты, мой пульс зашкаливает, я чувствую, как рвутся связки, но я не могу остановиться. Потому что, пока я двигаюсь, я существую в его глазах. А если я упаду - я исчезну навсегда, растворюсь в белом шуме этого безупречного пентхауса, превратившись в еще одну невидимую трещину на его идеальных стенах.

Утро обещало быть ясным, но я знала, что этот свет будет таким же обманчивым, как и всё остальное в моей новой жизни. Я была готова к новому дню, к новым проверкам на гибкость и к новым слоям лжи.

ГЛАВА 5. ЗАПРЕТНЫЙ РЕГИСТР

Проснуться в этом пентхаусе - это всегда попытка заново собрать свой скелет. Мои суставы, привыкшие к многолетним перегрузкам на бревне и помосте, каждое утро требуют инвентаризации. Правое колено - на месте, но ноет к дождю. Левое плечо - держит блок. Позвоночник - застывшая струна, которую нужно осторожно ослабить, чтобы она не лопнула. Я сползла с кровати и привычно встала в складку, чувствуя, как растягиваются подколенные сухожилия. Мой внутренний тренер, эта вечно недовольная фурия с секундомером вместо сердца, сегодня молчала, лишь брезгливо констатируя: форма теряется, Нелли, ты превращаешься в мягкое дополнение к этому дорогому интерьеру.

Я подошла к окну. Москва внизу была похожа на плохо прорисованный задник в дешевом театре. Серая дымка, пробки, суета, до которой мне теперь не было дела. Я была заперта в стерильном совершенстве. Вчерашний страх, что я - всего лишь копия фрески, никуда не ушел, он просто осел на дно, как тяжелый пигмент в банке с растворителем.

В дверь постучали. Это был не Марат - он никогда не стучит, он просто возникает в пространстве, меняя его плотность. Это был Аркадий. Управляющий вошел, не поднимая глаз, его походка была бесшумной, как у кота, которому удалили когти. В руках он держал поднос с завтраком и стопку свежих газет.

- Ваш кофе, Нелли Аркадьевна. Марат Игоревич просил передать, что сегодня к двенадцати приедет господин Громов. Он хочет осмотреть прогресс в восточном крыле.

Аркадий поставил поднос на столик и начал поправлять салфетки с такой тщательностью, будто от их расположения зависела устойчивость здания. Я видела только его седой затылок и сухие, почти прозрачные кисти рук. Он напоминал мне старого могильщика, который слишком долго работал на элитном кладбище и привык к запаху дорогих цветов и разложения.

- Громов? - я поморщилась, вспоминая этого напыщенного искусствоведа. - Ему обязательно лезть под руку, пока слой еще не закрепился? Он же начнет тыкать своими холеными пальцами в живую краску.

- Марат Игоревич считает, что экспертное мнение Виктора Павловича необходимо для подтверждения подлинности изменений, - Аркадий наконец взглянул на меня, но его взгляд прошел сквозь мое плечо, зацепившись за лепнину на потолке. - И еще, Нелли Аркадьевна. Прошу вас, не выходите сегодня в галерею после одиннадцати вечера. Приедет мастер по часам. Марат Игоревич не любит, когда посторонние мешают его работе.

- Посторонние? - я усмехнулась, отпивая горький, как желчь, кофе. - Я здесь живу, Аркадий. Или я тоже часть коллекции, которую нужно накрывать чехлом во время визита техперсонала?

Аркадий не ответил. Он лишь поклонился и так же бесшумно исчез за дверью. Его молчание всегда было тяжелее любых слов. Оно было похоже на грунтовку, которая забивает все поры, не давая холсту дышать.

Я быстро оделась. Рабочая одежда - старые леггинсы, растянутая футболка и волосы, затянутые в тугий узел. Тело требовало движения, но вместо зала я шла в восточное крыло, где меня ждала фреска. В коридоре я столкнулась со Степаном. Начальник службы безопасности стоял у лифта, его массивная фигура перегораживала проход, создавая ощущение внезапно выросшей бетонной стены.

- Доброе утро, - бросила я, пытаюсь пройти мимо.

Степан не шелохнулся. Его глаза, холодные и пустые, сканировали меня, как тепловизор.

- Куда-то торопимся? - его голос был похож на скрежет гравия. - Марат Игоревич распорядился усилить контроль. Внизу крутится какой-то тип с камерой. Называет себя Марком. Говорит, что старый знакомый.

- Марк? Журналист из светской хроники? - я почувствовала, как мышцы спины непроизвольно напряглись. - Он мне не знакомый. Он стервятник. Скажите охране, чтобы гнали его в шею.

- Уже гонят, - Степан едва заметно ухмыльнулся, и эта гримаса на его неподвижном лице выглядела пугающе. - Но вы, Нелли Аркадьевна, лучше из крыла не выходите. Мало ли. Вентиляция сегодня барахлит, могут быть перепады давления.

Он нажал кнопку лифта и зашел внутрь, оставив после себя запах дешевого табака и оружейной смазки. Я постояла минуту, успокаивая дыхание. Здесь всё было пропитано контролем. Даже воздух, казалось, подавался порционно, согласно контракту, который составила Яна. Я вспомнила ее ледяной взгляд, когда она зачитывала пункты о конфиденциальности. Вы - лицо этого проекта, Нелли. Но лицо не должно открывать рот без команды.

Весь день я провела на лесах. Работа с фреской требовала ювелирной точности. Я зачищала кракелюры - эти мелкие трещины, которые время оставляет на коже искусства, как морщины на лице старой актрисы. Под слоем грязи и копоти проступали черты женщины, которая пугала меня своей идентичностью. Та же линия челюсти, тот же изгиб бровей. Когда я касалась кистью ее губ, мне казалось, что я трогаю собственное отражение в холодном пруду.

В середине дня зазвонил телефон. Лиза. Я заколебалась, но все же ответила.

- Нел, ты жива вообще? - ее голос, быстрый и звонкий, ворвался в тишину зала, как стайка воробьев в склеп. - Тут такие слухи ходят! Говорят, ты у Марата в золотой клетке. Марк из "Вечернего" землю роет, ищет, на каком основании ты там заперлась. Слушай, а он правда такой... ну, как в журналах? Холодный и опасный?

- Лиза, я работаю, - я постаралась придать голосу твердость, которой не чувствовала. - Здесь просто реставрация. Никаких клеток.

- Ну-ну, - Лиза хмыкнула. - Рассказывай. Кристина, ну, помнишь модель, которая с ним в прошлом году таскалась? Видела ее вчера в клубе. Она как привидение. Говорит, Марат выпивает душу, а потом оставляет пустую оболочку. Нелли, будь осторожна. Он коллекционирует не вещи, он коллекционирует состояния.

- Мне пора, Лиза. Громов пришел.

Я сбросила вызов прежде, чем она успела вставить свое любимое "ой, всё". Виктор Громов действительно входил в зал. Его театральный плащ развевался, а трость с набалдашником в виде головы льва звонко стучала по паркету.

- О, наша прекрасная муза в пыли и трудах! - Громов раскинул руки для объятий, от которых я ловко уклонилась, сделав вид, что поправляю палитру. - Как продвигается вскрытие пластов, дорогая Нелли? Вы уже нашли там свое альтер-эго?

- Я нашла там плесень и плохую работу предыдущего реставратора, Виктор Павлович, - сухо ответила я. - Искусствоведы часто видят метафоры там, где есть только физика и химия.

Громов подошел к лесам, прищурился, рассматривая фрагмент, над которым я работала. Его лицо, холеное и покрытое сетью мелких сосудов, выражало скепсис.

- Вы слишком материалистичны. А Марат, он ищет искру. Знаете, Ольга Петровна, ваша наставница, всегда говорила, что связующее вещество в искусстве - это боль. Если мастеру не больно, краска не держится.

- Ольга Петровна учила меня технологии, а не философии страдания, - отрезала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. - Если слой не закрепить полимером, никакая боль его не спасет.

- Посмотрим, посмотрим, - Громов примирительно поднял руки. - Марат Игоревич очень доволен. Хотя, признаться, ваше сходство с оригиналом становится пугающим. Иногда мне кажется, что он просто хочет поменять вас местами. Ее - оживить, а вас... зафиксировать.

Он рассмеялся мелким, дребезжащим смешком и направился к выходу. Его слова остались в воздухе, как ядовитый газ. Зафиксировать. Это слово отозвалось в теле привычным

замиранием в идеальной позиции. Гимнастка на пьедестале - это тоже зафиксированный объект. Красивый, неподвижный, не имеющий права на слабость или лишний вдох.

Вечер опустился на пентхаус внезапно. Марат не заходил, но я чувствовала его присутствие. Это было как изменение атмосферного давления перед штормом. Мои мышцы ныли от долгого стояния на лесах, и я решила принять ванну. В зеркале ванной комнаты на меня смотрела женщина, которую я едва узнавала. Глаза стали глубже, в них поселилась какая-то настороженность, свойственная зверям в неволе.

Я вспомнила Андрея, врача Марата. Пару дней назад я видела его в прихожей. Он бросил на меня такой сочувственный взгляд, будто я была неизлечимо больна. "Пейте больше воды, Нелли, - сказал он тогда, поправляя очки. - В этом доме очень сухой воздух. Он вытягивает жизнь". Тогда я только фыркнула, а сейчас поняла, что он имел в виду. Сухость была не в воздухе, а в самих отношениях, в этом пространстве, где чувства купировались еще на входе, как лишний шум.

Ночью я не могла заснуть. Сон, обещанный в начале дня, превратился в рваные фрагменты тревоги. Я ворочалась, чувствуя каждую неровность простыни. Плотный шелк казался наждачной бумагой. Внезапно тишину разрезал звук. Низкий, вибрирующий тон. Фортепиано.

Музыка доносилась из восточного крыла, из той части коридора, которая всегда оставалась закрытой. Это был не механический звук проигрывателя. Кто-то играл вживую, причем играл так, будто вырывал ноты из собственного позвоночника. Мелодия была ломаной, синкопированной, полной диссонансов, которые заставляли мои зубы ныть.

Я встала. Босиком, в одной сорочке, я вышла в коридор. Холодный мрамор пола обжег ступни, напоминая о временах, когда мы тренировались в неотапливаемых залах. Тело само приняло боевую стойку - плечи вниз, центр тяжести смещен, шаг бесшумный, перекатом с пятки на носок.

Коридор в восточном крыле тонул в полумраке. Только редкие бра давали тусклый, желтоватый свет. Я шла на звук, чувствуя, как сердце колотится о ребра, как пойманная птица. На повороте у огромных напольных часов я замерла.

Там стоял старик. Тот самый часовщик, о котором предупреждал Аркадий. Он был маленьким, согбенным, в поношенном сером жилете. Его руки, узловатые и покрытые пигментными пятнами, совершали странные, ритмичные движения, заводит механизм часов. Скрежет шестеренок переплетался с фортепианной музыкой, создавая жуткую симфонию.

Старик медленно повернул голову. Его глаза были затянуты бельмами, но у меня возникло полное ощущение, что он видит меня насквозь. Он приложил костлявый палец к губам. Тишина, прошептал он, хотя музыка продолжала греметь. Время не любит, когда за ним подглядывают. Оно капризно, как женщина, и беспощадно, как судья.

- Кто там играет? - шепотом спросила я, подходя ближе. Мой голос дрожал, и это привело меня в ярость. Я не должна бояться старика с ключом от часов.

- Память играет, дочка, - старик усмехнулся, обнажив пустые десны. - В этом доме у стен слишком хорошая память. Марат Игоревич думает, что он хозяин, но он всего лишь хранитель. Он заводит часы, а время все равно уходит сквозь пальцы.

Он кивнул в сторону тяжелой дубовой двери в конце коридора. Оттуда лился слабый свет и доносились те самые звуки.

- Иди, - сказал старик, возвращаясь к своему занятию. - Но помни: то, что открыто, уже нельзя закрыть. Слой за слоем, Нелли. Ты ведь сама так работаешь. Главное - не дойти до пустоты.

Я прошла мимо него, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Воздух в этой части коридора изменился. Он стал густым и... ароматным. Я замерла, втягивая воздух носом. Тошнота подкатила к горлу внезапным, резким спазмом. Это был запах моих любимых духов. "L'Interdit".

Запрет. Терпкая смесь туберозы и вишни, которую я носила годами. Но я не душилась сегодня. Мой флакон стоял в ванной, за тремя дверями отсюда.

Запах был настолько плотным, что казался осязаемым. Он обволакивал меня, вызывая приступ паники. Так пахла моя жизнь до этого пентхауса. Так пахла свобода, которая теперь казалась галлюцинацией. Откуда этот запах здесь, за закрытой дверью, куда мне запрещено входить?

Я подошла к двери. Музыка смолкла так внезапно, что в ушах зазвенело. Теперь я слышала только собственное прерывистое дыхание и тиканье часов за спиной. Раз, два. Раз, два. Мой внутренний тренер считал такты. Прыжок, фиксация, соскок.

Я протянула руку к ручке. Латунь была холодной, почти ледяной. В голове всплыл голос Ольги Петровны: "Никогда не вскрывай новый слой, пока не убедишься, что предыдущий полностью просох, иначе всё поползет, Нелли. Искусство не прощает спешки". Но я уже не была реставратором. Я была жертвой, которая ищет своего палача, или игроком, который решил ва-банк вскрыть карты.

Мои пальцы едва коснулись металла, как я почувствовала движение. Ручка медленно, с едва слышным маслянистым щелчком, начала поворачиваться изнутри.

Я отпрянула, прижавшись спиной к противоположной стене. Тело сжалось в пружину, готовое к рывку, к бегству, к защите. Мышечная память сработала быстрее разума - я встала в низкую стойку, блокируя возможный удар.

Дверь приоткрылась на несколько дюймов. В образовавшуюся щель хлынул еще более сильный поток моего парфюма. И свет. Холодный, голубоватый свет, какой бывает в операционных или в моргах.

- Марат? - позвала я, но мой голос сорвался на хрип.

Никто не ответил. Только ручка продолжала медленно вращаться, будто кто-то на той стороне сомневался, стоит ли выпускать то, что находится внутри. В этот момент я поняла, что все мои страхи о фресках, о подделках, о контроле - это лишь верхушка айсберга. Настоящая тайна этого дома не в красках и не в старых холстах. Она в этом запахе, в этой музыке и в том, кто сейчас стоит по ту сторону двери.

Я вспомнила Кристину. Ее хриплый голос в уборной на благотворительном вечере, куда Марат взял меня в качестве живого аксессуара. "Беги, пока ты еще помнишь свое имя, детка. Он не ищет жену, он ищет сосуд". Тогда я подумала, что она просто пьяна и завидует. Теперь же я чувствовала, как холод от этой двери просачивается сквозь мою тонкую сорочку, заставляя сердце замирать.

Ручка замерла. Дверь медленно поползла вперед, открываясь шире. Я затаила дыхание, чувствуя, как каждая мышца в моем теле натянута до предела. В этом доме не было случайных звуков и случайных запахов. Всё было частью грандиозного плана, и я, кажется, только что переступила черту, за которой правила переставали действовать.

Свет из комнаты упал на мои босые ноги. Я увидела край тяжелой бархатной шторы и угол черного полированного инструмента. Рояль. Но за ним никого не было. Комната казалась пустой, если не считать этого удушающего запаха и ощущения чужого, пристального взгляда, направленного мне прямо в затылок.

Я медленно повернула голову. Часовщика уже не было. Только огромный маятник продолжал свое монотонное движение, отсчитывая секунды моей прежней, понятной жизни. Старик исчез, не оставив даже тени.

- Нелли, - негромкий, лишенный эмоций голос Марата раздался совсем рядом, хотя я могла поклясться, что в коридоре никого нет. - Я же просил тебя не выходить ночью.

Я резко обернулась. Он стоял в тени, за выступом стены, так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло. Он был в домашнем халате, расслабленный, но его глаза... в них не

было и тени сна. Только холодный расчет и нечто, похожее на любопытство ученого, наблюдающего за реакцией подопытного материала.

- Откуда этот запах, Марат? - я сделала шаг вперед, пытаюсь преодолеть охватившее меня оцепенение. - Почему там пахнет мной? И кто играл на рояле?

Марат вышел из тени. Его лицо в свете из открытой двери казалось высеченным из камня. Ни одной лишней морщины, ни одного лишнего движения. Он был идеален в своем безразличии.

- Тебе кажется, - тихо сказал он, и в его голосе прозвучала угроза, замаскированная под заботу. - Это всего лишь старые ароматы этого дома. Здесь когда-то была оранжерея. А музыка... музыка - это всего лишь ветер в вентиляционных шахтах. Степан предупредил, что система бараклит.

- Не лги мне, - я почувствовала, как во мне просыпается ярость, та самая, которая помогала мне делать двойное сальто, когда ноги отказывались служить. - Ветер не играет Листа. И ветер не пахнет моими духами, которые я купила в дьюти-фри месяц назад. Что в этой комнате, Марат?

Он молчал долго, глядя на меня так, будто заново оценивал мою стоимость. Его молчание давило, оно заставляло меня чувствовать себя маленькой и незащищенной, несмотря на всю мою спортивную закалку.

- В этой комнате - то, что тебе пока рано видеть, Нелли, - наконец произнес он. - Твоя работа - фреска. Твоя задача - вернуть ей лицо. Всё остальное - шум. Иди спать. Завтра тяжелый день. Яна привезет дополнительные соглашения к контракту. Там есть пункт о... медицинском сопровождении. Андрей считает, что тебе нужно обследоваться.

- Я здорова, - отрезала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от недоброго предчувствия. - Мне не нужен врач. Мне нужны ответы.

Марат подошел вплотную. Он не коснулся меня, но я ощутила его присутствие каждой клеткой кожи. Воздух между нами наэлектризовался.

- Ответы приходят тогда, когда работа завершена, - он протянул руку и медленно, кончиками пальцев, закрыл открытую дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. - А пока - соблюдай правила. Это единственное, что держит этот мир в равновесии.

Он развернулся и ушел, растворившись в темноте коридора с той же легкостью, с какой исчез часовщик. Я осталась стоять одна перед закрытой дверью. Запах духов начал медленно выветриваться, сменяясь привычным ароматом дорогой кожи и антисептика.

Мои ноги дрожали. Я опустила на пол, прижавшись лбом к холодному дереву двери. Сердце постепенно замедляло свой бег, возвращаясь в привычный ритм, но я знала, что тишина этого дома теперь навсегда отравлена для меня.

Я вспомнила слова Ольги Петровны о том, что самые прочные связующие вещества - те, что не видны глазу. Марат связывал меня не контрактами и не деньгами. Он связывал меня тайной, которая была похожа на меня саму. И эта тайна требовала завершения, как любая картина, к которой уже прикоснулась рука мастера.

Завтра мне предстояло вернуться к лесам. Завтра я должна была снова смотреть в глаза женщине на стене и искать в них правду, которую от меня скрывали. Я понимала, что каждый мой мазок теперь будет актом неповиновения или актом окончательного подчинения. Граница между ними стала тонкой, как слой лака на старой фреске.

Я поднялась и медленно пошла к своей комнате. В голове крутилась мелодия, которую я только что слышала. Она была похожа на предупреждение. Или на приглашение. Где-то в глубине пентхауса снова послышался скрежет шестеренок - старик-часовщик продолжал свою работу, замеряя время, которое неумолимо утекало из моих рук.

Перед тем как войти в свою спальню, я обернулась. Коридор был пуст и безупречен. Никаких следов ночного происшествия, никаких запахов. Только тиканье часов, которое

теперь казалось мне пульсом этого странного, холодного существа, называемого пентхаусом Марата. Я закрыла дверь и прислонилась к ней, чувствуя, как по спине стекает холодная капля пота. Впереди был новый день, и я знала, что он принесет с собой новые слои лжи, которые мне придется вскрыть, чтобы добраться до самой сути этой коллекции и своего места в ней.

Мой сон в эту ночь был глубоким и лишенным видений, как обморок. Я провалилась в него, зная, что завтрашнее утро потребует от меня еще большей дисциплины чувств и еще большей гибкости тела. Ведь в игре, которую затеял Марат, проигрывает тот, кто первым теряет равновесие. А я была гимнасткой, и равновесие было моим единственным по-настоящему верным союзником в этом мире, где даже воздух был пропитан запахом запрета.

Утро началось с резкого звука кофемашины на кухне и шума воды в ванной. Я открыла глаза, ощущая странную легкость в теле. Страх ночи трансформировался в холодную решимость. Я подошла к окну и посмотрела на город. Москва просыпалась, окутанная серым саваном тумана. Где-то там, внизу, были Марк со своим диктофоном, Лиза со своими сплетнями и моя прошлая жизнь, которая теперь казалась мне чужим, плохо рассказанным анекдотом.

Я знала одно - я больше не была просто реставратором. Я была частью этой фрески, ее живым продолжением, и я должна была дописать эту историю до конца, чего бы мне это ни стоило. Марат думал, что он управляет временем и пространством, но он забыл, что даже самый искусный мастер зависит от материала, с которым работает. А я была материалом, который научился сопротивляться.

На столе в гостиной лежал новый контракт от Яны. Я мельком взглянула на пункты, написанные мелким шрифтом. "Медицинское обследование", "ограничение контактов", "согласие на использование образа". Моя рука потянулась к ручке, но я замерла. В ноздри снова ударил едва уловимый аромат туберозы. Он был здесь, в моей комнате, на моих вещах.

Я улыбнулась своему отражению в зеркале. Это была сухая, ироничная улыбка человека, который понял правила игры. Марат хотел зафиксировать реальность, но он лишь создал декорации для драмы, финал которой еще не был написан. Я взяла ручку и размашисто подписала каждую страницу, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно встает на свои места. Теперь я была готова идти до конца, вскрывая слой за слоем, пока не обнажится самая сердцевина этой коллекции - тайна, ради которой я была приглашена в этот дом.

Предстоящий день обещал быть долгим, и я чувствовала, как во мне просыпается азарт охотника, который внезапно понял, что он не добыча, а тот, кто ведет след. Работа над лицом фрески должна была начаться через час, и я была полна сил, чтобы встретить этот вызов лицом к лицу, не опуская глаз и не сбиваясь с ритма, который диктовало мне мое собственное, вновь обретшее волю тело.

Переход к новым этапам всегда болезнен, но я знала, что за этой болью скрывается истинная форма вещей, которую мне предстояло явить миру, даже если этот мир ограничивался стенами одного-единственного пентхауса. Моя история только начинала приобретать свои истинные очертания, и я была готова стать тем инструментом, который высечет искру из этого холодного, застывшего совершенства.

ГЛАВА 6. ТЕНЕВОЙ КОНТАКТ

Утро в пентхаусе Марата всегда начиналось с тишины, которая имела плотность застывшего гипса. Я стояла на ледяном мраморном полу ванной комнаты, распределив вес тела строго по осям - шестьдесят процентов на пятки, сорок на подушечки пальцев, как учили в школе олимпийского резерва. Мои икры привычно ныли после вчерашнего дня, проведенного на лесах, но эта боль была понятной, осязаемой, в отличие от того липкого предчувствия, что осело в легких. В этом стерильном пространстве, где каждый кран сверкал с агрессивным совершенством, я чувствовала себя инородным телом, дефектом в безупречной композиции.

Я подошла к раковине и открыла свою рабочую сумку. Она пахла старой мастерской Ольги Петровны - льняным маслом, скипидаром и надеждой на то, что искусство может что-то исправить. Моя наставница всегда говорила, что связующее вещество в краске важнее самого пигмента, потому что именно оно удерживает цвет от распада. В моей нынешней жизни связующее явно начало вымываться. Я потянулась за тюбиком жженой умбры - мне нужно было подготовить палитру для работы над тенями на скулах фрески. Тюбик лежал в самом углу, зажатый между кистями и растворителем.

Когда мои пальцы коснулись холодного металла, я мгновенно почувствовала подвох. Мышечная память - штука беспощадная. Я знала вес каждого своего инструмента до миллиграмма. Этот тюбик был слишком легким и каким-то рыхлым, словно его внутренности заменили на что-то менее плотное. Я выпрямила спину, чувствуя, как напряглись лопатки. Тренированный взгляд сразу зацепился за деформацию: хвостовик тюбика был развернут и закручен обратно небрежно, без той педантичности, с которой я обычно запечатываю краски.

Я медленно развернула жестяную полоску. Внутри не было краски. Вместо нее в пустоте металлического цилиндра белел плотно скатанный листок бумаги.

В этот момент в дверь постучали. Удар был коротким, сухим, похожим на выстрел стартового пистолета.

- Нелли, тридцать секунд. Марат ждет в большой галерее через пять минут. Выходи, - голос Степана, начальника безопасности, просочился сквозь тяжелую дубовую дверь. В его интонациях не было вопроса, только констатация факта. Степан всегда говорил так, будто зачитывал протокол задержания. Я видела его в лифте вчера - он стоял слишком близко, заполняя собой все пространство, и от него пахло оружейным маслом и дешевой мятной жвачкой.

- Я слышу тебя, Степан, - отозвалась я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, без тех вибраций, что выдают испуг. - Мне нужно закончить с инструментами.

- Двадцать секунд, - отрезал он. Его шаги не удалились. Он остался стоять там, за дверью, превращаясь в живой датчик движения.

Я быстро развернула записку. Почерк был мне до боли знаком - размашистый, хаотичный, с вечно недописанными петлями букв. Лиза. Моя бывшая коллега, которая всегда умудрялась оказываться там, где пахнет деньгами и чужими секретами. Мы вместе учились в академии, и пока я шлифовала лессировки, она шлифовала навыки светского шпионажа.

Нельс, детка, я знаю, где ты заперта, - гласил текст. - Не делай вид, что ты там ради искусства. У него в сейфе, за той фреской, которую ты якобы реставрируешь, лежит опись всей коллекции. Настоящей коллекции, а не того мусора, что он показывает прессе. Сделай фото списка. Просто щелкни на телефон. Я выведу тебя из игры с таким кушем, что тебе больше никогда не придется дышать пылью в этих склепах. Жду сигнал. Л.

Я почувствовала, как пальцы похолодели. Лиза всегда была катализатором проблем. Она использовала людей как расходный материал, как дешевую грунтовку, которую не жалко пустить под нож мастихина. Она знала о моей уязвимости, о моем страхе снова стать массовой, фоном в чьей-то грандиозной жизни. И теперь она предлагала мне стать воровкой.

- Время вышло, Нелли, - голос Степана стал жестче. Ручка двери дернулась, но я успела запереться на защелку еще когда вошла. - Ты заставляешь Марата ждать. Это плохая стратегия.

Я скомкала записку и сунула ее в карман рабочего халата. Тюбик из-под краски я бросила в мусорное ведро, завалив его использованными ватными дисками. Мои движения были точными, экономными, как перед выполнением сложного соскока с брусьев. Группировка, концентрация, выдох.

- Иду, Степан. Не нужно ломать дверь, Аркадий этого не одобрит, - я специально упомянула управляющего. Аркадий, этот теневой хранитель пентхауса, относился к обстановке дома с религиозным трепетом. Для него любая царапина на мебели была личным оскорблением. Он общался со мной подчеркнуто вежливо, называя исключительно по имени-отчеству, но в его полупшепоте всегда слышался лязг цепей Цербера.

Я открыла дверь. Степан стоял прямо передо мной, его лицо напоминало плохо высеченную гранитную глыбу. Он посмотрел на мои руки, потом в глаза. Его взгляд был сканером, ищущим несоответствия в моей осанке.

- Ты выглядишь бледной, - констатировал он. - Врач Марата, Андрей, все еще в доме. Могу вызвать его, если у тебя начались женские истерики.

- Это называется творческий процесс, Степан. Вам, людям с прямой извилиной от фуражки, этого не понять, - я прошла мимо него, задев плечом его жесткий пиджак. Это был риск, провокация, мой способ вернуть себе право на личное пространство.

В коридоре я действительно столкнулась с Андреем. Он стоял у окна, поправляя очки в тонкой оправе. От него, как всегда, пахло антисептиком и какой-то стерильной печалью. Он посмотрел на меня с тем самым сочувствием, которое обычно берегут для пациентов с неизлечимым диагнозом.

- Нелли, вы слишком много работаете, - мягко сказал он. - Я заметил у вас легкий тремор рук сегодня утром. Вам нужно больше магния и меньше этого... - он обвел рукой интерьер, - давления.

- В этом доме давление - это часть атмосферного фронта, Андрей. К нему привыкаешь, как к хроническому вывиху, - я кивнула ему и ускорила шаг.

Я шла по длинному коридору, мимо старинных напольных часов, возле которых возился старик-часовщик. Он приходил сюда раз в неделю, маленький, сморщенный, похожий на ожившую горгулью. Он единственный в этом доме, кажется, вообще не замечал Марата. Старик был погружен в ритм шестеренок, и его присутствие всегда предвещало перемены. Когда я прошла мимо, он вдруг поднял голову и произнес своим скрипучим голосом, обращаясь скорее к маятнику, чем ко мне:

- Время - это не холст, девочка. Его нельзя закрасить новым слоем. Если нить прогнила, ткань лопнет, как бы ты ни старалась ее закрепить.

Я не ответила, но его слова вошли в меня как игла под ноготь. Я вспомнила наставления Ольги Петровны о долговечности связующих веществ. Она всегда говорила: Нелли, если основа не выдерживает, пигмент станет пылью. Какая основа у моей нынешней жизни? Контракт, который составила Яна, личный юрист Марата? Я видела ее вчера в кабинете. Ледяная женщина в безупречном сером костюме, которая диктовала условия моего пребывания здесь так, словно подписывала приговор. Никаких внешних контактов, никаких личных устройств, полное подчинение графику. Яна не просто писала правила, она выстраивала вокруг меня юридическую клетку, где каждый прут был отполирован до блеска.

И вот теперь Лиза просунула руку сквозь эти прутья, предлагая мне ключ, который, скорее всего, был сделан из воска и расплавится при первой же попытке повернуть замок.

Я вошла в большую галерею. Марат стоял у окна, заложив руки за спину. Солнечный свет падал на его затылок, создавая ореол, который совершенно не вязался с его образом. Он не

обернулся, когда я вошла, но я знала, что он почувствовал мое присутствие. Воздух в комнате словно стал гуще, молекулы кислорода выстроились в шеренгу, подчиняясь его воле.

- Ты опоздала на три минуты, Нелли, - его голос звучал ровно, без эмоций, но в этой ровности таилась угроза обвала. - Степан сказал, что ты заперлась в ванной. Ищешь там вдохновение или способ сбежать?

Я подошла к лесам и начала медленно надевать рабочие перчатки. Каждое движение было выверено. Я не собиралась оправдываться.

- Я искала нужный тон умбры. Оказывается, старые запасы иногда преподносят сюрпризы, - я бросила взгляд на его отражение в стекле витрины, где стояли античные вазы.

Марат медленно повернулся. Его лицо было маской циника, за которой он прятал что-то такое, что боялся потерять больше всего на свете. Контроль. Для него мир был коллекцией застывших образов, потому что живые люди имели неприятную привычку менять форму и содержание без его разрешения.

- Сюрпризы - это удел дилетантов, - он сделал шаг ко мне. - В этой коллекции все должно быть предсказуемо. Каждая трещина, каждый слой краски под моим надзором. Ты здесь для того, чтобы закрепить то, что уже существует, а не для того, чтобы вводить новые переменные.

- А если то, что существует, уже давно мертво? - я подняла глаза на фреску. Лицо женщины на стене казалось мне подозрительно знакомым. Те же высокие скулы, тот же излом бровей. Я видела это лицо в каталогах Громова. Виктор Громов, этот искусствовед с повадками старого лиса, однажды во всеуслышание заявил, что эти фрески - подделка высочайшего уровня, созданная кем-то, кто знает о боли больше, чем о технике живописи. Марат тогда купил его молчание, или, по крайней мере, так шептались в кулуарах.

- Смерть - это лишь одна из форм стабильности, Нелли, - Марат подошел почти вплотную. Я почувствовала исходящий от него холод, смешанный с ароматом дорогого парфюма и старой бумаги. - Ты боишься быть массовой, я знаю. Но здесь ты - главный реставратор моей памяти. Это ли не та уникальность, которую ты искала?

Я промолчала. В кармане халата записка Лизы казалась раскаленным углем. Я понимала, что Лиза использует меня как наживку. Она знала, что если меня поймают, Марат уничтожит меня, а она останется в тени, подсчитывая барыши от проданной информации. Но был и другой вариант. Мой собственный вариант.

Я могла бы начать свою игру. Не ради Лизы и ее жажды наживы, и не ради Марата с его одержимостью контролем. А ради себя. Если в этом сейфе действительно лежат документы на коллекцию, я смогу узнать, кто я на самом деле в этой схеме. Просто инструмент или часть чего-то более масштабного, что Марат так тщательно скрывает от мира.

- Почему вы выбрали именно меня? - спросила я, глядя прямо на него. - На рынке полно мастеров с более громкими именами. Громов прислал бы вам десяток специалистов, которые не задают вопросов.

Марат усмехнулся, и эта усмешка была похожа на трещину на старом лаке.

- Громов продает навыки. А мне нужна была твоя дефектность, Нелли. Ты видишь изъяны так, как никто другой, потому что сама из них состоишь. Ты не просто чинишь стену, ты пытаешься исцелить себя через нее. Это делает твою работу... живой.

Он повернулся и вышел из галереи, оставив меня одну в этом огромном зале, заполненном призраками прошлого. Степан остался у дверей, его тень длинной полосой перерезала пол.

Я залезла на леса. Мои руки работали автоматически - замешивание растворителя, проверка кистей, очистка небольшого участка поверхности. Но мысли были далеко. Я вспоминала Кристину, ту модель, которую встретила на благотворительном вечере полгода назад. У нее был хриплый голос и нервный тик век. Она тогда прошептала мне в уборной: Берегись его зеркал, они показывают не тебя, а то, что он хочет из тебя слепить. Тогда я не поняла ее. Теперь, глядя на фреску, я начала осознавать смысл ее слов.

Я работала около трех часов, когда почувствовала странное покалывание в затылке. Это было ощущение чужого взгляда, но не Степана, который стоял ко мне спиной, а кого-то другого. Я медленно повернула голову. В дальнем конце галереи, возле входа в кабинет Марата, мелькнула фигура Марка. Этот навязчивый журналист, который преследовал меня еще у входа в здание, как-то умудрился просочиться внутрь. Он вертел в руках телефон, и я была уверена, что он снимает.

Если Степан его увидит, Марка просто сотрут в порошок. Я почувствовала укол беспокойства, не столько за журналиста, сколько за то, что его появление может сорвать мои собственные планы. Я сделала знак Марку, чтобы он убирался, но он только оскалился в улыбке и исчез за одной из колонн.

Весь этот дом был полон щелей, сквозь которые просачивались ненужные люди. Лиза с ее записками, Марк с его камерой, Кристина с ее предупреждениями. Все они были как кракелюры на картине - если их вовремя не заделать, изображение начнет осыпаться.

Я спустилась с лесов, чтобы взять чистую ветошь. Мой взгляд невольно упал на большое зеркало в золоченой раме, стоявшее в углу галереи. Оно было расположено так, что в нем отражалась часть стены с фреской и проход в коридор.

Я замерла. В зеркале, за моей спиной, я ясно увидела женский силуэт. Это не была я. Женщина была выше, в длинном платье, которое казалось частью тумана. Ее лицо было скрыто тенью, но поза... Она стояла в идеальной гимнастической позиции, с прямой спиной и развернутыми плечами.

Я резко обернулась.

Никого. Только Степан у двери, проверяющий что-то в своем планшете, и пустое пространство галереи, залитое холодным светом.

Мое сердце забило в рваном ритме. Это не было галлюцинацией. Мои глаза, привыкшие различать тончайшие нюансы цвета и формы, не могли так ошибиться. Я снова посмотрела в зеркало. Там была только я - взлохмаченная, в испачканном краской халате, с глазами, в которых плескалась тревога.

- Нелли, у тебя перерыв десять минут, - голос Аркадия заставил меня вздрогнуть. Он возник словно из воздуха, неся на подносе стакан воды и какую-то таблетку. - Марат заметил, что вы стали двигаться менее уверенно. Выпейте это.

- Что это, Аркадий? - я посмотрела на белую капсулу.

- Витамины для концентрации, - он слегка поклонился, не поднимая глаз. - Андрей настоял. Мы заботимся о вашем здоровье, ведь вы - наш самый ценный актив на данный момент.

Актив. Не человек, не мастер, а актив. Как акция на бирже или редкая ваза. Я взяла стакан, но таблетку незаметно зажала между пальцами.

- Спасибо, Аркадий. Передай Марату, что работа идет по графику.

Когда он ушел, я вылила воду в кадку с декоративным деревом, а таблетку отправила вслед за запиской Лизы - в глубины кармана. Мне нужно было сохранять кристальную ясность ума. Если здесь начинают появляться призраки, значит, химическая реакция этого места с моей психикой вступила в критическую фазу.

Я вернулась к фреске. Сейчас, когда я знала о существовании сейфа за ней, каждый мой мазок ощущался как прикосновение к чужой тайне. Я аккуратно простучала поверхность мастихином. Звук в одном месте был более глухим. Там, где у женщины на фреске располагалось сердце.

Иронично. Марат спрятал свои секреты именно там.

Я начала работать над слоем пыли и старого лака в этой области. Мои движения были осторожными, почти нежными. Я не просто реставрировала, я вскрывала нарыв. Каждое движение кисти приближало меня к моменту, когда мне придется сделать выбор. Лиза ждет сиг-

нал. Марат ждет совершенства. А я... я просто хочу перестать чувствовать себя экспонатом в этой золотой клетке.

В голове всплыл голос Ольги Петровны: Вскрыть слой - это всегда риск, Нелли. Ты никогда не знаешь, что там под низом: истинный шедевр или просто гнилое дерево. Иногда лучше оставить все как есть и просто закрепить поверхность.

Но я уже не могла оставить все как есть. Записка в кармане жгла мне бедро, напоминая о том, что мир снаружи не забыл обо мне, он просто ждет подходящего момента, чтобы поглотить меня снова.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Напряжение в теле сменилось той звенящей готовностью, которая бывает у гимнастки перед прыжком в неизвестность. Я знала, что буду делать. Я не дам Лизе то, что она хочет, но и не останусь послушной куклой в руках Марата. Я найду этот список и использую его как страховку. Моя собственная игра только начиналась, и правила в ней буду устанавливать я сама.

Я снова взглянула в зеркало. На мгновение мне показалось, что тень за моей спиной снова шевельнулась, но я не обернулась. Я знала, что призраки прошлого - это всего лишь отражения наших собственных страхов. А страх - это то, что я научилась подавлять еще в детстве, стоя на узком бревне под взглядом строгого тренера.

Сейчас мое бревно было гораздо выше, и под ним не было страховочных матов. Только холодный мрамор пентхауса и тишина, которая вот-вот должна была взорваться.

Я взяла кисть и нанесла первый мазок жженой умбры на скулу женщины на фреске. Цвет лег идеально, точно в тон старой краске. Первый шаг был сделан. Я начала зачищать пространство для своей новой жизни, слой за слоем, не боясь того, что может обнаружиться под старой, потрескавшейся правдой этого дома.

Работа поглотила меня. Я перестала слышать шаги Степана и тиканье часов старика-часовщика. Существовала только поверхность стены и моя воля, направляющая ворс кисти. Я чувствовала, как внутри меня восстанавливается баланс. Это было то самое состояние потока, о котором говорят спортсмены, когда тело и разум становятся единым механизмом.

К вечеру, когда свет в галерее начал тускнеть, приобретая фиолетовый оттенок, я поняла, что готова к следующему этапу. Подготовка почвы была завершена. Завтра я приступлю к основной части работы, и тогда же мне представится шанс заглянуть за фасад этой безупречной коллекции.

Я собрала инструменты, тщательно вымыла кисти и сложила их в сумку. Степан подошел ко мне, чтобы проводить в мою комнату.

- Хорошая работа сегодня, - неожиданно сказал он, глядя на фреску. - Она стала выглядеть... более настоящей.

- Настоящее всегда пугает, Степан. К нему нельзя подготовиться, - я улыбнулась ему своей самой сухой ироничной улыбкой.

Мы шли по коридору, и я чувствовала, как усталость наваливается на плечи тяжелым плащом. Но это была хорошая усталость. Усталость человека, который перестал быть жертвой обстоятельств и начал сам формировать свою реальность.

Проходя мимо кабинета Марата, я заметила, что дверь приоткрыта. Внутри горел тусклый свет настольной лампы. Я на мгновение замедлила шаг. Марат сидел в кресле, глядя в пустоту перед собой. Он выглядел старше и как-то... уязвимее. Но это длилось всего секунду. Он почувствовал мой взгляд и мгновенно выпрямился, возвращая себе маску хозяина жизни.

Я не отвела глаз. Мы смотрели друг на друга сквозь полоску света, и в этом молчаливом поединке не было победителя. Только два человека, запертых в своих собственных крепостях, пытающихся найти способ коснуться друг друга, не разрушив при этом все вокруг.

Я зашла в свою комнату и закрыла дверь. На столике у кровати лежал свежий номер журнала, который принес Аркадий. На обложке была фотография Марата и заголовок: Коллекционер тишины. Я отбросила журнал в сторону.

Завтра все изменится. Я достала записку Лизы, еще раз перечитала ее и медленно разорвала на мелкие кусочки. У меня был свой план, и в нем не было места для предательства подруг или приказов хозяев. Я собиралась стать тем связующим веществом, которое удержит мою жизнь от окончательного распада, даже если для этого придется разрушить все, что я считала стабильным и надежным в этом странном, холодном мире пентхауса.

Ложась в постель, я чувствовала, как мышцы постепенно расслабляются, а мысли замедляют свой бег. Перед глазами все еще стояло лицо женщины с фрески. Теперь я знала, почему она казалась мне такой знакомой. В ее глазах была та же решимость идти до конца, которую я видела сегодня в своем собственном отражении. И эта решимость была единственным, что имело значение в этом доме, полном теней и фальшивых образов.

Завтрашний день обещал быть решающим, и я была готова встретить его с той безупречной осанкой, которой меня учили всю жизнь. Ведь в конечном итоге, единственное, что мы действительно можем контролировать - это то, как мы держим спину, когда мир вокруг нас начинает рушиться.

Я закрыла глаза, и последним, что я услышала перед тем, как провалиться в сон, был далекий, едва уловимый звук заводящихся часов. Время продолжало свой ход, неумолимо приближая момент истины, к которому я теперь была полностью готова.

Ночь окутала пентхаус, стирая границы между реальностью и вымыслом, и в этой темноте я чувствовала себя как никогда живой, готовой к борьбе, которая только начинала разворачиваться в этих стенах.

ГЛАВА 7. ХИМИЯ ПОДЧИНЕНИЯ

Утро началось с того, что я почувствовала зажим в области четвертого позвонка. Это старая травма, привет из юниорской сборной, когда я неудачно зашла на соскок и приземлилась не в мат, а в жесткую реальность спортивной медицины. Тело помнит все предательства, даже если мозг пытается их отфильтровать. Я лежала на широкой кровати, разглядывая кессонный потолок, и ждала, пока мышцы соизволят включиться. Марат любил этот пентхаус за его стерильность, за то, что здесь каждый предмет имел инвентарный номер и свою историю, задокументированную в пухлых папках у Яны. Яна, его личный юрист, вчера оставила на прикроватной тумбе очередной пакет документов. Я видела ее мельком в коридоре - она выглядела как оживший манекен в костюме от Мах Мага, с лицом, на котором эмоции не появлялись, кажется, со времен получения диплома. Она пахла типографской краской и ледяным спокойствием, и ее взгляд, скользнувший по мне, был идентичен взгляду оценщика ломбарда.

Я встала, игнорируя ноющую боль, и пошла в душ. Нужно было смыть с себя остатки сна и тот липкий страх, который всегда преследовал меня после разговоров с Ольгой Петровной. Вчера я звонила ей, своей старой наставнице, и ее голос, медленный и тягучий, как олифа, до сих пор звучал в ушах. Она говорила о долговечности связующих веществ, о том, что в реставрации, как и в жизни, самое важное - это то, что держит слои вместе. Если клей прогнил, никакая позолота не спасет. Ольга Петровна знала толк в разрушениях, она видела, как осыпаются шедевры и человеческие судьбы.

В лифте я столкнулась со Степаном. Начальник службы безопасности Марата всегда занимал слишком много места в замкнутом пространстве. От него пахло оружейным маслом и дешевым мятным жевательным табаком. Он кивнул мне, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок - я знала, что он наблюдает за мной через линзы камер в каждой комнате, кроме, пожалуй, ванной. А может, и там тоже. В его мире не существовало приватности, были только сектора обстрела и зоны ответственности.

- Марат Игоревич ждет в мастерской, - буркнул он, когда двери открылись на техническом этаже. - Не опаздывайте.

Я ничего не ответила. Моя спина сама собой выпрямилась, лопатки сошлись к позвоночнику. Это была моя броня. Я вошла в мастерскую - огромное помещение с панорамными окнами, которые сегодня были зашторены плотной тканью. Свет здесь был выставлен профессионально: холодные софиты направлены на центральную стену, где под слоями вековой копоти и неудачных записей скрывалась фреска.

Марат уже был там. Он стоял у окна, засунув руки в карманы идеально отглаженных брюк. Его силуэт казался вырезанным из черной бумаги. Он не обернулся, когда я вошла, но я почувствовала, как изменилась плотность воздуха. Это было похоже на то, как перед грозой начинает гудеть кожа.

- Ты опоздала на четыре минуты, Нелли, - произнес он, не оборачиваясь. Его голос был лишен модуляций, как звук работающего метронома.

- Я рассчитывала время на дорогу, но Степан решил устроить мне проверку на выносливость в лифте, - я прошла к столу с реактивами. Мои движения были точными, выверенными годами тренировок. Я знала, где лежит каждый скальпель, каждый флакон.

На столе стояли емкости с диметилформамидом, уайт-спиритом и этиловым спиртом. Запах химии был резким, бьющим в нос, он зачищал сознание лучше любого кофе. Я потянулась к упаковке латексных перчаток, но голос Марата остановил меня.

- Не надевай их.

Я замерла с протянутой рукой. Мышцы предплечья напряглись.

- Марат, это растворители. Они разъедают кожу.

Он медленно повернулся. Его лицо было спокойным, почти безжизненным, но в глазах застыло то самое выражение, которое я видела у коллекционеров, рассматривающих редкую бабочку на булавке.

- Ты должна чувствовать камень, Нелли. Должна чувствовать, как химия проникает в поры. Боль - это лучший индикатор того, что ты зашла слишком глубоко. Ты ведь не хочешь повредить основу?

- Я профессионал, я чувствую основу через инструмент, - я попыталась возразить, но это было бесполезно. Мой внутренний критик, говорящий голосом тренера, тут же отозвался: "Слушай приказ. Адаптируйся. Терпи".

- Сегодня ты будешь работать руками, - отрезал он. Это не было предложением. Это был факт, такой же неоспоримый, как гравитация.

Я медленно убрала руку от перчаток. В этот момент дверь скрипнула, и в мастерскую вошел Аркадий. Управляющий пентхаусом всегда появлялся бесшумно, как тень. В руках он держал огромную вазу с лилиями. Их тяжелый, приторный аромат мгновенно заполнил комнату, вступая в конфликт с запахом ацетона.

- Марат Игоревич, цветы для гостиной, как вы заказывали. Но я подумал, что в мастерской сегодня слишком... стерильно, - Аркадий говорил полусшепотом, глядя куда-то в район моих щиколоток. Он никогда не смотрел мне в глаза, словно я была предметом мебели, который случайно научился ходить.

- Поставь там, - Марат махнул рукой в сторону дальнего угла. - И принеси Нелли чай. Без сахара. Ей нужно сохранять концентрацию.

Аркадий кивнул и исчез так же незаметно, как и появился. Я осталась один на один с Маратом и стеной, которая хранила тайны, к которым я боялась прикасаться.

Я взяла ватный тампон, смочила его в смеси растворителей и подошла к фреске. Мои пальцы коснулись холодной шероховатой поверхности. Без перчаток камень казался живым, пульсирующим. Я начала осторожно, круговыми движениями, снимать верхний слой копоти. Это была ювелирная работа, требующая абсолютной неподвижности корпуса. Я чувствовала, как жидкость начинает пощипывать кожу на кончиках пальцев. Сначала это было почти приятно - легкое покалывание, напоминающее о том, что я существую.

Марат подошел ближе. Он встал за моей спиной, так близко, что я чувствовала тепло его тела, хотя он не касался меня. Это было его излюбленным методом давления - захват личного пространства без физического контакта.

- Громов вчера звонил, - сказал он вдруг. Виктор Громов, искусствовед с манерами оперного злодея, был единственным, чье мнение Марат, казалось, учитывал. - Он утверждает, что эта фреска - подделка восемнадцатого века. Говорит, что пигменты слишком яркие для ренессанса.

- Громов видит подделки даже в зеркале, когда бреется, - я не оборачивалась, продолжая работать. - Он ненавидит все, что не может объяснить своей теорией деградации искусства.

- Он сомневается в тебе, Нелли. Говорит, что ты слишком молода, чтобы понимать структуру старого камня. Что ты просто ремесленница с хорошей растяжкой.

Я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Мои пальцы сильнее прижались к стене. Растворитель начал жечь уже по-настоящему. Кожа на подушечках пальцев покраснела, стала тонкой, как пергамент.

- Пусть Громов придет сюда и сам попробует снять этот слой, не повредив лессировку. Его театральные жесты здесь не помогут.

- Я сказал ему то же самое, - в голосе Марата промелькнуло нечто похожее на удовлетворение. - Но мне нужны доказательства. Вскрой следующий слой. Я хочу видеть, что там, под этой грязью.

Я сменила тампон. Мои руки дрожали, но я подавила эту дрожь усилием воли, переводя напряжение в мышцы пресса. В гимнастике это называлось "держать центр". Если центр стабилен, конечности могут выполнять любую, даже самую болезненную работу.

Слой за слоем я зачищала участок в нижнем углу композиции. Там, под изображением коленапреклоненного ангела, виднелась какая-то надпись. Копоть уходила неохотно, она въелась в поры известковой штукатурки, как грех в душу грешника. Химия разъедала не только грязь, но и мою кожу. Я чувствовала, как жидкость проникает в микротрещины, как она добирается до нервных окончаний. Боль была острой, пульсирующей, она отвлекала от мыслей, заставляя фокусироваться только на здесь и сейчас.

- Быстрее, - негромко произнес Марат.

Я увеличила темп. Пальцы горели, мне казалось, что я снимаю собственную кожу вместе с краской. И вдруг под моим тампоном проступили цифры. Сначала "2", потом "4". Сердце сбилось с ритма, но я продолжала тереть. "0", "5". И, наконец, год.

Я замерла. На стене, под слоем, которому должно было быть как минимум пятьсот лет, была выведена дата моего рождения. 24.05.1994.

Мир вокруг на мгновение схлопнулся до размеров этого крошечного фрагмента стены. Я слышала, как в углу тикают старинные часы, которые каждое утро заводил тот странный старик-часовщик, единственный человек, которого Марат пускал в дом без обыска. Тик-так. Тик-так. Время здесь было текучим и лживым.

- Что это? - мой голос прозвучал хрипло, чуждо.

Марат наклонился к стене, почти касаясь моим плечом своего подбородка. Его дыхание защекотало мне шею.

- Это ответ, Нелли. Ответ на вопрос о том, почему ты здесь.

- Этого не может быть. Фреска... она старая. Я видела кракелюры, я проверяла состав грунта. Это не новодел.

- Конечно, не новодел, - он усмехнулся, и в этой усмешке было столько ледяного превосходства, что мне захотелось ударить его. - Просто некоторые вещи предопределены. Ты ищешь уникальность, боишься быть массовой. Но что, если ты - часть картины, которая была написана задолго до твоего появления на свет?

Я отступила на шаг, выронив грязный тампон. Он упал на светлый паркет, оставив темное пятно. Мои руки горели огнем. Я посмотрела на свои ладони - они были ярко-красными, местами кожа начала слезать мелкими чешуйками. Химический ожог.

- Ты знал, - я посмотрела ему прямо в глаза. - Ты знал, что там эта дата. Ты заставил меня работать без перчаток, чтобы я сама, своей болью, вскрыла это.

Марат не ответил. Он взял мою правую руку за запястье. Его пальцы были холодными, как лед, и этот контраст с моей пылающей кожей заставил меня вздрогнуть. Он поднял мою ладонь к свету софита, рассматривая ожог с тем же бесстрастным интересом, с каким Громов рассматривает трещины на полотнах тичиановской школы.

- Смотри, Нелли, - прошептал он. - Как красиво химия меняет структуру. Ты сейчас похожа на живой экспонат. Твоя кожа - это тоже холст. И этот ожог... он уникален. Его невозможно повторить.

Я попыталась вырвать руку, но он держал крепко. Его хватка была профессиональной - он знал, куда нажать, чтобы парализовать волю. В этот момент я почувствовала себя той самой бабочкой. Моя свобода была иллюзией, которую он поддерживал, пока это было ему удобно.

- Тебе больно? - спросил он, и в его голосе впервые проскользнула какая-то странная, пугающая нежность.

- Мне противно, - я выплюнула эти слова ему в лицо.

Он не обиделся. Он только чуть сильнее сжал мое запястье.

- Боль - это честно. В этом доме слишком много лжи, Нелли. Лиза звонит тебе и просит денег, делая вид, что заботится о твоей карьере. Кристина, моя бывшая модель, пришлет тебе сообщение с предупреждением, потому что она завидует твоему месту здесь. Даже Аркадий, который приносит тебе чай, презирает тебя за то, что ты живая. А я... я даю тебе возможность почувствовать реальность. Через эту стену, через эту дату, через этот ожог.

Я посмотрела на лилии в углу. Их запах стал невыносимым, он душил, смешиваясь с испарениями растворителя. Мне казалось, что я нахожусь внутри огромной химической реакции, где я - всего лишь один из ингредиентов, который должен изменить цвет или выпасть в осадок.

В дверь снова постучали. На этот раз это был Андрей, врач Марата. Он всегда появлялся вовремя, словно у него был встроенный датчик человеческих страданий. От него пахло антисептиком, и его очки постоянно сползали на кончик носа.

- Марат Игоревич, время осмотра, - сказал он, останавливаясь в дверях. Его взгляд упал на мою руку, и в глазах промелькнуло сочувствие, которое он тут же спрятал за профессиональной маской. - О, я вижу, у нас производственная травма.

- Нелли была неосторожна, - бросил Марат, наконец отпуская мою руку. - Обработай ей ладони. Но не бинтуй. Я хочу, чтобы она видела результат своей работы.

Андрей подошел ко мне, открывая свой кожаный саквояж. Марат отошел к окну, снова превращаясь в черную фигуру на фоне серого неба.

- Ну что же вы так, деточка, - тихо проговорил Андрей, доставая флакон с охлаждающим гелем. - Растворители - это не игрушки. Кожа - самый большой орган человека, он требует уважения.

- В этом доме уважение - дефицитный товар, - я позволила ему нанести гель на свои ладони. Холод принес мгновенное облегчение, но внутри все равно продолжало гореть.

- Не сердитесь на Марата, - Андрей поднял на меня глаза, поправляя очки. - Он видит мир иначе. Для него люди - это функции или образы. Он потерял способность воспринимать живое после того, как... впрочем, это не моя тайна.

- После того, как что? - я зацепилась за эту фразу.

Но Андрей уже закрывал саквояж.

- После того, как понял, что ничто не вечно. Кроме искусства, конечно. Постарайтесь сегодня больше не работать. И не мочите руки.

Он ушел, оставив после себя запах спирта и недосказанности. Я стояла посреди мастерской, глядя на дату на стене. 24.05.1994. Это был мой приговор или мое назначение?

Марат обернулся.

- На сегодня достаточно. Иди в свою комнату. Вечером придет Марк, этот навязчивый журналист. Он хочет сделать репортаж о моей коллекции. Ты будешь рядом. В том платье, которое я выбрал.

- Я не манекен, Марат.

- В этом доме ты - то, что я решу, - он подошел к двери. - И не забудь поблагодарить Аркадия за цветы. Они из оранжереи моей матери. Она тоже любила лилии. И тоже часто обжигала руки, когда пыталась создать что-то вечное.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Я осталась одна в тишине мастерской. Софиты продолжали освещать фреску, и дата на ней казалась теперь выжженной не на камне, а в моем сознании. Я подошла к окну и отодвинула штору. Внизу, в тридцати этажах под моими ногами, текла жизнь. Машины казались крошечными жуками, люди - пылинками. Там, внизу, была Лиза со своими мелкими интригами, был Громов со своими лекциями, была Ольга Петровна, которая верила в связующие вещества.

А здесь была я. С обожженными руками и ощущением, что я проваливаюсь в кроличью нору, где стены расписаны моей собственной биографией.

Я посмотрела на свои ладони. Гель впитался, оставив тонкую блестящую пленку. Кожа стянулась, и каждое движение пальцев причиняло тупую, ноющую боль. Но это была моя боль. Моя личная, не инвентаризированная Яной, не зафиксированная Степаном.

Я вспомнила слова Ольги Петровны: "Самое важное - это то, что держит слои вместе". Марат думал, что держит меня через боль и контроль. Он думал, что я - очередная фреска, которую он может отреставрировать по своему вкусу. Но он забыл одну вещь: старые мастера иногда добавляли в грунт яд, чтобы защитить свою работу от тех, кто захочет ее изменить.

Я подошла к столу и взяла флакон с растворителем. Мои руки дрожали, но на этот раз не от страха. Я знала, что буду делать дальше. Я не буду просто снимать слои. Я начну писать свою собственную историю поверх той, что он для меня приготовил. Даже если для этого придется сжечь все до самого основания.

Завтра Марк придет со своим диктофоном, и он будет искать сенсацию. Он будет смотреть на меня как на красивое дополнение к интерьеру. Но он не увидит того, что видела я. Он не увидит дату, которая стала моим порталом в иную реальность.

Я вышла из мастерской, чувствуя, как с каждым шагом зажим в спине становится все слабее. Мое тело адаптировалось. Оно всегда адаптировалось. Но в этот раз я не просто держала осанку - я готовилась к атаке. В гимнастике это называется "выход в стойку". Момент максимальной концентрации перед тем, как совершить полет.

В коридоре я снова увидела Аркадия. Он стоял у окна, наблюдая за тем, как старик-часовщик медленно идет по аллее пентхауса к выходу.

- Время - это единственное, что мы не можем купить, Нелли, - не оборачиваясь, произнес Аркадий. Его голос был сухим, как старая штукатурка. - Марат Игоревич думает, что он владеет временем, потому что владеет этими часами. Но он ошибается. Время владеет им.

- А кем владеете вы, Аркадий? - спросила я, проходя мимо.

Он наконец посмотрел на меня. Прямо в глаза. В его взгляде не было холода, там была бесконечная, вековая усталость.

- Я владею тайнами, которые лучше бы остались погребенными под слоями краски. Берегите руки, Нелли. Они вам еще понадобятся, когда вы захотите содрать эту позолоту со своей жизни.

Я ничего не ответила и пошла к себе. Впереди был вечер, полный фальшивых улыбок и вспышек камер. Но внутри меня уже начала работать другая химия - химия сопротивления, которая была гораздо мощнее любого диметилформамида. И эта реакция была необратимой.

Укладываясь в постель, я коснулась кончиками пальцев прохладной простыни. Боль стала тупой и привычной, как старая травма. Я закрыла глаза, представляя, как завтра под светом софитов я буду играть свою лучшую роль, пока за кулисами уже начинается сцена, которую Марат так тщательно выстраивал годами. Каждое движение, каждый вдох теперь имели значение, и я знала, что этот путь приведет меня туда, где больше не будет нужды прятаться за чужими образами и старыми датами.

Я заснула под мерный звук заводящихся в гостиной часов, и на этот раз мне не снились фрески. Мне снился полет, в котором нет страха падения, потому что я точно знала, как нужно приземляться. Грязь прошлого смывалась, оставляя лишь чистую основу, на которой мне предстояло начертить свои собственные правила, не дожидаясь, пока кто-то другой решит, в какой цвет должна быть окрашена моя реальность.

Утро обещало быть ясным, и я ждала его с тем спокойствием, которое приходит только тогда, когда ты принимаешь решение идти до конца, невзирая на химические ожоги и призраков, прячущихся в тенях этого роскошного склепа. Единственное, что теперь имело значение, это то, как я распоряжусь тем временем, которое у меня осталось до того момента, когда последняя завеса будет сорвана и правда предстанет перед нами во всей своей неприглядной наготе. С этими мыслями я окончательно погрузилась в глубокий, восстанавливающий сон,

зная, что завтрашний день станет началом новой главы, в которой я больше не буду просто сторонним наблюдателем своей судьбы.

ГЛАВА 8. ПЕЧАТЬ НА ХОЛОДНОМ КРАКЕЛЮРЕ

Я проснулась от того, что свет впивался в мои веки, как слишком тонкая, острая игла реставратора. Солнце в этом пентхаусе никогда не было мягким, оно всегда требовало отчетности, выставляя напоказ каждую пылинку, каждый дефект на поверхности дорогих вещей и моей собственной кожи. Мое тело, привыкшее к дисциплине спортивного зала, отозвалось привычным гулом в мышцах бедер и спины. Я села на кровати, чувствуя, как позвоночник выстраивается в идеальную вертикаль - многолетняя привычка, мышечная память, которую не вытравить никаким алкоголем или апатией. Я все еще была инструментом, просто сменила владельца и назначение. Вчерашний сон про полет оставил послевкусие мела на губах, как будто я только что сошла с брусьев и жду оценки судей, зная, что соскок был смазан.

В коридоре послышался шорох. Не шаги, а именно шорох, какой издает дорогая ткань, трущаяся о стены. Я знала, кто это. Аркадий передвигался по квартире как тень, как цербер, который не лает, а просто всегда находится рядом, напоминая о границах дозволенного. Я накинула халат, ощущая холод шелка кожей, и вышла в прихожую. Плотность воздуха в этой части квартиры всегда казалась мне выше, словно здесь работали невидимые прессы, сжимающие пространство до размеров допросной комнаты.

Аркадий уже стоял там, застыв у консоли из темного дерева. Его лицо, как обычно, напоминало застывшую маску из папье-маше, покрытую сетью мелких морщин - тот самый кракелюр, который невозможно скрыть никакой реставрацией. Он не посмотрел мне в глаза, его взгляд был направлен куда-то в район моей ключицы, что раздражало меня больше, чем если бы он разглядывал меня в упор.

- Доброе утро, Нелли, - произнес он своим тихим, шелестящим голосом, который, казалось, выходил не из горла, а прямо из стен. - К вам посетитель. Яна Игоревна уже ждет.

Я перевела взгляд. У панорамного окна, спиной к нам, стояла женщина. Ее силуэт был настолько четким и жестким, что казался вырезанным из черного картона. Яна, личный юрист Марата, воплощение ледяного порядка и сухой канцелярской логики. Она обернулась, и я почувствовала, как мои плечи непроизвольно напряглись, принимая защитную стойку. Она пахла стерильностью и чем-то неуловимо дорогим, как запах новой типографской краски на банковских чеках.

- Нелли, - кивнула она, не тратя времени на улыбки. Улыбки не входили в ее прайс-лист. - У нас есть незавершенные дела. Дополнительное соглашение. Марат считает, что текущие условия требуют уточнения в свете... последних событий.

Я прошла мимо нее к зеркалу, ловя свое отражение. Бледная, с тенями под глазами, выглядела как эскиз, который забыли дорисовать. В углу зеркала я заметила Степана - начальник службы безопасности отразился в мониторе системы наблюдения, установленном в нише. Он сидел в своей камере, наблюдая за нами через объективы камер, и я почти физически чувствовала его взгляд на своей спине. Эта квартира была прозрачной для них и абсолютно глухой для меня.

- Каких именно событий? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Мои пальцы коснулись холодного мрамора консоли. - Марат решил, что я слишком много дышу его воздухом?

Яна проигнорировала мою иронию. Она открыла кожаную папку, и звук расстегиваемой молнии прорезал тишину, как скальпель. Она выложила на стол стопку листов, идеально ровных, с водяными знаками, которые казались мне клеймом.

- Пункт три-два-четыре, - начала она, чеканя слова. - Полная конфиденциальность в отношении любых визуальных образов, находящихся в пределах данного объекта. Запрет на

описание, зарисовку или упоминание структуры фресок третьим лицам. Даже после расторжения основного контракта. Срок действия данного обязательства - пожизненно.

Я усмехнулась, чувствуя, как в груди закипает привычное сопротивление. Это было похоже на тренировку у Ольги Петровны, моей первой наставницы, которая всегда говорила: "Если не можешь согнуть спину, сломай ее, но не смей стоять криво". Я вспомнила ее медленную, рассудительную речь, когда она учила меня долговечности связующих веществ в живописи. "То, что ты наносишь на холст, Нелли, остается там навсегда, даже если ты решишь это закрасить". Марат пытался сделать то же самое - закрасить меня слоем юридических обязательств.

- Пожизненно? - повторила я. - Вы серьезно? Вы хотите купить мое молчание до самого гроба?

Аркадий за моей спиной кашлянул - сухой, предупреждающий звук. Он стоял так близко, что я чувствовала исходящий от него холод. Он был как живое напоминание о том, что здесь нет места для дискуссий.

- Это стандартная процедура для объектов такого уровня, - Яна даже не моргнула. Ее глаза были как две пуговицы, пришитые к лицу без всякого выражения. - Подпишите здесь, здесь и на обороте каждой страницы. Аркадий засвидетельствует.

Я посмотрела на ручку, которую она мне протянула. Тяжелый Parker, холодный металл. Мои руки помнили, как сжимать гимнастическую палку, как впиваться в брусья до белых костяшек, когда ладони горели от магнезии. Эта ручка весила меньше грамма, но в этот момент она казалась мне тяжелее штанги.

- А если я откажусь? - я подняла на нее взгляд, пытаюсь найти хоть какую-то трещину в этом юридическом монолите.

Яна поправила очки, и этот жест напомнил мне Андрея, врача Марата. Он всегда делал так же, когда собирался сообщить что-то неприятное о состоянии здоровья. Я вспомнила его сочувственные взгляды в прихожей, когда он приходил осматривать Марата после его очередных приступов мрачности. В этом доме сочувствие было дефицитным товаром, который выдавали по рецепту.

- Отказ будет расценен как нарушение условий пребывания, - сухо ответила Яна. - Со всеми вытекающими последствиями, включая немедленное освобождение помещения и выплату неустойки, сумма которой указана в приложении номер пять. Вы ведь не хотите возвращаться к той жизни, которую вели до встречи с Маратом?

Она попала в цель. Моя прошлая жизнь была похожа на плохо загрунтованный холст - серая, шершавая, полная мелких унижений и вечного поиска денег на аренду мастерской. Я вспомнила Лизу, мою бывшую коллегу, ее вечные расспросы, ее жадные глаза, когда она пыталась выведать, как мне удалось "пристроиться". Лиза была как напоминание о том, что снаружи меня ждет только зависть и пустота.

Я взяла ручку. Кожа на пальцах слегка дрожала - не от страха, а от перенапряжения мышц, которые требовали действия, а не подчинения. Я начала подписывать. Один лист, второй, третий. Скрип пера по бумаге казался мне оглушительным в этой тишине. Я подписывала свою свободу, пункт за пунктом, слой за слоем, превращаясь в еще один экспонат коллекции Марата.

- Прекрасно, - Яна забрала листы, как только я поставила последнюю точку. - Аркадий, заберите экземпляр для архива.

Аркадий шагнул вперед, его длинные пальцы подхватили бумагу с ловкостью фокусника. Он все еще не смотрел на меня, но я чувствовала его удовлетворение. Он был Цербером, который только что запер еще одну дверь.

- Есть еще кое-что, - Яна замялась на секунду, и это была первая живая эмоция, которую я от нее увидела. Она вытащила из папки еще одну папку, на этот раз без опознавательных

знаков, просто серый картон. - Это осталось от предыдущего аудита. Марат просил передать вам, чтобы вы ознакомились на досуге. Для... лучшего понимания ваших перспектив.

Она положила папку на консоль и начала собирать свои вещи. Ее движения были быстрыми, функциональными. Она была как хирург, который закончил операцию и теперь спешит к следующему пациенту.

- Марат сегодня будет поздно, - бросила она уже у двери. - Не ждите его к ужину. У него встреча с Виктором Грозовым.

При упоминании Грозова у меня внутри все сжалось. Этот искусствовед с манерами провинциального актера всегда вызывал у меня тошноту. Его театральные жесты, его привычка цитировать классиков невпопад и, главное, то, как он смотрел на мои работы - словно он знал какой-то секрет, который делал все мои усилия бессмысленными. Если Марат советовался с ним, значит, мои дела были плохи. Грозов был способен убедить кого угодно в том, что оригинал - это подделка, если ему за это хорошо заплатили.

Яна ушла, оставив после себя шлейф стерильного парфюма и тяжелую тишину. Аркадий тоже исчез, словно растворился в тенях коридора. Я осталась одна в прихожей, глядя на серую папку. Мои ноги затекли, и я сделала несколько перекатов с пятки на носок, разгоняя кровь. Тело требовало нагрузки, оно требовало сбросить это оцепенение. Я вспомнила, как Марк, этот навязчивый журналист, пытался прорваться сюда под видом курьера неделю назад. Он кричал что-то о праве общества знать правду. Какую правду он хотел найти здесь? Что под слоями дорогой штукатурки скрывается обычная гниль?

Я подошла к консоли и открыла папку.

Первое, что я увидела, была моя фотография десятилетней давности. Я на соревнованиях в Самаре, стою на пьедестале, третье место. Лицо напряженное, глаза смотрят мимо камеры. Я помню тот день - я тогда сорвала мозоль на ладони, и каждое движение было пыткой, но тренер требовала улыбки. "Ты должна быть идеальной, Нелли, даже если у тебя кости ломаются".

Я перелистнула страницу. Там были отчеты о моих банковских счетах, которых почти не было. Списки моих долгов. Копии медицинских карт после той травмы, которая поставила крест на моей карьере. Но дальше пошло то, от чего у меня похолодели кончики пальцев.

Там были вырезки из моих личных дневников, которые я вела в юности. Мои страхи, записанные неровным почерком. "Я боюсь, что если я перестану прыгать, меня перестанут замечать". "Я боюсь стать массовой в чужой жизни". "Я боюсь, что мое лицо - это просто маска, за которой ничего нет".

Марат собрал досье не на мои достижения, а на мои слабости. Каждая страница была как удар под дых. Он знал обо мне все - не только факты, но и то, что я пыталась скрыть даже от самой себя. Он препарировал мою душу с той же тщательностью, с какой я препарировала старую живопись. Для него я была не человеком, а набором дефектов, которые нужно было зачистить и закрепить.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Это было физиологическое ощущение, как будто я наглоталась пыли в старой мастерской. Мои мышцы задрожали, на этот раз по-настоящему. Я закрыла папку, но перед глазами все еще стояли те строчки.

В глубине квартиры раздался звук. Глухой, ритмичный стук. Это старик-часовщик пришел заводить старинные часы в кабинете Марата. Его визиты всегда были как предзнаменование. Он проходил через квартиру, не глядя ни на кого, маленький, сгорбленный, пахнущий машинным маслом и вечностью. Только он здесь не боялся Марата, потому что время было его единственным хозяином.

Я прислонилась к стене, чувствуя, как холод камня проникает сквозь халат. Я вспомнила Кристину, ту модель, которую встретила в уборной на благотворительном вечере. Ее хриплый голос, ее нервный тик. "Беги, пока можешь", - сказала она мне тогда, оставляя после себя запах тяжелого, удушливого парфюма. Я тогда не поняла ее, подумала, что это просто зависть быв-

шей фаворитки. Теперь я понимала. Она тоже была в этой папке, только на других страницах. Мы все были частью одного гербария, приколотыми булавками к листам серого картона.

Мой взгляд упал на монитор системы безопасности. Степан все еще был там, он смотрел прямо в камеру, и мне показалось, что он видит не просто мое отражение, а то, как я разваливаюсь на части. Эта квартира была клеткой, где даже твои страхи принадлежали владельцу.

Я должна была что-то сделать. Не просто подчиниться, не просто подписать бумаги и ждать, когда Марат решит, что я больше не нужна. Моя мышечная память взбунтовалась. Я выпрямилась, расправила плечи так, как учила Ольга Петровна перед выходом на ковер. "Держи лицо, Нелли. Что бы ни случилось, держи лицо".

Я взяла папку и пошла в свою комнату. Каждый шаг отдавался в ушах, как удары молотка. Я чувствовала, как во мне просыпается что-то забытое - та самая спортивная злость, которая позволяла мне выполнять сложнейшие элементы, когда связки стонали от боли. Марат думал, что он купил мою историю, но он забыл, что я - реставратор. Я умею работать с испорченными основами. Я умею восстанавливать то, что кажется безвозвратно утраченным.

Я села за стол и достала свои инструменты. Кисти, растворители, пигменты. Они были моими единственными союзниками в этом доме. Я посмотрела на фреску, над которой работала. Лицо женщины на стене было моим лицом, но в то же время оно принадлежало кому-то другому, кому-то, кто жил сотни лет назад. Марат хотел, чтобы я стала этой фреской - застывшей, неподвижной, вечной.

Но живая плоть всегда побеждает камень, рано или поздно.

Я начала смешивать краски. Мои движения стали точными и резкими. Я не просто восстанавливала изображение, я вносила в него изменения, едва заметные для непрофессионала, но существенные для структуры. Я добавляла слои там, где их не должно было быть. Я создавала свои собственные правила на этом холсте.

Где-то в коридоре снова послышался шелест шагов Аркадия. Он проверял меня. Я не обернулась. Мои пальцы, испачканные в краске, работали сами по себе. Я знала, что Яна уже доложила Марату о подписании контракта. Я знала, что Громов уже готовит свою очередную тираду о моем "несовершенстве". Но теперь у меня было кое-что поважнее их мнений. У меня была эта серая папка, спрятанная под кипами эскизов, и у меня была моя злость.

Вечер опускался на город, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Пентхаус погружался в сумерки, и тени фресок на стенах становились длиннее, превращаясь в причудливых чудовищ. Я работала, пока глаза не начали слезиться от напряжения. Мое тело гудело, требуя отдыха, но я не могла остановиться. Это была моя форма протеста, мой способ вернуть контроль.

Когда совсем стемнело, я отложила кисть. Мои руки были в пятнах охры и кобальта, под ногтями забила краска. Я чувствовала себя грязной, но в этой грязи была жизнь, в отличие от стерильной чистоты прихожей, где я только что продала свою душу.

Я подошла к окну. Внизу, в бездне города, мерцали огни. Там люди жили своими маленькими жизнями, не зная о том, что здесь, на высоте птичьего полета, происходит медленное убийство личности. Я вспомнила Лизу, которая, наверное, сейчас сидит в каком-нибудь баре и строчит сплетни в свой канал. Она бы отдала все, чтобы оказаться на моем месте. Она не понимала, что это место - электрический стул, оббитый бархатом.

Я знала, что завтра придет Андрей. Он придет проверить Марата, но обязательно заглянет ко мне, поправит очки и спросит, не нужно ли мне чего-нибудь от бессонницы. Я отвечу, что мне ничего не нужно. Потому что бессонница - это единственное, что у меня осталось настоящего. Это время, когда я могу принадлежать самой себе, когда взгляды Степана через камеры становятся просто помехами на экране.

Марат вернется поздно, принесет с собой запах дорогого табака и холодного презрения Громова. Он зайдет в мастерскую, встанет за моей спиной, и я почувствую, как плотность

воздуха снова изменится. Он будет смотреть на фреску, пытаясь найти в ней свое отражение, свою власть. Он не заметит тех изменений, которые я внесла сегодня. Он увидит только то, что хочет видеть - идеальную поверхность, за которой скрыта пустота.

Но я буду знать. Я буду знать, что под каждым слоем краски теперь лежит мой протест. Что каждая линия, которую я провела сегодня, - это трещина в его идеальном мире.

Я легла в кровать, не смывая краску с рук. Мне хотелось чувствовать ее запах, чувствовать ее шероховатость на коже. Это было мое напоминание о том, что я все еще существую. Мышцы постепенно расслаблялись, но разум продолжал работать, перебирая пункты контракта и страницы досье. Марат думал, что он загнал меня в угол, окружив юристами, охранниками и управляющими. Он думал, что запер меня в этой золотой клетке, ключ от которой всегда при нем.

Он ошибался. Клетка была только снаружи. Внутри меня все еще оставалось пространство, куда не мог проникнуть ни один Аркадий, ни одна Яна. И это пространство теперь заполнялось чем-то новым - холодным, расчетливым планом. Я больше не была просто жертвой или инструментом. Я стала игроком, который принял правила игры только для того, чтобы изучить их и найти способ нарушить.

Сон приходил медленно, тяжелый и вязкий, как старая олифа. Я знала, что завтра начнется новый этап. Завтра я снова надену маску покорности, снова буду слушать шепот Аркадия и сухие распоряжения Яны. Но под этой маской будет зреть нечто, чего они не смогут предусмотреть. Марат хотел владеть искусством, но он забыл, что искусство всегда переживает своих владельцев. Оно меняется, оно трансформируется, оно обманывает взгляд.

Я закрыла глаза, и последним, что я увидела перед тем, как окончательно провалиться в темноту, было лицо женщины на фреске. Теперь она улыбалась - едва заметно, той самой ироничной и горькой улыбкой, которую я так тщательно скрывала от всех. Это была улыбка человека, который понял, что в мире, где все продается и покупается, единственная истинная ценность - это то, что ты готов защищать до последнего вздоха, даже если весь мир считает тебя просто красивой картинкой на стене.

Тишина пентхауса больше не казалась мне пугающей. Она стала моей союзницей, скрывающей мои мысли и мои намерения. Завтра я продолжу свою работу, и каждый мазок кисти будет приближать меня к тому моменту, когда последняя завеса будет сорвана. И тогда мы посмотрим, кто из нас настоящий мастер, а кто - всего лишь временный владелец чужой судьбы, решивший, что он может подчинить себе стихию, просто подписав несколько листов бумаги в холодной прихожей под надзором молчаливого цербера.

С этими мыслями я окончательно погрузилась в сон, чувствуя, как мышечное напряжение сменяется странной, почти пугающей легкостью, предвещающей начало нового дня, в котором тени прошлого станут лишь фоном для моего собственного, тщательно выверенного будущего.

ГЛАВА 9. ГОЛОС В ВЕНТИЛЯЦИИ

Пробуждение всегда наступает одинаково: сначала я чувствую, как затекает левое плечо, верный признак того, что я опять спала, свернувшись калачиком, словно пыталась спрятаться в складках собственного тела. Мышечная память - штука беспощадная, она хранит в себе каждый залом, каждый неудачный прыжок и каждую секунду, проведенную на бревне под оценивающим взглядом тренеров. Мои суставы щелкают в такт моим мыслям, когда я осторожно выпрямляюсь в огромной кровати, которая кажется мне необитаемым островом в океане из шелка и запредельно дорогого египетского хлопка. В этой спальне всегда слишком много воздуха, но он неподвижен, как застывший лак на старой картине. Я чувствую это кожей - плотность атмосферы изменилась. Марат где-то рядом. Его присутствие всегда ощущается спиной, между лопатками, там, где обычно концентрируется страх перед падением.

Я села, прислушиваясь к тишине пентхауса. Она никогда не бывает абсолютной. У этого дома есть свой пульс, состоящий из едва уловимых механических звуков. Где-то в глубине коридора заскрипели половицы - это Степан, начальник безопасности, совершает свой утренний обход. Я уже выучила его походку: тяжелая, ритмичная, с легким акцентом на правую ногу. Он не просто ходит, он патрулирует, проверяя датчики движения и видеокамеры так, будто мы находимся в бункере на пороге апокалипсиса, а не в роскошных апартаментах в центре города. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с ним в лифте, его молчаливое давление заполняет пространство так густо, что становится трудно дышать. Он смотрит на меня через объективы камер, и я знаю, что он видит каждое мое неловкое движение, каждый дефект моей мнимой уверенности.

Вентиляционная решетка над кроватью тихонько звякнула. Этот звук был почти незаметным, но для моего слуха, настроенного на малейшие колебания среды, он прозвучал как выстрел. Я замерла, задержав дыхание. Из отверстия потянуло едва уловимым запахом дорогого табака и мужского парфюма - холодного, с нотками металла и мокрого камня. Так пахнет только Марат. Я медленно, стараясь не шуршать простынями, пододвинулась к стене и прижалась ухом к холодному металлу решетки.

Сначала до меня доносился лишь неясный гул, похожий на шум далекого моря, но потом звуки начали кристаллизоваться в слова. Голос Марата звучал глухо, лишенный всяких эмоций, как будто он зачитывал финансовый отчет, а не вел беседу.

- Нелли, повернись ко мне. Да, именно так. Подбородок чуть выше. Ты должна смотреть на свет так, будто он тебя ослепляет, но ты не можешь отвести глаз.

Я похолодела. Мои пальцы впились в край матраса, ногти до боли надавили на подушечки. Он разговаривал со мной? Но я была здесь, в своей комнате, одна. Его голос доносился из кабинета, расположенного этажом выше, или, возможно, через сложную систему воздуховодов звук просто блуждал по дому, искажаясь и обретая пугающую четкость.

- Нет, это не то, - продолжал он, и я услышала в его интонации ту самую стальную нить, которая всегда заставляла меня вытягиваться в струну. - В этом взгляде слишком много жизни. Мне нужно, чтобы ты застыла. Замри. Стань частью стены. Ты - фреска, Нелли. Ты не можешь протестовать. Ты принадлежишь этому пространству так же, как и этот кракелюр на твоём плече.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежала судорога. Он называл собеседника моим именем. Он отдавал приказы образу, который создал в своей голове, или... или там, наверху, была другая я? Я вспомнила Кристину, ту самую модель, которую встретила на благотворительном вечере. Ее хриплый голос тогда прозвучал для меня как эхо из колодца: "Он не ищет тебя, он ищет способ тебя зафиксировать". Кристина выглядела как тень самой себя, ее нервный тик век выдавал глубокую трещину в ее идеальном фасаде. Она тоже была частью его коллекции, пока не начала "портиться" от времени и чувств.

В коридоре снова раздались шаги. Степан прошел мимо моей двери, и я увидела, как под порогом на мгновение мелькнул красный огонек его сканера. Он проверял замок. Каждое утро он делает это, проверяя, не нарушила ли я границы своего золотого вольера. Я представила, как он стоит там, массивный и непроницаемый, в своем вечном черном костюме, и думает о том, как легко сломать такую тонкую конструкцию, как я.

Я снова припала к решетке.

- Яна подготовила дополнения к контракту, - голос Марата стал еще суше, если это вообще было возможно. - Там есть пункт о долговечности. Ты не имеешь права менять форму. Никаких резких движений, никаких попыток выйти за рамки кадра. Юридически ты теперь закреплена в этом состоянии.

Я вспомнила Яну, личного юриста Марата. Эта женщина пугала меня больше, чем Степан. Она была воплощением ледяного порядка, ее речь состояла из параграфов и подпунктов, а глаза напоминали две пустые ниши в стене. Когда она протягивала мне бумаги на подпись, я чувствовала запах типографской краски и антисептика - тот же запах, который всегда исходит от Андрея, врача Марата. Андрей иногда заходит в пентхаус, бросая на меня сочувственные, почти извиняющиеся взгляды через свои вечно сползающие очки. Он свидетель слабостей Марата, человек, который зашивает раны и измеряет давление, когда контроль над миром начинает ускользать из рук хозяина.

- Нелли, ты меня слышишь? - Марат произнес это так близко, что я невольно отшатнулась от стены. Казалось, он стоит прямо за решеткой вентиляции. - Ты должна понимать, что подлинник всегда один. Все остальное - лишь копии, массовка. Ты не массовка, верно?

Я закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в коленях. Мой внутренний критик, обычно говорящий голосом моей первой наставницы Ольги Петровны, сейчас молчал. Ольга Петровна всегда учила меня, что связующее вещество в краске должно быть крепким, иначе изображение осыплется при первом же сквозняке. "Держи спину, Неля, - говорила она, - если ты прогнешься под тяжестью взглядов, ты потеряешь саму суть композиции". Но Ольга Петровна была там, в моем прошлом, в пыльной мастерской, пропахшей скипидаром, а здесь, в этом стерильном раю, мои "связующие вещества" трещали по швам.

Мне захотелось позвонить Лизе. Лиза, моя бывшая коллега, наверняка сейчас сидит в какой-нибудь кофейне, пьет переслащенный латте и обсуждает последние сплетни о том, как я "удачно устроилась". Ее быстрый, захлебывающийся темп речи сейчас показался бы мне музыкой. Лиза всегда использовала уменьшительно-ласкательные словечки, которые раньше меня бесили, а теперь я отдала бы все, чтобы услышать ее банальное "Ну как ты там, куколка? Маратик тебя еще не съел?". Но Лиза была частью того мира, который Марат методично отрезал от меня, слой за слоем, как реставратор удаляет поздние наслоения с бесценного полотна.

Вдруг шепот в вентиляции прекратился. Наступила тишина, еще более зловещая, чем странный монолог Марата. Я услышала тихий щелчок - так звучит закрывающаяся дверь. Затем послышались другие звуки, более привычные, но не менее странные для этого места. Тонкое металлическое попискивание и ритмичный скрежет. Это старик-часовщик. Он приходит в пентхаус по расписанию, чтобы заводить старинные напольные часы в холле. Он - единственный, кого Марат, кажется, не замечает, или, по крайней мере, не пытается контролировать. Старик всегда говорит загадками, его визиты похожи на ритуал вызова времени, которое здесь, кажется, остановилось.

Я осторожно встала и подошла к окну. С высоты пентхауса город казался макетом, игрушечным миром, где люди-муравьи суетятся по своим маловажным делам. Где-то там, среди этих улиц, бродит Марк, журналист, который уже неделю пытается выследить меня. Он даже прикидывался курьером, чтобы проникнуть в вестибюль, но Аркадий, наш управляющий, выставил его в два счета. Аркадий - настоящий цербер, он чувствует чужаков за милю. Его манера говорить полупшепотом и никогда не смотреть в глаза создает ощущение, что он знает

о тебе больше, чем ты сама. Он теневой хранитель этого места, и я для него - просто еще один инвентарный номер в длинном списке ценностей Марата.

Я вспомнила Виктора Громова, искусствоведа, который на последнем приеме театрально размахивал руками и цитировал Горация, глядя на меня с нескрываемым скепсисом. "Красота без истории - это всего лишь декор, дорогая моя, - цедил он через зубы. - А в вас истории не больше, чем в свежевыкрашенной стене". Его слова тогда больно задели меня, вызвав привычный протест: я не стена, я живая. Но сейчас, прислушиваясь к уходящим шагам Степана и тиканью часов старика, я начинала сомневаться в собственной правоте.

Мои мысли прервал тихий шорох. Я обернулась. Под моей подушкой, которая чуть сдвинулась, когда я резко вскочила, что-то виднелось. Я протянула руку и вытащила тонкую, перевязанную черной ниткой прядь волос. Цвет был идентичен моему - сложный оттенок пепельного блонда, который я поддерживала с таким трудом. Но это были не мои волосы. Они были более жесткими, сухими, как будто их долго держали под палящим солнцем или в химическом растворе.

Я замерла, глядя на эту прядь. В голове всплыл образ фрески, которую я восстанавливала в главной гостиной. Там, под слоем пыли, лицо женщины было почти стерто, но волосы... волосы были прописаны с пугающей детальностью. Я почувствовала, как мышцы пресса непроизвольно напряглись, подтягивая тело в боевую готовность, словно перед выходом на снаряд. Моя физиология реагировала быстрее разума: тело чувствовало угрозу, исходящую от этого маленького пучка мертвой материи.

Кто это оставил? Степан, во время своего очередного досмотра? Или Марат лично положил это мне под голову, пока я спала своим тяжелым, безрадостным сном? Или, может быть, Аркадий, выполняя тайное поручение, решил напомнить мне о моей заменяемости?

Я жала прядь в кулаке. Мое дыхание стало коротким и прерывистым. Я снова вспомнила голос Марата в вентиляции: "Ты не должна менять форму". Эта находка была физическим воплощением его слов. Предупреждением. Или, возможно, фрагментом чьей-то другой истории, которая закончилась здесь, в этой самой комнате.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. В свете утреннего солнца, пробивающегося сквозь тяжелые шторы, мое лицо казалось бледным, почти прозрачным. Я начала искать дефекты: мелкие морщинки у глаз, легкую припухлость век, неровность тона кожи. Я препарировала себя так же, как Марат препарировал свои экспонаты. Где заканчиваюсь я и где начинается образ, который он в меня вкладывает? Если я отрежу свои волосы, стану ли я другой? Или он просто найдет способ приклеить их обратно, чтобы сохранить целостность коллекции?

За дверью послышался приглушенный голос Аркадия. Он с кем-то спорил, что было для него крайне необычно.

- Хозяин просил не беспокоить его до полудня, - говорил управляющий своим характерным полупшепотом. - У него важная работа в кабинете.

- Мне плевать на его работу, - этот голос я узнала бы из тысячи. Лиза. Она все-таки прорвалась. - Я забыла у Нелли свой блокнот в прошлый раз, и мне он нужен немедленно. Пропустите меня, или я подниму такой шум, что ваши датчики движения сойдут с ума.

Я почувствовала странный прилив благодарности к этой невыносимой девчонке. Лиза была хаосом, который так отчаянно требовался этому стерильному пространству. Ее присутствие здесь было как пятно яркой краски на монохромном полотне. Но я знала, что Аркадий ее не пропустит. Он - граница, которую невозможно пересечь без специального допуска.

- Лиза, уходи, - прошептала я, понимая, что она меня не слышит. - Тебе здесь не место.

Я спрятала прядь волос в карман своего шелкового халата. Это была моя тайна, мой личный кракелюр в идеальной системе Марата. Я чувствовала, как металл вентиляционной решетки продолжает излучать холод, хотя голос в ней давно стих. Плотность воздуха в комнате

снова изменилась. Теперь он казался мне густым, как эпоксидная смола, в которой я застывала, становясь частью интерьера.

Марат наверху, Лиза внизу, Степан где-то в коридоре, а я - ровно посередине, в эпицентре этого странного эксперимента по фиксации красоты. Я знала, что сегодняшней день будет отличаться от предыдущих. Голос в вентиляции, называющий мое имя в пустоту, разрушил иллюзию моей уникальности. Я была лишь одной из многих "Нелли", которых Марат пытался удержать в своей памяти или на своих стенах.

Я медленно подошла к двери и приложила ладонь к холодной поверхности дерева. За ней продолжалась жизнь, полная интриг Виктора Громова, навязчивости Марка и юридических ловушек Яны. Но здесь, внутри, время текло иначе. Оно подчинялось только часам старика и воле человека, который считал, что может остановить мгновение, просто назвав его своим именем.

Мои пальцы коснулись замка. Я знала, что Степан наблюдает за мной через камеру в углу потолка. Я видела едва заметный блик линзы. Он ждал, когда я совершу ошибку, когда я нарушу ритуал и попытаюсь выйти без разрешения. Но я не собиралась доставлять ему такого удовольствия. Я должна была действовать тоньше. Реставрация не терпит спешки; чтобы вскрыть истинный слой, нужно терпение и очень острый скальпель.

Я вернулась к кровати и легла поверх одеяла, глядя в потолок. Прядь волос в кармане жгла мне бедро через тонкую ткань. Это был ключ, или, возможно, улика, которую я еще не знала, как использовать. Но одно я знала точно: голос Марата в вентиляции больше не будет звучать для меня как приговор. Это был вызов, брошенный в пустоту воздуховода, и я была готова его принять.

Мое тело постепенно расслаблялось, мышечное напряжение уходило, сменяясь холодной, расчетливой решимостью. Я вспомнила слова Ольги Петровны о том, что самые долговечные картины те, в которых мастер оставил место для дыхания самой краски. Марат пытался лишить меня этого пространства, запечатать в вакууме своей одержимости. Но он забыл, что даже самый прочный лак со временем покрывается трещинами. И именно через эти трещины в его идеальный мир начнет проникать настоящий, неконтролируемый свет.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к далекому тиканью часов в холле. Время пошло. Оно больше не было моим врагом, оно стало моим инструментом. И когда в следующий раз Марат позовет меня через вентиляцию или лично, глядя в упор, он увидит не покорную фреску, а человека, который научился играть по его правилам, чтобы в итоге разрушить их все до основания.

Тишина пентхауса снова стала плотной, но теперь она не давила на меня. Она обволакивала, скрывая мои мысли от камер Степана и холодного взгляда Аркадия. Я ждала, когда Марат спустится из своего кабинета, когда его шаги раздадутся на лестнице, возвещая о начале нашего ежедневного противостояния. И в этом ожидании была странная, почти пугающая сила, которую я раньше в себе не замечала. Я была готова к новому слою этой игры, где каждый мазок кисти мог стать решающим в битве за право быть собой, а не просто красивым отражением в чужих глазах.

Солнечный луч медленно полз по стене, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Они казались мне крошечными осколками чего-то грандиозного, разрушенного давным-давно, но все еще хранящего в себе память о свете. Я смотрела на них, пока мои глаза не начали слезиться, и в этом простом физиологическом акте я чувствовала больше правды, чем во всех контрактах Яны и теориях Виктора Громова вместе взятых. День начинался, и тени прошлого, какими бы пугающими они ни были, становились лишь фоном для моего собственного, тщательно выверенного будущего, в котором не было места для чужих голосов в вентиляции.

ГЛАВА 10. СЛЕПОЕ ПЯТНО МОРАЛИ

Солнечный луч, пробившийся сквозь тяжелые гардины гостиной, казался мне слишком ярким, почти агрессивным. Он бесцеремонно вскрывал все несовершенства этого безупречного пространства: микроскопические царапины на лакированном паркете, едва заметную патину на бронзовых ручках дверей, застывшую пыль в глубоких складках бархата. Я стояла посреди этого великолепия, чувствуя себя лишним мазком на картине, который художник забыл закрасить. Мои мышцы были натянуты, как струны перед прыжком, привычное состояние для той, кто годами училась держать баланс на узком бревне, где любая ошибка ведет к падению в пустоту.

- Нелли, сосредоточьтесь, - голос Аркадия прозвучал над моим ухом тихим шелестом, от которого по заправке пробежал холодок.

Управляющий пентхаусом стоял вполоборота, его сутулая фигура в безупречном темном костюме напоминала старую, изъеденную временем статую. Он никогда не смотрел мне в глаза, предпочитая изучать мои ключицы или пуговицы на блузке, словно проверяя качество моей сборки. Его присутствие всегда вызывало у меня желание выпрямить спину еще сильнее, до хруста в позвонках.

- Вечерний прием - это не просто ужин, это механизм, - продолжал он, потирая сухие ладони. - Марат Игоревич пригласил людей, чье мнение стоит дороже, чем весь этот дом. Вы будете его тенью. Присутствующей, но не навязчивой. Если господин Громов спросит вас о технике нанесения грунта на фрески, вы ответите ровно три предложения. Технично, без лишнего воодушевления. Искусство не терпит суеты, Нелли.

Я кивнула, ощущая, как внутри закипает сухое раздражение. Он говорил со мной как с неисправным бытовым прибором, который нужно правильно запрограммировать перед использованием. Я видела кракелюры в его напускной вежливости - мелкую сетку морщин вокруг губ, выдававшую брезгливость. Аркадий был Цербером этой крепости, и я для него оставалась лишь временным экспонатом, который рано или поздно отправится в запасники.

- Запомните рассадку, - он протянул мне лист плотной бумаги, исписанный каллиграфическим почерком. - Справа от хозяина - Яна. Слева - Виктор Громов. Вы - напротив. Ваша задача - поддерживать ритм беседы, если возникнет пауза. Но не дольше пяти секунд. Паузы в этом доме должны быть значимыми, а не неловкими.

В этот момент в глубине гостиной раздался странный звук - сухой щелчок, а затем ритмичное тиканье. Я повернула голову к массивным напольным часам из темного дерева, которые стояли в углу. За ними возился маленький сгорбленный человек. Это был старик-часовщик, чьего имени никто не знал, он появлялся здесь раз в месяц, чтобы завести механизмы. Его движения были точными и медленными, словно он оперировал живое существо.

Я подошла ближе, привлеченная странным ритмом. Взглянула на циферблат и почувствовала, как по телу прошла легкая судорога, словно я коснулась оголенного провода. Секундная стрелка двигалась не вправо, а влево. Она отсчитывала время назад, методично и неумолимо.

- Почему они идут в обратную сторону? - спросила я, и мой голос прозвучал слишком громко в застывшем воздухе гостиной.

Старик не обернулся. Его пальцы, похожие на узловатые корни, продолжали манипулировать ключом.

- Время в этом доме - понятие относительное, деточка, - прохрипел он, не прерывая работы. - Марат Игоревич предпочитает помнить, сколько у него осталось, а не сколько прошло. Каждая секунда - это шаг к финалу. Это честнее, чем обычная ложь хронометров.

Аркадий за моей спиной недовольно кашлянул, давая понять, что разговор со слугами не входит в мой регламент. Но я не могла отвести взгляд от стрелки. Эта деталь, этот дефект реальности, идеально вписывался в образ Марата. Он окружал себя вещами, которые отрицали естественный ход жизни. Застывшие лица на фресках, часы, идущие назад, я - запертая в золотой клетке пентхауса.

- Идите переодеваться, Нелли, - приказал Аркадий. - Стилист привез платье. Оно в вашей комнате.

Я развернулась и пошла к лестнице, чувствуя на себе тяжелый взгляд Степана. Начальник службы безопасности стоял у дверей, скрестив мощные руки на груди. Его лицо напоминало вырубленную из гранита маску, а глаза за темными стеклами очков, казалось, фиксировали каждое мое микродвижение. Когда я проходила мимо, он едва заметно качнулся в мою сторону, создавая мгновенное ощущение клаустрофобии. Пространство вокруг него всегда было плотным, заряженным скрытой угрозой.

В коридоре второго этажа я столкнулась с Яной. Личный юрист Марата выглядела так, словно только что вышла из холодильной камеры: идеально отглаженный серый костюм, волосы, собранные в тугий узел, и взгляд, лишенный даже намека на теплоту. Она держала в руках папку с документами.

- Нелли, - она произнесла мое имя как юридический термин. - Я добавила в ваш контракт дополнительное соглашение о неразглашении деталей сегодняшнего вечера. Подпишете после приема. Надеюсь, вы понимаете, что любые ваши высказывания в присутствии Марка будут расценены как попытка нанесения репутационного ущерба.

- Марк тоже будет здесь? - я замерла. Этот журналист светской хроники обладал хваткой бульдога и полным отсутствием моральных тормозов.

- Он приглашен в качестве лояльной прессы, - Яна поправила очки в тонкой оправе. - Но это не значит, что ему можно доверять. Просто делайте то, что велел Аркадий. И не пытайтесь импровизировать. Импровизация - это удел тех, кому нечего терять.

Она прошла мимо, обдав меня запахом дорогого парфюма с нотами стали и озона. Я зашла в свою комнату и посмотрела на кровать, где лежало приготовленное платье. Это был футляр из тяжелого шелка цвета запекшейся крови. Красиво, дорого и абсолютно невыносимо. Оно выглядело как униформа, как еще один слой изоляции.

Я села на край кровати и достала телефон. Нужно было услышать чей-то нормальный голос. Я набрала номер Ольги Петровны. Моя старая наставница ответила после третьего гудка.

- Нелли? Что-то случилось с пигментами? - ее голос, медленный и рассудительный, подействовал на меня как успокоительное.

- Нет, Ольга Петровна. Просто... я боюсь, что связующее вещество не держит. Слои начинают отслаиваться.

Я говорила метафорами, зная, что она поймет. Мышечная память реставратора всегда подсказывала мне, когда структура начинает разрушаться.

- Послушай меня, девочка, - тихо сказала она. - В реставрации, как и в жизни, самое важное - не переусердствовать с очисткой. Если уберешь слишком много старой грязи, обнажишь пустоту. Иногда дефект - это то единственное, что делает картину подлинной. Не пытайся быть идеальной. Идеально только мертвое.

Я поблагодарила ее и положила трубку. Слова наставницы эхом отозвались в голове. "Идеально только мертвое". Марат хотел видеть меня идеальной. Значит, он хотел видеть меня мертвой внутри?

Раздался звонок. Это была Лиза. Моя бывшая коллега, чья энергия обычно сбивала с ног даже через экран телефона.

- Привет, пропадающая! - затараторила она. - Ну как ты там? Живешь в замке людоеда? Слушай, тут такие слухи ходят про твоего Марата. Говорят, он скупил половину коллекции

Громова, и все они - подделки. Представляешь? Старик Виктор в ярости, но молчит, потому что деньги не пахнут. Ты там поосторожнее, ладно? Не вляпайся в историю. И скинь фотку интерьера, умоляю, я хоть посмотрю, как живут боги!

- Лиза, мне сейчас некогда, - я прервала ее поток слов. - Здесь всё... сложно. Перезвоню.

Я выключила телефон. В комнате повисла тишина, нарушаемая только моим дыханием. Взгляд упал на дверь в стене, скрытую за тяжелой портьерой. Запретная комната. Марат сказал туда не входить, и это было лучшим способом заставить меня сделать обратное. В моих жилах текла кровь гимнастки, которая всегда шла на риск ради чистого исполнения элемента.

Я встала, подошла к двери и нажала на ручку. Она поддавалась на удивление легко, без единого скрипа. Внутри было прохладно и пахло старой бумагой и чем-то неуловимо знакомым. Это была гардеробная, но не обычная. Здесь висели вещи, которые казались призраками другой эпохи. Платья, костюмы, пальто - всё в идеальном состоянии, но с печатью времени.

В самом конце ряда я увидела его. Платье из нежного, почти прозрачного кружева цвета слоновой кости. Оно не висело, оно словно парило в воздухе. Я коснулась ткани кончиками пальцев. Она была живой, в отличие от того красного футляра на моей кровати. Это было платье с фрески. То самое, в котором была изображена женщина, так похожая на меня.

Мое тело само приняло решение. Мышечная память подсказала: это твой шанс нарушить ритм, вскрыть слой лжи. Я быстро сбросила свою одежду. Кожа мгновенно покрылась мурашками от прохладного воздуха. Платье скользнуло по моим бедрам, облекая фигуру как вторая кожа. Оно сидело идеально, словно было сшито на меня. Каждая выточка, каждый шов учитывали мои пропорции. Это было пугающе и завораживающе одновременно.

Я посмотрела в зеркало. Из зазеркалья на меня глядела незнакомка. Это была я, но в то же время - та, другая, с фрески. Мои глаза казались темнее, осанка - величественнее. Я больше не была инструментом, я стала самой историей.

Спустившись вниз, я услышала гул голосов в гостиной. Прием начался. Я замерла на верхней ступеньке, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Это был мой выход. Прыжок без страховки.

В гостиной уже было людно. Я увидела Виктора Громова, который что-то экспрессивно доказывал группе слушателей, активно жестикулируя. Его театральные манеры всегда казались мне избыточными, словно он постоянно играл роль великого эксперта в плохом сериале. Рядом с ним стоял Андрей, врач Марата. Он выглядел усталым, постоянно поправлял очки и бросал сочувственные взгляды на окружающих, словно диагностировал у них неизлечимые болезни.

- А вот и наша жемчужина, - голос Громова перекрыл общий шум.

Все головы повернулись в мою сторону. Я почувствовала, как воздух в комнате стал густым, почти осязаемым. Гости замерли. Я видела недоумение в глазах Яны, холодную ярость в прищуре Аркадия, который стоял у бара с подносом в руках.

Я медленно спускалась, стараясь сохранять безупречную осанку. Каждый шаг - это преодоление сопротивления. Я видела Кристину, бывшую модель Марата, которая стояла у окна, сжимая в руке бокал шампанского. Ее лицо, подтянутое пластикой, на мгновение исказилось от узнавания, а левое веко нервно дернулось. Она знала это платье. Она помнила его.

- Невероятно, - пробормотал Марк, уже вскидывая телефон, чтобы сделать снимок. Но Степан, возникший словно из ниоткуда, мягко, но решительно накрыл объектив ладонью.

- Никаких фото, - отрезал охранник. Его голос прозвучал как удар хлыста.

Я подошла к группе гостей. Громов рассматривал меня с жадным интересом, словно я была вновь открытым полотном старого мастера.

- Какая смелость, дорогая Нелли, - протянул он, целуя мою руку. Его кожа была сухой и холодной. - Надеть вещь с такой историей... Вы либо очень отважны, либо совершенно не понимаете, во что играете. Как сказал классик, красота - это страшная и ужасная вещь, здесь берега сходятся, здесь все противоречия вместе живут.

- Я всего лишь выбрала то, что подходит к случаю, Виктор, - ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Разве вы не учите нас, что искусство должно быть уместным?

Он усмехнулся, в его глазах блеснул недобрый огонек.

- Искусство должно быть подлинным. А подлинность часто причиняет боль тем, кто к ней не готов.

В этот момент в дверях появился Марат. Он был в черном костюме, который делал его фигуру еще более жесткой и графичной. Его взгляд скользил по гостям, пока не наткнулся на меня.

Мир вокруг словно перестал существовать. Я видела только его глаза. В них промелькнуло то, чего я никогда не видела раньше: неприкрытая, первобытная боль, смешанная с яростью. Его лицо, обычно каменное, на мгновение дрогнуло. Это была трещина в монолите, глубокий дефект в его тщательно выстроенной защите.

Марат сделал шаг ко мне. Окружающие расступились, чувствуя исходящую от него волну напряжения. Тишина в гостиной стала абсолютной, даже часы, кажется, перестали тикать назад.

Он остановился в полуметре от меня. Я чувствовала запах его парфюма - горький табак и холодный металл. Его дыхание было неровным. Он смотрел на кружево платья так, словно оно обжигало ему глаза.

- Кто разрешил тебе это надеть? - его голос был тихим, почти шепотом, но в нем слышался скрежет стали по стеклу.

- Я сама решила, Марат, - я выдержала его взгляд. Мои мышцы были напряжены до предела, я была готова к любому удару - физическому или словесному. - Ты сказал, что я должна соответствовать атмосфере этого дома. Что может быть более подходящим, чем это?

Он медленно поднял руку, и я невольно замерла, ожидая, что он схватит меня или ударит. Но его пальцы лишь едва коснулись кружева на моем плече. Я почувствовала, как его рука дрожит. Это открытие поразило меня сильнее, чем если бы он закричал. Великий манипулятор, человек-скала, терял самообладание из-за куска ткани.

- Ты не имеешь права, - произнес он, и в этом "не имеешь права" было столько отчаяния, что мне на секунду стало его жаль. - Ты не она. Ты никогда не будешь ею.

- Я знаю, - ответила я, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно встает на свои места. - Я - это я. И именно поэтому я надела это платье. Чтобы ты перестал искать в моих чертах чужие тени.

Марат резко отстранился. В его руке был бокал с виски, который он взял у проходящего мимо Аркадия мгновением раньше. Его пальцы сжались так сильно, что костяшки побелели. Раздался резкий, неприятный звук - тонкое стекло не выдержало давления и лопнуло.

Осколки брызнули во все стороны, несколько капель виски попали на мое светлое платье, расплываясь темными пятнами, похожими на следы от пуль. На ладони Марата проступила кровь. Она была ярко-алой, пугающе живой на фоне его бледной кожи.

- Хозяин! - Аркадий подскочил к нему с салфеткой, но Марат оттолкнул его руку.

Он смотрел на свою окровавленную ладонь с каким-то странным удивлением, словно впервые осознал, что в его жилах течет настоящая кровь, а не холодный антисептик. Гости стояли в оцепенении. Андрей сделал шаг вперед, его профессиональный инстинкт врача взял верх над замешательством, но взгляд Марата остановил его на месте.

- Убирайтесь, - сказал Марат, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно. - Все вон. Прием окончен.

Яна попыталась что-то сказать, вероятно, о репутации или сорванных договоренностях, но Степан уже начал технично оттеснять людей к выходу. Гости уходили быстро, в неловком молчании, стараясь не смотреть на хозяина дома. Громов прошел мимо меня, обдав дыханием, пахнущим старым вином, и прошептал:

- Вы вскрыли нарыв, Нелли. Теперь приготовьтесь к запаху гноя.

Когда последний гость покинул гостиную, в огромном пространстве остались только мы двое. И старик-часовщик, который продолжал возиться в углу, словно ничего не произошло. Тиканье часов, идущих назад, теперь казалось оглушительным.

Марат стоял ко мне спиной, глядя в панорамное окно на огни ночного города. Его плечи были опущены, поза лишена привычной властности. Кровь с его руки капала на паркет, оставляя маленькие круглые следы.

- Почему ты это сделала? - спросил он, не оборачиваясь.

- Чтобы увидеть тебя настоящего, - ответила я, подходя ближе. - Не коллекционера, не тирана. Просто человека, которому больно.

Он медленно повернулся. Его лицо снова было маской, но теперь она была треснувшей, со сколами, которые невозможно скрыть никаким гримом.

- Ты думаешь, что если ты увидела мою слабость, ты получила власть надзирателя? - он криво усмехнулся. - Нет, Нелли. Ты просто сделала нашу игру опаснее. Теперь мне нечего терять, кроме этого образа.

Я посмотрела на пятна на своем платье. Оно было испорчено. Подлинность действительно принесла разрушение. Но в этом разрушении была странная свобода. Я больше не боялась его правил, потому что увидела, как легко они рассыпаются от одного честного жеста.

- Иди к себе, - сказал он, указывая на лестницу. - Иними это. Никогда больше не смей заходить в ту комнату.

Я молча развернулась и пошла вверх. Мои ноги казались тяжелыми, словно налитыми свинцом, но спина оставалась прямой. Я чувствовала его взгляд на своем затылке, он жег сильнее, чем солнечные лучи утром.

Зайдя в свою комнату, я подошла к зеркалу. Пятна виски на кружеве потемнели, становясь почти черными. Я начала расстегивать крошечные пуговицы на спине, мои пальцы действовали уверенно, несмотря на дрожь в коленях. С каждым освобожденным сантиметром кожи я чувствовала, как с меня спадает тяжесть этого дома, этой истории, этого мужчины.

Я бросила платье на пол. Оно лежало там бесформенной кучей, лишённое своей магии и своей власти. Теперь это была просто старая вещь, испорченная неосторожным движением.

Я легла в постель, натянув одеяло до самого подбородка. В тишине пентхауса я слышала, как внизу Марат ходит из угла в угол. Его шаги были тяжелыми и неритмичными. Я знала, что этот вечер изменил всё. Слои за слоем мы сдирали друг с друга защиту, обнажая то, что оба так тщательно скрывали.

Засыпая, я думала о часах в гостиной. Они продолжали отсчитывать время назад, приближая нас к какому-то неизбежному финалу. И в этом обратном отсчете была своя логика: чтобы построить что-то новое, нужно сначала полностью разрушить старое, до самого основания, до чистого холста, на котором еще нет ни одного мазка. Я была готова к этому разрушению, потому что только в его эпицентре я чувствовала себя по-настоящему живой, а не просто отреставрированной версией самой себя.

Сны, которые начали приходить ко мне, были полны ярких красок и запаха свежей краски. В них не было запретных комнат и разбитых бокалов, только бесконечное пространство и свет, который не вскрывал дефекты, а делал их частью общего замысла. Я медленно погружалась в этот мир, зная, что завтрашний день принесет новые испытания, но теперь у меня было то, чего не было раньше - знание о том, что даже самый крепкий монолит можно расколоть, если найти правильную точку соприкосновения.

Шорох в вентиляции, который раньше пугал меня, теперь казался обычным звуком старого здания. Я больше не искала в нем скрытых смыслов. Единственный смысл был здесь, в биении моего собственного сердца, которое, в отличие от часов Марата, неумолимо отсчитывало секунды будущего, в котором я больше не буду чьим-то отражением. В этом будущем

было место для ошибок, для пятен на одежде и для крови на ладонях, потому что именно из этих несовершенств и состояла настоящая жизнь, которую я так долго пыталась реставрировать, не замечая, что она уже давно идет своим чередом за окнами этого пентхауса.

Утро обещало быть холодным и ясным, и я ждала его с тем спокойствием, которое дает только полное осознание собственной уязвимости, ставшей в итоге моей самой главной силой. В этой игре без правил я наконец-то начала понимать свою роль, и эта роль мне нравилась гораздо больше всех тех, что навязывал мне Марат или его свита из теней прошлого. Теперь ход был за мной, и я знала, что этот ход заставит стены этого дома вздрогнуть от неожиданности, открывая путь к свету, который невозможно будет скрыть никакими гардинами.

ГЛАВА 11. ТЕАТР ОДНОГО ЗРИТЕЛЯ

Холод пробирался под кожу не сразу, он действовал методично, как опытный реставратор, снимающий слой за слоем защитный лак. Я стояла у огромного окна, прижавшись лбом к стеклу, и чувствовала, как мои икроножные мышцы непроизвольно напрягаются, словно я все еще жду команды тренера выйти на ковер. Тело помнило все: каждый зажим, каждую микро-травму, каждую секунду, когда нужно было замереть в идеальной, но мучительной позе. Сейчас моей ареной был этот пентхаус, а моим единственным зрителем - человек, который ценил застывшие мгновения больше, чем саму жизнь.

Дверь за спиной открылась с тем едва слышным шелестом, который я научилась узнавать даже во сне. Аркадий вошел в комнату, неся поднос с завтраком. Ему было шестьдесят два, и он двигался с грацией старого кладбищенского сторожа - бесшумно, торжественно и абсолютно равнодушно к живым. Он поставил кофе на столик, не глядя на меня. Его манера избегать прямого контакта глаз всегда напоминала мне о том, что в этом доме я - лишь часть интерьера, возможно, чуть более дорогая, чем антикварная ваза, но такая же неодушевленная в его системе координат.

- Господин просил передать, что ужин сегодня состоится на террасе, - произнес Аркадий своим привычным полупшепотом. - Погода будет ясной. Я подготовил для вас кашемировое пальто.

- Спасибо, Аркадий, - ответила я, не оборачиваясь. - Передай господину, что я ценю его заботу о моей терморегуляции.

Он не ответил. Я знала, что он не оценит иронию. Для него любая моя попытка сострить была лишь дефектом в покрытии, лишним шумом, который мешал идеальной тишине дома. Когда он ушел, я посмотрела на свой кофе. Пенка уже начала оседать, образуя кракелюры, похожие на те, что я видела на фресках в нижнем зале. В этом доме все имело тенденцию разрушаться под грузом собственного совершенства.

Я взяла телефон. Экран мигнул уведомлением от Лизы. Моя бывшая коллега, с которой мы когда-то делили одну банку растворителя и одну мечту на двоих, не оставляла попыток пробиться сквозь мой новый социальный кокон. Привет, куколка! Слышала, ты теперь в высшей лиге. Марат - это же просто космос, девчонки в мастерской лопаются от зависти. Слушай, а он правда такой... железный? Расскажи хоть что-нибудь, мне тут для одной колонки нужно, ну ты понимаешь. Целую, Лизонька.

Я удалила сообщение, не раздумывая. Лиза с ее быстрым темпом речи, обилием уменьшительно-ласкательных суффиксов и жадным любопытством казалась мне теперь существом из другой галактики. Там, в ее мире, были шумные вечеринки, дешевое вино и настоящие проблемы с оплатой аренды. Здесь же проблемы были иного порядка - экзистенциальные и обернутые в шелк.

В коридоре послышались шаги, более тяжелые и ритмичные. Это был Степан, начальник службы безопасности. Если Аркадий был тенью дома, то Степан был его костяком. Я вышла из комнаты и столкнулась с ним у лифта. Он стоял, выпрямившись по-военному, и его взгляд, казалось, сканировал не меня, а пространство вокруг, выискивая потенциальные угрозы.

- Доброе утро, Степан, - сказала я, чувствуя, как внутри нарастает привычное раздражение. - Камеры в ванной еще не установили?

- Мы заботимся о вашей безопасности, Нелли Игоревна, - отчеканил он, даже не моргнув. - Лифт вызван. Приятного дня.

Клаустрофобия в этом доме была не физической, а психологической. Лифт закрылся, и я осталась одна со своим отражением в зеркальных панелях. Я выглядела слишком спокойной. Моя кожа была бледной, глаза - сухими. Я вспомнила Ольгу Петровну, мою первую настав-

ницу. Она всегда говорила: Неля, самое важное в реставрации - это связующее вещество. Если оно некачественное, никакие пигменты не спасут картину. Пройдет время, и все осыплется. Моим связующим веществом сейчас был страх, смешанный с болезненным любопытством, и я понимала, что эта смесь крайне недолговечна.

На выходе из лифта я чуть не столкнулась с Андреем. Личный врач Марата всегда пах антисептиком и выглядел так, будто сам нуждается в длительном отпуске. Он поправил очки и бросил на меня один из тех сочувственных взглядов, которые обычно предназначаются неизлечимо больным.

- Как ваше самочувствие? - спросил он, притормаживая. - Давление в норме? Сон не беспокоит?

- Я сплю как убитая, Андрей, - соврала я. - Марат дома?

- Он в кабинете, принимает Яну. Обсуждают какие-то дополнения к вашему контракту, - он понизил голос. - Вы берегите себя. В этом климате легко простудиться, особенно когда на душе сквозняки.

Я прошла мимо него, стараясь не вдыхать запах больницы. Яна, юрист Марата, была воплощением ледяного порядка. Я видела ее мельком пару дней назад - сухая, юридически выверенная женщина, которая могла бы составить договор на продажу собственной тени и не допустить ни одной грамматической ошибки. Она была частью той невидимой армии, которая удерживала мой мир в заданных границах.

День тянулся медленно, как подсыхающая масляная краска. Я пыталась работать в мастерской, но мысли постоянно возвращались к предстоящему ужину. Марат никогда не делал ничего просто так. Каждый его жест, каждый подарок, каждое слово были частью сложной композиции. Он был режиссером театра одного зрителя, где я была единственной актрисой, не знающей своей роли до начала спектакля.

Я вспомнила Кристину. Она была здесь до меня. Мы пересеклись на том злополучном благотворительном вечере в уборной. Она стояла у зеркала, поправляя помаду дрожащими руками, и от нее пахло тяжелым, удушающим парфюмом, который, казалось, въедался в стены. Берегись, прохрипела она тогда, глядя на меня через отражение. Он не ищет женщину. Он ищет идеальную версию ошибки, которую совершил когда-то. Когда он поймет, что ты - это просто ты, он начнет тебя переписывать. Ее левое веко нервно дернулось, и она вышла, оставив меня в облаке своего отчаяния.

К вечеру небо над городом стало свинцовым, с тонкими прожилками оранжевого заката. Я надела то самое кашемировое пальто, которое приготовил Аркадий. Оно было безупречным, тяжелым и теплым, цвета топленого молока. На террасе уже был накрыт стол. Степан стоял у входа, заложив руки за спину. Его присутствие превращало романтический ужин в допрос с декорациями.

Марат уже ждал меня. Он стоял у самого края, глядя вниз на огни мегаполиса. Его силуэт казался вырезанным из черной бумаги. Он не обернулся, когда я подошла, но я почувствовала, как изменилась плотность воздуха. Мое тело, натренированное годами гимнастики, мгновенно среагировало: плечи расправились, подбородок поднялся, дыхание стало ровным и поверхностным.

- Ты опоздала на три минуты, Нелли, - произнес он, не оборачиваясь. Голос звучал ровно, как приговор.

- Я проверяла, насколько хватит твоего терпения, - ответила я, становясь рядом. - Оказывается, оно имеет границы.

Он повернул голову и посмотрел на меня. В его глазах не было ни злости, ни нежности - только холодная оценка коллекционера.

- Терпение - это ресурс, который я не привык тратить впустую. Садись. Нам нужно поговорить.

Мы сели за стол. Ужин был функциональным: морепродукты, белое вино, минимум украшений. Все было подчинено одной цели - не отвлекать от главного. Где-то в глубине пентхауса послышался мелодичный звон. Это старик-часовщик, который приходил каждую неделю заводить старинные часы, закончил свою работу. Его визиты всегда казались мне дурным предзнаменованием, словно он заводил механизм, который в итоге должен был взорваться.

- Ты когда-нибудь теряла то, что считала своей частью? - спросил Марат, глядя на свое вино.

- Я потеряла спорт, когда мне было восемнадцать, - ответила я. - Травма колена. Один неудачный прыжок, и все, что составляло смысл моей жизни, превратилось в архивные записи.

- Это физическая потеря, - он пренебрежительно махнул рукой. - Я говорю о другом. О потере контроля над тем, что ты создал сам. Давным-давно, когда я еще верил, что искренность может быть инструментом созидания, у меня была коллекция. Не картин, нет. Это были люди, чьи судьбы я сплетал в один идеальный узор. Я думал, что я - мастер, который знает состав каждого пигмента. Но я ошибся. Один из них решил, что он может быть самостоятельным цветом.

Он замолчал, и тишина на террасе стала настолько густой, что ее можно было резать ножом. Степан за его спиной стоял неподвижно, как изваяние. Я чувствовала, как холод начинает пробираться сквозь кашемир.

- И что случилось? - спросила я, хотя знала, что ответ мне не понравится.

- Случился хаос, Нелли. Искренность привела к катастрофе, которую невозможно было исправить деньгами. Человек, которого я считал своим шедевром, совершил поступок, разрушивший всю композицию. С тех пор я предпочитаю искусство. Оно предсказуемо. Оно не меняет своего мнения в три часа ночи. Оно не предает.

- Но я - не картина, Марат. Я живая. Я совершаю ошибки, у меня есть дефекты, и я не собираюсь застыть в той позе, которую ты для меня выбрал.

Он усмехнулся - сухая, безрадостная гримаса.

- Именно поэтому ты здесь. Ты напоминаешь мне о той ошибке, но в тебе есть то, чего не было у нее - дисциплина. Твое тело знает, что такое подчинение правилам. Ты привыкла, что тебя оценивают по форме, а не по содержанию. Ты - идеальный материал для реставрации.

Я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось. Это было похоже на звук лопнувшей струны. Я хотела встать и уйти, но Степан, словно прочитав мои мысли, сделал полшага вперед, блокируя путь к двери. Я была в ловушке на высоте сорокового этажа, окруженная людьми, которые видели во мне лишь функцию.

В моей памяти всплыл Виктор Громов, тот напыщенный искусствовед с театральными жестами, который на одной из выставок во всеуслышание заявил, что мои работы - это лишь умелая имитация жизни, лишенная души. Марат тогда стоял рядом и улыбался. Теперь я понимала почему. Ему и не нужна была душа. Ему нужна была безупречная имитация.

- Я приготовил тебе подарок, - сказал Марат, доставая из кармана небольшую бархатную коробочку.

Он открыл ее. Внутри лежал браслет - тяжелая полоса белого золота, украшенная странной гравировкой, напоминающей переплетение ветвей или нервных окончаний. В центре был небольшой замок.

- Это не просто украшение, - он взял мою руку. Его пальцы были холодными, как мрамор. - Это символ нашей новой договоренности. Яна подготовила документы, ты подпишешь их завтра. Но этот браслет... он надевается один раз.

Я смотрела, как он застегивает его на моем запястье. Раздался негромкий щелчок, который показался мне громом среди ясной ночи.

- А ключ? - спросила я, пытаюсь нащупать механизм.

- Ключ будет у меня, - просто ответил он. - Он сделан по индивидуальному заказу. Его невозможно снять, не повредив кожу, если не использовать специальный инструмент. Теперь ты - часть моей частной коллекции в самом прямом смысле.

Я потянула за браслет, но он сидел плотно, почти сдавливая вены. Металл охлаждал кожу, и я вдруг почувствовала себя экспонатом в музее, который заперли на ночь, забыв выключить свет.

- Ты сумасшедший, - прошептала я, глядя ему в глаза.

- Нет, Нелли. Я просто человек, который усвоил урок. Контроль - это единственная форма любви, которая не приносит разочарования. Ты можешь злиться, можешь пытаться его снять, можешь ненавидеть меня. Но пока он на твоей руке, ты принадлежишь этому дому. Ты принадлежишь мне.

Он встал, давая понять, что аудиенция закончена. Степан отошел в сторону, освобождая проход. Марат направился к выходу, даже не обернувшись, чтобы посмотреть на мою реакцию. Я осталась сидеть за столом, глядя на огни города, которые теперь казались мне далекими звездами в чужой галактике.

Мой внутренний критик, обычно такой суровый и требовательный, на этот раз молчал. Видимо, даже он был ошарашен этой новой степенью несвободы. Я погладила металл браслета. Он был гладким, безупречно отполированным, без единой царапины. Настоящий шедевр ювелирного искусства. И он был моей новой кожей.

Я вспомнила Марка, того назойливого журналиста, который пытался пробраться в пентхаус под видом курьера. Что бы он написал, если бы увидел меня сейчас? Очередную скандальную статью о золотой клетке? Но он никогда не понял бы главного. Эта клетка не была золотой. Она была сделана из моих собственных страхов и моей потребности быть нужной хоть кому-то, даже если эта потребность принимала форму зависимости.

Я встала и подошла к краю террасы. Ветер трепал полы моего пальто, и на мгновение мне захотелось перемахнуть через перила, чтобы почувствовать вкус настоящей, неконтролируемой свободы, пусть даже она продлится всего несколько секунд. Но мое тело, мой верный и послушный инструмент, отказалось подчиняться этому импульсу. Мышечная память гимнастики требовала держать равновесие, во что бы то ни стало.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы, испачканные за день в пигментах, которые я так и не удосужилась смыть до конца, выглядели странно на фоне дорогого золота. Я была реставратором, который сам нуждался в зачистке.

Завтра придет Яна со своими контрактами. Завтра Аркадий снова принесет кофе, не глядя мне в глаза. Завтра Степан будет следить за каждым моим движением через объективы камер. Но сегодня у меня еще было немного времени, чтобы осознать тяжесть этого нового украшения.

В воздухе пахло озоном и приближающимся дождем. Я вошла в дом, и звук моих шагов по мрамору эхом отозвался в пустых залах. Пентхаус казался огромным склепом, где хранились обрывки чужих жизней, застывшие в краске и камне. Проходя мимо кабинета Марата, я услышала его голос. Он говорил по телефону, и его тон был таким же будничным, как если бы он обсуждал покупку акций или прогноз погоды.

- Да, она приняла его, - говорил он. - Все идет по плану. Подготовь документы к десяти утра. И вызови Андрея, пусть проверит ее состояние завтра. Мне нужно быть уверенным, что адаптация проходит без осложнений.

Я ускорила шаг, не желая слышать больше ни слова. Моя комната встретила меня идеальным порядком и запахом свежего белья. Я легла на кровать, не снимая пальто, и подняла руку вверх. Браслет соскользнул к предплечью, его холодный блеск в полумраке казался гипнотическим.

В эту ночь мне снилась Ольга Петровна. Она стояла в своей старой мастерской, окруженная банками с олифой и связками кистей. Неля, говорила она, качая головой, ты забыла самое главное правило. Реставратор не должен становиться частью картины. Он должен оставаться сторонним наблюдателем, иначе он потеряет зрение.

Я проснулась от собственного крика, который застрял в горле, превратившись в хриплый вздох. В комнате было тихо, только тикали часы где-то в коридоре - те самые, что завел сегодня старик. Время продолжало свой неумолимый бег, и я понимала, что с каждой секундой я все глубже погружаюсь в этот слой лака, который Марат заботливо наносил на мою жизнь.

Я села на кровати и коснулась замка на браслете. Он был крошечным, почти незаметным, но для меня он стал центром вселенной. Я знала, что Марат ждет от меня борьбы, протеста, слез. Это была его игра, его театр, где он был и режиссером, и единственным зрителем. Но он забыл об одном: даже самая послушная модель может внезапно изменить позу, разрушив всю тщательно выстроенную композицию.

Мои пальцы сжались в кулак. Мышечное напряжение достигло своего пика, а затем медленно начало спадать, оставляя после себя странную, звенящую пустоту. Я больше не была гимнасткой, ждущей оценки судей. Я не была реставратором, пытающимся спасти чужое прошлое. Я была кем-то другим, кем-то, кто еще не имел названия, но уже начинал осознавать свою силу в этом мире застывших образов.

Утро за окном начало окрашивать небо в нежно-голубой цвет, предвещая ясный и холодный день. Я встала, подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. На моем лице не было ни следа страха. Только холодная решимость и едва заметная тень иронии. Игра только началась, и я собиралась досмотреть этот спектакль до конца, даже если мне придется играть роль, которую я ненавижу, до тех пор, пока занавес не упадет сам собой.

В коридоре слышались шаги Аркадия. Пора было начинать новый день в этой золоченой тюрьме, где каждый мой вздох был задокументирован и оценен. Я выпрямила спину, надела свою привычную маску спокойствия и приготовилась встретить своего тюремщика с улыбкой, которая была гораздо опаснее любого протеста.

Тихий стук в дверь возвестил о начале первого акта. Я знала, что за дверью стоит не только Аркадий с его вечным подносом, но и весь этот мир, который Марат так тщательно выстраивал вокруг меня. И в этом мире я была единственным живым элементом, который все еще отказывался превращаться в экспонат, несмотря на золото на запястье и сталь в голосе хозяина дома.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как легкие наполняются холодным воздухом пентхауса. Впереди был долгий день встреч с Яной, Андреем и, конечно, с самим Маратом. Но теперь у меня было то, чего у них не было - знание того, что любая, даже самая совершенная система имеет свои уязвимые места, свои скрытые трещины, которые рано или поздно приведут к ее обрушению. И я собиралась найти эти трещины, чего бы мне это ни стоило, потому что только так я могла вернуть себе право на собственную жизнь, не ограниченную рамками чужого холста.

С каждым шагом к двери я чувствовала, как во мне растет новая сила, рожденная из полного принятия своей текущей участи и одновременного отказа ей подчиняться. Это был парадокс, который Марат вряд ли мог просчитать в своем стремлении к тотальному контролю. Он думал, что надел на меня оковы, но на самом деле он дал мне инструмент, с помощью которого я собиралась вскрыть его идеальный мир и посмотреть, что же там скрывается под всеми этими слоями дорогого лака и фальшивого совершенства.

Дверь открылась, и я шагнула навстречу новому дню, чувствуя, как холодный металл браслета на моем запястье становится частью меня, моей броней и моим секретным оружием в этой тихой войне за право быть собой, несмотря ни на что. Впереди было много работы, и я была готова приступить к ней с тем же усердием, с которым я когда-то тренировалась в

спортивном зале, зная, что за каждой болью всегда следует победа, если у тебя достаточно воли, чтобы дойти до конца.

Аркадий поклонился мне, его взгляд на мгновение задержался на моем запястье, но он тут же отвел глаза, словно боясь увидеть там что-то лишнее. Я прошла мимо него, чувствуя себя хозяйкой этого пространства, а не его пленницей. Это было начало конца его власти, и я знала, что этот процесс уже невозможно остановить никакими контрактами или замками.

Каждый мой шаг отдавался глухим эхом в пустом коридоре, и это эхо было похоже на биение сердца - живого, настоящего, непокоренного. Я была готова к встрече с Маратом, готова к его новым правилам и его новым подаркам. Потому что теперь я знала: в этом театре одного зрителя я была не просто актрисой, я была той, кто в итоге напишет финал этой истории, и этот финал не будет иметь ничего общего с теми планами, которые он так тщательно выстраивал в своем кабинете за закрытыми дверями.

Солнечный свет залил холл, отражаясь в зеркалах и хрустале люстр, создавая иллюзию праздника там, где на самом деле царил лишь холодная пустота. Я остановилась у окна и посмотрела на город, который просыпался далеко внизу. Он был огромен, хаотичен и прекрасен в своем несовершенстве. И я знала, что скоро я стану его частью, не как отражение на фреске, а как живой человек, способный на ошибки, на любовь и на ту самую свободу, которую невозможно купить ни за какие деньги мира.

Мой путь лежал через гостиную, где на стене висела та самая старая картина, которую я должна была начать реставрировать сегодня. Я подошла к ней и коснулась поверхности холста. Краска была сухой и ломкой, скрывая под собой истинные цвета и формы. Это была моя работа - вскрыть этот слой, убрать все лишнее и вернуть миру первоначальный замысел творца. И я собиралась проделать то же самое со своей собственной жизнью, не боясь повредить поверхность, потому что под ней всегда скрывается нечто гораздо более ценное, чем любая, даже самая искусная имитация.

Я услышала голос Яны, доносившийся из кабинета Марата, и поняла, что пора приниматься за дело. Документы ждали моей подписи, а новая роль - моего исполнения. Но в моем кармане, невидимая для всех, лежала та самая уверенность, которую я обрела этой ночью на террасе под открытым небом. Эта уверенность была моим ключом, который подходил ко всем замкам этого дома, и я собиралась воспользоваться им в самый подходящий момент, когда зритель меньше всего будет ожидать смены декораций и начала новой пьесы, в которой у меня будет главная и единственная роль.

С этими мыслями я вошла в кабинет, где Марат уже сидел за своим столом, окруженный бумагами и экранами мониторов. Он поднял голову, и на его лице промелькнула тень удовлетворения, когда он увидел браслет на моей руке. Он еще не знал, что этот символ его триумфа станет началом его поражения, и я не собиралась его в этом разуверять раньше времени. Наша игра продолжалась, и теперь я знала правила гораздо лучше, чем мой учитель.

День обещал быть долгим, насыщенным и полным скрытых смыслов, но я была готова к каждому его вызову. В этом мире, где все было подчинено воле одного человека, я начала строить свой собственный мир, основанный на тихом неподчинении и осознанной силе. И этот процесс приносил мне странное, почти физическое удовольствие, сравнимое с идеально выполненным упражнением на бревне, когда весь мир замирает в ожидании твоего следующего движения, а ты точно знаешь, что приземление будет безупречным.

ГЛАВА 12. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ШАНТАЖ

Библиотека Марата пахла старой кожей, дорогим табаком и чем-то неуловимо медицинским, что всегда оставалось после визитов доктора Андрея. Я замерла в дверях, чувствуя, как мышцы спины непроизвольно сокращаются, выстраивая привычный корсет осанки. Это была мышечная память гимнастки - когда страшно или неудобно, превращай тело в стальной стержень. Доктор Андрей как раз проходил мимо меня к выходу, поправляя свои вечные очки в тонкой оправе. От него пахло антисептиком и усталостью. Он бросил на меня сочувственный взгляд, один из тех, что обычно достаются пациентам с неизлечимым диагнозом, и тихо кивнул. Мы не обменялись ни словом, но этот взгляд заставил мой левый трицепс мелко задрожать. Я знала этот тип жалости. Так смотрят на тех, кто еще не понял, что их время на исходе.

В глубине комнаты, за массивным столом из темного дуба, сидел Марат. Рядом с ним, словно ледяное изваяние, застыла Яна. Его личный юрист была воплощением порядка, который пугал своей стерильностью. Она перекладывала листы контракта с такой точностью, будто проводила операцию на открытом сердце. Яна не подняла глаз, когда я вошла. Для нее я была лишь переменной в сложном уравнении, которую пока не требовалось сокращать. Ее голос, сухой и лишенный интонаций, заполнил пространство, когда она начала зачитывать какой-то пункт о праве собственности на объекты культурного наследия.

У окна стоял Аркадий. Управляющий пентхаусом, как всегда, казался частью интерьера, серой тенью, охраняющей границы этого герметичного мира. Он полировал серебряный поднос, и звук трения ткани о металл действовал мне на нервы, как скрип мела по доске. Аркадий никогда не смотрел мне прямо в глаза, предпочитая изучать мои отражения в полированных поверхностях мебели. Он был Цербером, который знал все мои шаги еще до того, как я их совершала.

- Марат, господин Громов прибыл, - раздался из динамика на стене отрывистый голос Степана. Начальник охраны звучал так, будто докладывал о приближении вражеской танковой колонны. - Он требует личной встречи. Говорит, что дело не терпит отлагательств.

Марат даже не шелохнулся. Он продолжал смотреть в одну точку на стене, где висела одна из моих последних работ, которую я считала незавершенной. Я видела в ней дефекты - слишком тонкий слой грунта в левом углу, едва заметный кракелюр, который скоро превратится в трещину. Марат же видел в ней только свою собственность.

- Пусть входит, - коротко бросил он. - Степан, проследи, чтобы этот навязчивый юноша, Марк, который опшивается у входа с диктофоном, не просочился следом. Он уже третий раз за утро пытается выдать себя за курьера.

Я почувствовала, как внутри нарастает раздражение. Лиза вчера прислала мне десяток сообщений, умоляя дать ей хоть какую-то зацепку о том, что происходит в пентхаусе. Ты там как в золотой клетке, Нелли, писала она, добавь хоть капельку движа, мне же нужно что-то рассказывать в тусовке. Я не ответила. Лиза была катализатором той жизни, от которой я пыталась убежать, но которая теперь казалась мне почти раем по сравнению с этой тишиной, прерываемой только тиканьем старинных часов в углу.

Кстати о часах. В углу библиотеки копошился старик-часовщик. Он приходил раз в неделю, и Марат, который не терпел посторонних, почему-то позволял ему находиться здесь часами. Старик был похож на ожившую горгулью, его пальцы, узловатые и темные, двигались внутри механизма с невероятной ловкостью. Он единственный в этом доме не боялся Марата. Иногда мне казалось, что он заводит не часы, а само время, отмеряя нам порции жизни.

Дверь распахнулась, и в библиотеку буквально ворвался Виктор Громов. Если Марат был воплощением статики, то Громов - это хаос, упакованный в дорогой, но помятый пиджак. Его театральные жесты, шарф, небрежно намотанный на шею, и этот взгляд знатока, который

видит не предмет, а его рыночную стоимость, - все в нем вызывало у меня желание немедленно зачистить пространство.

- Марат! Друг мой! - Громов раскинул руки, словно собирался обнять весь кабинет. - Ты скрываешь сокровища. Это просто преступление против искусства. Я слышал, ты нашел то, что считалось утраченным. Те самые фрески. Я должен их увидеть.

Марат медленно поднял голову. Его лицо было непроницаемо, как поверхность замерзшего озера.

- Виктор, ты пришел сюда без приглашения, чтобы поговорить о слухах? - голос Марата был тихим, но в нем слышался лязг металла.

- Слухи? О нет, это не слухи, - Громов подошел к столу, игнорируя ледяной взгляд Яны, которая даже не пошевелилась. - Мои источники утверждают, что ты держишь здесь оригинал, который может перевернуть представление о позднем ренессансе. И, судя по тому, что я вижу, ты завел себе личного реставратора.

Он повернулся ко мне, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Громов смотрел на меня так, будто я была экспонатом под стеклом. Он оценивал мою позу, мой взгляд, мои руки, испачканные в пигменте, который не отмывался до конца.

- Очаровательно, - протянул он, делая шаг в мою сторону. - Какое поразительное сходство с центральной фигурой на фреске. Марат, ты всегда был склонен к фетишизму, но это... это уже за гранью простого коллекционирования. Это почти одержимость.

- Виктор, выбирай выражения, - Марат встал, и я заметила, как напряглись его плечи. Это было едва заметное движение, но для меня оно прозвучало как выстрел.

Я стояла, прижавшись лопатками к холодному стеллажу с книгами. Внутренний критик в моей голове, говорящий голосом моей первой наставницы Ольги Петровны, сурово шептал: Держи блок, Нелли. Не позволяй им увидеть, что ты боишься. Связующее вещество в твоей душе должно быть крепче, чем в твоих красках. Ольга Петровна всегда говорила метафорами, и сейчас ее голос был единственным, что удерживало меня от того, чтобы просто убежать из этой комнаты.

- Марат, давай не будем играть в эти игры, - Громов оперся руками о стол. - Ты знаешь, кто я такой. Я могу подтвердить подлинность этих работ одной своей подписью. Или разрушить их репутацию одним абзацем в журнале. Ты ведь не хочешь, чтобы поползли слухи о подделках? А ведь они поползут, если ты не допустишь меня к осмотру.

Я видела, как Громов лжет. Его ложь была многослойной, как некачественная реставрация. Он переминался с ноги на ногу, его пальцы нервно теребили край шарфа, а глаза постоянно соскальзывали с лица Марата на сейф в углу. Он пришел сюда не за искусством. Он пришел за властью, которую давало обладание тайной.

- Подлинность моих коллекций не нуждается в твоём подтверждении, Виктор, - Марат подошел к нему почти вплотную. - И я не терплю шантажа. Степан выведет тебя сейчас, или он вынесет тебя через десять минут. Выбирай.

Громов рассмеялся, но смех был сухим и коротким. Он снова посмотрел на меня, и в его глазах блеснуло что-то злое, почти торжествующее.

- А ты, милая девочка, - обратился он ко мне, понизив голос, - ты ведь понимаешь, во что ввязалась? Ты думаешь, ты здесь для того, чтобы спасти искусство? Ты здесь, чтобы стать его частью. Буквально. Ты когда-нибудь задумывалась, почему эти фрески так хорошо сохранились?

Я промолчала, чувствуя, как немеют кончики пальцев. Марат сделал знак Степану, который мгновенно появился в дверях, его массивная фигура заслонила свет из коридора.

- Уходите, Виктор, - сказала Яна, не отрываясь от своих бумаг. - Ваш визит не был согласован, а ваши претензии не имеют юридических оснований. Мы зафиксировали попытку вымогательства.

Громов фыркнул, поправляя шарф. Он направился к выходу, но, проходя мимо меня, задержался на секунду. Марат был в двух шагах, но Громов успел наклониться к моему уху. От него пахло старым вином и чем-то гнилостным, как от непросохшего подвала.

- Эти фрески написаны кровью тех, кто был здесь до тебя, - прошептал он, и его голос был похож на шелест сухих листьев. - Посмотри внимательнее на пигменты, Нелли. Марат не коллекционирует живопись. Он коллекционирует души, запертые в краске. Ты следующая.

Он ушел, громко хлопнув дверью. В библиотеке воцарилась тишина, нарушаемая только монотонным тиканьем часов. Старик-часовщик закончил свою работу и теперь медленно собирал инструменты в кожаный саквояж. Он посмотрел на меня своими выпуклыми глазами и едва заметно покачал головой.

- Время не обманешь, дочка, - проскрипел он. - Его можно только завести на новый круг. Но пружина рано или поздно лопнет.

Марат стоял ко мне спиной, глядя в окно на город, который расстился внизу, как огромная серая карта. Его фигура казалась монументальной, но я видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих край стола. Он был в ярости, и эта ярость была направлена не только на Громова, но и на меня, за то, что я стала свидетельницей этой сцены.

- Аркадий, убери здесь все, - бросил Марат, не оборачиваясь. - Яна, подготовь документы для иска о защите репутации. Я хочу, чтобы Громов до конца жизни не мог отличить холст от туалетной бумаги.

Яна кивнула и начала быстро собирать папки. Аркадий принялся поправлять книги на полках, двигаясь бесшумно и эффективно. Я чувствовала себя лишней в этом отлаженном механизме. Мое тело требовало движения, сброса напряжения. Мне хотелось оказаться в спортзале, чувствовать под ладонями шершавую поверхность брусьев, слышать звук собственного дыхания, а не этот давящий гул тишины.

Я направилась к выходу, стараясь не смотреть на Марата. Но когда я уже была у двери, его голос догнал меня.

- Нелли.

Я остановилась, не оборачиваясь. Мышцы шеи затекли, голова казалась тяжелой.

- Не слушай его, - сказал он тише, чем обычно. - Громов - стервятник. Он питается страхом и домыслами. Твоя работа - фрески. Все остальное тебя не касается.

- Кровь, Марат? - я все-таки обернулась. Мой голос звучал на удивление твердо, хотя внутри все дрожало. - Он сказал, что они написаны кровью. Ты ведь знаешь состав пигментов. Ты ведь изучал их больше, чем кто-либо.

Марат наконец повернулся. Его взгляд был тяжелым, он словно придавливал меня к полу.

- В искусстве всегда есть жертва, Нелли. Ты как никто другой должна это знать. Разве ты не отдаешь себя всю, когда стоишь у мольберта? Разве твои мышцы не болят после целого дня работы? Это и есть та самая кровь. Громов просто любит дешевые метафоры.

Он подошел ко мне, и я почувствовала, как изменилось давление воздуха. Он остановился в нескольких сантиметрах, так близко, что я могла видеть мелкие морщинки в уголках его глаз. Его рука поднялась, и я невольно зажмурилась, ожидая удара или захвата, но он только поправил выбивавшуюся прядь моих волос. Это прикосновение было холодным и функциональным, как проверка качества материала.

- Иди в мастерскую, - скомандовал он. - Тебе нужно закончить центральный фрагмент. Завтра приедут оценщики, и все должно быть идеально. Никаких дефектов, Нелли. Никаких кракелюров.

Я вышла из библиотеки, чувствуя, как ноги становятся ватными. В коридоре я столкнулась со Степаном. Он стоял у лифта, скрестив руки на груди. Его взгляд был направлен в никуда, но я знала, что он фиксирует каждое мое движение. В этом доме не было слепых зон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.